

СОЦИОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

5
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромынка Принт», Москва,
ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.10.2022
Цена свободная

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Калинич В.С.</i> Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодёжи	5
<i>Невская Т.А.</i> Партийная идентичность в цифровом пространстве: новые вызовы....	14
<i>Чжан Сыци.</i> Американская теория коммуникации в контексте общественных отношений современной России	20

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ардашев Р.Г.</i> Криминальный суицид в школах: социальное измерение	23
<i>Грицких Н.В., Кононова О.Н., Рыбак Н.С.</i> Особенности развития гражданских инициатив в сфере креативных технологий.....	31
<i>Гуринович Л.А., Решетникова Е.В.</i> Экспертная оценка социального пространства жизнедеятельности работающей молодежи	41
<i>Зубова О.Г.</i> Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе.....	55
<i>Туркова В.Н.</i> Взятка как социальное действие (на основе системной теории Т. Парсонса).....	65
<i>Устинова О.В.</i> Репродуктивные установки в современном российском обществе	72

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Скуденков В.А.</i> Экономические притязания в условиях мобилизации	80
<i>Журавлева А.А.</i> Оценка развития институтов малого бизнеса в России и Китае (по материалам качественного исследования).....	88

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Гавриленко О.В.</i> Организационная культура и трудовая этика в советских и российских организациях: преемственность и различия	98
--	----

<i>Силивеев И.М.</i> Экспертные коммуникации антикризисного управления.....	108
---	-----

<i>Албаков И.У.</i> Направления решения проблемы безработицы выпускников вузов: социологический анализ.....	116
---	-----

<i>Ван Бэйбэй.</i> Исследование трансформации «цифрового общества» и модернизации социального управления	121
--	-----

<i>Мартынова Е.В.</i> Реализация жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	126
---	-----

<i>Машанова А.С., Мельникова М.С.</i> Формирование образовательного пространства реализации инклюзивных образовательных практик: оценка готовности профессорско-преподавательского состава вуза.....	135
--	-----

<i>Осмоловская С.М.</i> Цифровая социология высшей школы	143
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Чагин В.С.</i> Молодежный суицид в период пандемической самоизоляции	148
---	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Некрытая О.Н.</i> Влияние подходов Иммануила Канта к осознанию сущности семейно-брачных отношений на русскую православную философию.....	156
---	-----

<i>Олейник П.И.</i> Философский анализ целей Б. Рассела при построении программы логицизма.....	160
---	-----

<i>Цао Цзяци.</i> Исторический процесс в христианской философии Августина Блаженного и Николая Бердяева.....	169
--	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Политова Е.Д.</i> Наблюдение как вмешательство в ход событий в контексте теории Т. Юнга	179
--	-----

Дзюба Л.М. Фактор темпоральной координации в системе intersубъективности индивидов во включающем обществе 186

Попов В.В. Особенности корреляции intersубъективности и темпоральной координации в контексте субъективного времени индивидов во включающем обществе..... 191

Латышева Н.А. Парадигмы символов и символических пространств в современных социальных практиках..... 197

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы 202

Патриотическое воспитание как элемент социализации современной молодёжи

Калинич Владислав Сергеевич,

ассистент кафедры современной социологии
социологического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова
E-mail: vladislav6988@mail.ru

Данная статья посвящена рассмотрению ключевых субъектов патриотического воспитания современной российской молодёжи, их актуальному состоянию и особенностям их функционирования. Без налаженной эффективной системы патриотического воспитания сложно построить суверенное общество, которое будет способно противостоять деструктивному влиянию. В современных социальных, экономических и геополитических условиях для России данная проблема имеет большое значение.

Ключевые слова: социализация, патриотизм, патриотическое воспитание, молодёжь, безопасность, молодежная политика, современное общество, субъекты патриотического воспитания, социальные институты, гражданское общество.

Актуальность изучения вопроса патриотического воспитания как неотъемлемого элемента социализации современной молодёжи не подлежит сомнению по ряду веских и объективных причин.

Во-первых, наличие угрозы, связанной с опосредованным деструктивным влиянием на современную молодёжь извне, делает очевидной необходимость выстраивания в нашей стране эффективной системы воспитательной работы, и патриотическое воспитание – важная часть этой системы.

Во-вторых, патриотизм, как ценностная ориентация, всегда занимает особое место в системе ценностей русского народа. Любовь к Родине – тот духовный компонент, который позволяет нашему обществу противостоять любым вызовам и угрозам.

В-третьих, повышение внимания к вопросу патриотического воспитания со стороны государства, запуск федерального проекта «патриотическое воспитание»¹ актуализирует вопрос социологического анализа эффективности современного патриотического воспитания в России и тех изменений, которые происходят в настоящее время.

Обратимся к существующим трактовкам понятия «патриотическое воспитание». Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет воспитание как «деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства

¹ Федеральный проект «Патриотическое воспитание» [электронный ресурс] режим доступа: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. Дата обращения: 22.08.2022.

патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимному уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»². То есть понятие «патриотическое воспитание» включается в понятие «воспитание» как его частная составляющая.

Если обращаться к научным трактовкам указанного понятия, то, к примеру, С.М. Ёлкин и А.А. Косова определяют патриотическое воспитание как «процесс взаимодействия педагогов и учащихся, направленный на формирование патриотического сознания и ценностей, чувств и отношений, убеждений и мотивов служения Отечеству, в условиях усвоения учащимися опыта познавательной деятельности, эмоционально-ценностных отношений и действенно-практического опыта в различных видах патриотически ориентированной активности в процессе учебной и внеурочной деятельности»³. Определение «патриотического воспитания» как в первом, так и во втором случае дано с точки зрения педагогической науки. Далее следует рассмотреть данное понятие с точки зрения социологии.

Для того чтобы проанализировать сущность патриотического воспитания с точки зрения социологии, обратимся к категории «социализация», к его современной дефиниции. Академик РАН Г.В. Осипов определяет социализацию как «процесс интеграции индивида в общество, в различные типы социальных групп и социальных структур, в различные действия социальных норм посредством усвоения им элементов культуры, социальных норм и ценностей, на ос-

нове которых формируются социально значимые черты личности»⁴. Профессор Н.Г. Осипова, говоря о социализации личности, указывает, что это «сложный процесс ее (личности) взаимодействия с социальной средой, в результате которого формируются качества человека как подлинного субъекта общественных отношений»⁵. Из приведенных выше определений следует выделить сущность социализации как «процесса усвоения элементов культуры, социальных норм и ценностей» у Г.В. Осипова, а также характер «процесса взаимодействия с социальной средой» у Н.Г. Осиповой. В соотношении с рассмотренными ранее определениями патриотического воспитания можно сделать вывод, что этот процесс по своей сути соответствует социологическому определению социализации, то есть является его составляющей. Следовательно, патриотическое воспитание является элементом социализации, в процессе которого у личности происходит формирование патриотического сознания, ценностей, чувств и отношения к Родине, убеждений и мотивов служения во благо Отечества.

Наиболее эффективным патриотическое воспитание становится при выстраивании его в систему, когда данная работа ведется с ребенком, начиная с привития любви к Родине с самых ранних лет в семье, затем в рамках программ воспитания дошкольных образовательных организаций, образовательных организаций общего среднего образования, профессиональных образовательных организаций среднего и высшего образования. Важную роль также играют общественные организации, объединения и прочие социальные институты, которые в то же время выступают и агентами социализации.

Шмелева К.М. и Патрушева И.В. справедливо отмечают, что «для формирования патриотизма и гражданственности среди молодежи необходимо созда-

² См.: ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a. Дата обращения: 24.08.2022.

³ Ёлкин С.М., Косова А.А. О содержании понятий «патриотизм» и «патриотическое воспитание» // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 1 (99). С. 15.

⁴ Осипов Г.В. Введение в социологическую науку. М.: Наука; Вече, 2010. С. 135.

⁵ Осипова Н.Г. Современная социологическая теория. Часть 1. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 340.

ние соответствующей системы патриотического воспитания граждан, способной консолидировать и координировать усилия различных институтов общества и государства в этом направлении. Эта система должна включать в себя определенную нормативно-ценностную базу, которая будет точно определена. Также необходимо разработать конкретные мероприятия (классные часы в школах, конкурсы военно-патриотической песни, символики и т.п., знакомство с подвигами и открытиями российских героев и ученых), которые будут доносить до сознания граждан те нормы и ценности, которые должны быть известны и всегда актуальны для каждого гражданина Российской Федерации»⁶.

Следует отметить, что работа по выстраиванию данной системы идёт далеко не первый год. Элементы воссоздаваемой структуры частично сохранились как наследие советского опыта патриотического воспитания. Частично патриотические мероприятия, организации были созданы как локальная инициатива специалистов по работе с детьми, подростками и молодёжью после утраты советской системы патриотического воспитания. В настоящее время многое из описанного уже создано или создается сейчас. Далее рассмотрим ключевые субъекты патриотического воспитания в современном российском обществе.

Одним из важнейших субъектов патриотического воспитания, который следует рассмотреть в первую очередь, является семья. Работа системы патриотического воспитания может быть эффективной во многом при условии трансляции патриотизма как духовного и ценностного ориентира в семье. Доктор социологических наук А.В. Махиянова пишет о семье, как о ведущем агенте социализации и её «воздействие на индивида значительно превышает влияние других агентов. Именно семья трансли-

рует основные ценности общественного и индивидуального характера и передает жизненные ориентации всех уровней. В ее рамках происходит становление личности посредством усвоения ею социального опыта, норм, ценностей, традиций и духовно-культурного наследия поколений»⁷.

Восприятие патриотизма как духовной ценности чаще всего закладывается в детстве путём семейных праздников, традиций, воспоминаний и рассказов старших членов семьи об истории страны и её героических страницах, о предках, защищавших Родину от врагов, и выдающихся людях, которые жили и живут вокруг. Как бы не была эффективно выстроена система патриотического воспитания в обществе, как активно бы она не взаимодействовала с индивидом, влияние семьи на сознание и ценности индивида будет преобладающим.

Вторым по важности субъектом патриотического воспитания, который следует рассмотреть, и одновременно важным институтом социализации является образовательная организация. Важность роли образовательных организаций в вопросе воспитания молодёжи дополнительно подчеркнуло вступление в силу Федерального закона от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся»⁸. Закон разъяснил понятие «воспитание» и предписал ряд новых требований к образовательным программам, а также конкретизировал общие требования к организации воспитания обучающихся в образовательных организациях. Патриотическое воспитание, безусловно, это неотъемлемая

⁷ Махиянова А.В., Шелуханова Л.В. Семья как ценность и агент социализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 18 (272). Философия. Социология. Культурология. Вып. 25. С. 44.

⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/. Дата обращения 25.08.2022

⁶ Шмелева К.М., Патрушева И.В. Патриотическое воспитание как один из аспектов социализации // Молодежь XXI века: потенциал, тенденции и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, в 2-х т. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. – Т. 2. С. 158.

часть современной воспитательной работы в образовательных организациях. Специалистами по воспитательной работе организуется большое количество мероприятий патриотической направленности: конкурсы, праздники, приуроченные к Дням воинской славы России, просветительские беседы, фестивали творчества. На базе школ, университетов существуют добровольческие патриотические отряды, поисковые отряды. Далее, при рассмотрении деятельности следующей группы субъектов патриотического воспитания, остановимся подробнее на таких важных практиках, как поисковая деятельность и добровольчество.

Третьим ключевым субъектом патриотического воспитания и одновременно агентом социализации, оказывающим значительное влияние на развитие личности, является институт общественных организаций и объединений. В России существует значительное количество общественных организаций, которые занимаются патриотическим воспитанием. Многим из них удалось сохраниться с советских времен, некоторые возникли относительно недавно. Сегодня данные объединения и организации являются мощной общественной силой, которая охватывает значительное количество граждан всех возрастов.

Рассмотрим как пример поисковое движение – уникальное для России и некоторых республик бывшего СССР явление, объединяющее тысячи людей уже как минимум трёх поколений. Данное общественное движение включает в себя систему поисковых отрядов, возникших в значительном количестве в 80-е и 90-е годы XX века. Не последняя роль в организации первых поисковых отрядов принадлежит военным, вернувшимся с Афганской войны. Частные практики поиска останков погибших во время Великой Отечественной войны стали возникать после окончания боевых действий во второй половине 1940-х годов, но в общественном поле вопрос поиска погибших за свободу и независимость нашего Отечества был поднят только в 1980-е годы, когда многие острые социальные вопросы стали обсуждаться

публично. Отряды в первую очередь возникли в республиках, где проходили наиболее ожесточенные бои Великой Отечественной войны: в Российской Федерации, Украинской ССР и Белорусской ССР. Поисковое движение можно считать элементом советского опыта патриотического воспитания, сохранившимся до наших дней и успешно развивающимся сегодня. Отряды организуются и возглавляются, как правило, бывшими военными и ветеранами боевых действий. В их работу вовлечено большое количество подростков и молодёжи по всей России. На общенациональном уровне поисковое движение институционализировалось в 2013 году созданием Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», которое объединило более 45 тысяч поисковиков всех возрастов в составе более 1500 поисковых отрядов. Региональные отделения Движения открыты в 83 субъектах Российской Федерации⁹. Следует отметить, что реальное количество существующих поисковых отрядов в России превышает эту цифру, поскольку некоторые отряды в её состав не вошли. Поисковое движение – удачный инструмент передачи традиций, ценностей, памяти о подвиге народа, исторической правды о Великой Отечественной войне. То есть посредством поискового движения российское общество воспроизводит само себя как носитель ценной информации о памяти народа. Важность этой информации в том, что она способствует сохранению полноценности самого общества, трансляции его ценностей и ориентиров. Эта информация является нематериальным наследием русского народа, наследием культурным, экзистенциальным и социальным. Информация эта может дать народам России сознание их идентичности, сознание долга перед поколением победителей и ценности мира, кото-

⁹ См.: Сайт Общероссийского общественного движения по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rf-poisk.ru/page/230/>. Дата обращения: 26.08.2022

рый они сохранили, пожертвовав собой и оставив потомкам в наследство.

Отношение к военному патриотизму и военно-патриотическому воспитанию в России особое в силу целого комплекса причин. Но, в первую очередь, причиной такого отношения является трагичность нашей истории и цена, которую заплатил народ России за свободу Европы и всего мира от фашизма и нацизма. В нашей стране существует значительное количество военизированных патриотических организаций различного профиля, и логичным следствием развития имеющихся практик стало создание в 2016 году Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия». Движение включает в себя более 1 миллиона детей и подростков по всей стране, региональные штабы открыты в каждом из 85 регионов России¹⁰. Более корректно обозначить данное движение как общественно-государственное, поскольку создано оно по инициативе Министра обороны С.К. Шойгу и осуществляет свою деятельность в тесном сотрудничестве с органами государственной власти всех уровней.

Более массовым и широко направленным с точки зрения воспитательной работы является российское движение школьников (РДШ) – общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация, деятельность которой направлена на воспитание подрастающего поколения, развитие детей на основе их интересов и потребностей, а также организацию досуга и занятости школьников. РДШ как общественно-государственная детско-юношеская организация для всех школьников страны является важной составляющей воспитательной системы в образовательной организации в части воспитания высоко нравственных, социально успешных граждан. Движение создано Указом Президента Российской Фе-

дерации от 29.10.2015 № 536 «О создании общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников»¹¹. Организацией в числе других развивается военно-патриотическое направление работы. В рамках данного направления Российским движением школьников проводится ряд крупных общероссийских мероприятий.

Дальнейшим развитием общественных институтов патриотического воспитания в настоящее время становится организация российского общественно-государственного движения детей и молодёжи в соответствии с принятым Федеральным законом от 14.07.2022 № 261-ФЗ¹². В числе целей создания данной организации провозглашается «подготовка детей и молодёжи к полноценной жизни в обществе, включая формирование их мировоззрения на основе традиционных российских духовных и нравственных ценностей, традиций народов Российской Федерации, достижений российской и мировой культуры, а также развитие у них общественно значимой и творческой активности, высоких нравственных качеств, любви и уважения к Отечеству, трудолюбия, правовой культуры, бережного отношения к окружающей среде, чувства личной ответственности за свою судьбу и судьбу Отечества перед нынешним и будущими поколениями, иные общественно полезные цели»¹³. Таким образом, указанные цели нового движения, которое, очевидно, создается как важный элемент систе-

¹¹ См.: Сайт Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников» [электронный ресурс] режим доступа: <https://рдш.рф/about>. Дата обращения: 31.08.2022.

¹² См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодёжи» [электронный ресурс] режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140025?index=3&rangeSize=1>. Дата обращения: 31.08.2022.

¹³ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодёжи» [электронный ресурс] режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140025?index=3&rangeSize=2>. Дата обращения: 31.08.2022.

¹⁰ См.: Сайт Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического движения «Юнармия» [электронный ресурс] режим доступа: <https://yunarmy.ru/headquarters/about/>. Дата обращения: 26.08.2022.

мы патриотического воспитания современной России, коррелируются с целями рассмотренных выше институтов воспитания, а также с трактовкой воспитания, которая приводится в федеральном законе об образовании¹⁴.

Далее обратимся к такому уникальному явлению, как патриотическое волонтерство. Добровольческая или волонтерская деятельность поддерживается в нашей стране на очень высоком уровне. Толчок к развитию добровольчества получило в 2017 году, когда Указом Президента России был учрежден день добровольца¹⁵, а 2018 год был объявлен годом добровольца (волонтера)¹⁶. Самой крупной добровольческой организацией патриотической направленности является Всероссийское общественное движение «Волонтеры Победы», которое было основано как Всероссийский волонтерский корпус 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, который уже тогда объединил 136 тысяч добровольцев¹⁷. Сейчас «Волонтеры Победы» – это более 300 тысяч только зарегистрированных добровольцев, более 1000 муниципальных штабов, региональные отделения во всех субъектах Российской Федерации и более 400 общественных центров на базе образовательных организаций¹⁸. Коллектив авторов из РАН-ХиГС при Президенте Российской Федерации Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю.

¹⁴ См.: ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3e7a. Дата обращения: 24.08.2022.

¹⁵ См.: Указ Президента Российской Федерации от 27.11.2017 № 572 «О дне добровольца (волонтера)» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42521>. Дата обращения: 10.08.2022

¹⁶ См.: Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2017 № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» [электронный ресурс] режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573>. Дата обращения: 10.08.2022.

¹⁷ См.: Сайт Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» [электронный ресурс] режим доступа: <https://волонтерыпобеды.рф/about>. Дата обращения: 26.08.2022.

¹⁸ См.: Там же. Дата обращения: 26.08.2022.

и Хатнюк Н.Н. справедливо отмечает, что «волонтерство способствует социализации индивидов и их включенности в общественные процессы и интеграции с социально-активными группами»¹⁹. Добровольчество актуально для индивидов любых возрастов, но особенно важно при формировании личности молодого человека, гражданина.

Четвертым рассматриваемым субъектом патриотического воспитания выступают органы государственной власти сферы молодежной политики. На федеральном уровне органом исполнительной власти и координатором молодежной политики в стране является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодѣжь)²⁰. Ведущей программой патриотического воспитания молодежи само агентство обозначает «Роспатриот» и указывает, что «она направлена на популяризацию патриотизма, повышение осознанности молодых людей и их интереса к истории своей страны»²¹. Также среди своих функций в этой сфере агентство обозначает построение коммуникации между старшими и молодыми поколениями. В ведомстве Росмолодѣжи находится Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» (Роспатриотцентр). Среди направлений своей деятельности данное учреждение обозначает:

- патриотическое воспитание молодежи;
- вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность;
- организация федеральной форумной кампании²².

¹⁹ Проказина Н.В., Бобылева Н.Ю., Хатнюк Н.Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. 2019, № 2. С. 49.

²⁰ См.: Сайт Федерального агентства по делам молодежи [электронный ресурс] режим доступа: <https://fadm.gov.ru/agency/about>. Дата обращения: 26.08.2022

²¹ См.: Сайт Федерального агентства по делам молодежи [электронный ресурс] режим доступа: <https://fadm.gov.ru/activity/scope/2>. Дата обращения: 26.08.2022

²² См.: Сайт Федерального агентства по делам молодежи [электронный ресурс] режим доступа:

«Роспатриотцентр» реализует Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», который является в настоящее время основным программным документом стратегии патриотического воспитания в Российской Федерации. Период реализации федерального проекта – 2021–2024 годы. Курирует проект заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голикова, руководит им заместитель Министра просвещения Российской Федерации Д.Е. Грибов²³.

На региональном и муниципальном уровне субъектами патриотического воспитания выступают органы сферы молодёжной политики в форме министерств, комитетов, отделов, управлений и департаментов, как обособленные, так и в составе смежных органов (сферы образования, культуры, спорта). Данные субъекты работают в рамках региональных и муниципальных нормативно-правовых актов как основные исполнители. Одновременно с этим могут выступать соисполнителями программ и проектов других уровней власти, к примеру, вышеупомянутого федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации».

Подводя итог, следует отметить, что каждый субъект патриотического воспитания в настоящее время претерпевает изменения. Принимаются новые нормативно-правовые акты, регламентирующие воспитательную работу в целом и патриотическое воспитание в частности, растёт количество организаций патриотического воспитания, растёт их поддержка со стороны общества и государства. Можно сделать вывод, что происходит систематизация и стандартизация патриотического воспитания, разъяснение его целей и принципов. Система патриотического воспитания

<https://fadm.gov.ru/agency/structure/organizations/3>.
Дата обращения: 26.08.2022

²³ См.: Паспорт федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/Vospitatelnay%20rabota82.pdf.
Дата обращения: 26.08.2022

в России проходит путь от разрушения в начале 1990-х годов к возрождению в настоящее время, а значит, к усилению России как государства и как социума. Профессор Т.Н. Самсонова отмечает, что «патриотизм – это «высокий» уровень идентификации личности; он «поднимает» каждого отдельного человека над его этническими корнями, выдвигая на первый план принадлежность к своей стране. Объединительные и интеграционные идеи патриотизма в том, что он «представляет» государство (Родину) как ценность, которая постоянно нуждается в совместных усилиях граждан»²⁴.

Доктор социологических наук С.О. Елишев справедливо утверждает, что «для эффективного функционирования институтов воспитания современной молодёжи необходима координация и взаимодействие субъектов этого процесса, создание единого воспитательно-педагогического пространства»²⁵. В настоящее время это пространство строится путем активного взаимодействия ключевых субъектов воспитательной работы.

Литература

1. Elishev S.O. Social manipulation of youth. M.: Canon + ROOI «Rehabilitation», 2019. p. 317.
2. Elkin S.M., Kosova A.A. On the content of the concepts of «patriotism» and «patriotic education» // Bulletin of the Novgorod State University. 2017. No. 1 (99). p. 15.
3. Makhyanova A.V., Shelukhanova L.V. Family as a value and agent of socialization // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. № 18 (272). Philosophy. Sociology. Cultural studies. Issue 25. p. 44.
4. Osipov G.V. Introduction to sociological science. Moscow: Nauka; Veche, 2010. p. 135.

²⁴ Самсонова Т.Н. О гражданском воспитании в условиях институциональных изменений в современной России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012, № 2. С. 47.

²⁵ Елишев С.О. Социальное манипулирование молодёжью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 317.

5. Osipova N.G. Modern sociological theory. Part 1. Moscow: Canon + ROOI «Rehabilitation», 2019. p. 340.
6. Passport of the federal project «Patriotic education of citizens of the Russian Federation» [electronic resource] access mode: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/Vospitatelnay%20rabota82.pdf. Date of address: 26.08.2022.
7. Prokazina N.V., Bobyleva N.Y., Khatnyuk N.N. Realization of volunteer (volunteer) potential in Russia // Scientific result. 2019, No. 2. p. 49.
8. Website of the All-Russian public movement «Volunteers of Victory» [electronic resource] access mode: <https://волонтерыпобеды.рф/about>. Date of address: 26.08.2022.
9. Website of the All-Russian Children's and youth military-patriotic movement «Yunarmiya» [electronic resource] access mode: <https://yunarmy.ru/headquarters/about/>. Date of address: 26.08.2022.
10. Website of the All-Russian public movement to perpetuate the memory of those killed in the defense of the Fatherland «Search Movement of Russia» [electronic resource]. Access mode: <https://rf-poisk.ru/page/230/>. Date of application: 26.08.2022.
11. Website of the All-Russian public-state children's and youth organization «Russian movement of schoolchildren» [electronic resource] access mode: <https://рдш.рф/about>. Date of address: 31.08.2022.
12. Website of the Federal Agency for Youth Affairs [electronic resource] access mode: <https://fadm.gov.ru/agency/about>. Date of application: 26.08.2022.
13. Samsonova T.N. On civic education in the conditions of institutional changes in modern Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2012, No. 2. p. 47.
14. Article 2 of Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 «On Education in the Russian Federation» [electronic resource] access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad-4c9d9696ee0c3ee7a. Date of appeal: 24.08.2022.
15. Decree of the President of the Russian Federation No. 572 of 27.11.2017 «On the day of the volunteer (volunteer)» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42521>. Date of application: 10.08.2022
16. Decree of the President of the Russian Federation of 06.12.2017 No. 583 «On holding the Year of the Volunteer (Volunteer) in the Russian Federation» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573>. Date of appeal: 10.08.2022.
17. Federal Law No. 304-FZ of 31.07.2020 «On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» on the education of students [electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/. Accessed 25.08.2022.
18. Federal Law No. 261-FZ of 14.07.2022 «On the Russian Movement of children and youth» [electronic resource] access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140025?-index=3&rangeSize=1>. Date of application: 31.08.2022.
19. Federal project «Patriotic education» [electronic resource] access mode: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. Date of application: 22.08.2022.
20. Shmeleva K.M., Patrusheva I.V. Patriotic education as one of the aspects of socialization // Youth of the XXI century: potential, trends and prospects: materials of the All-Russian. scientific and practical. conferences with international participation, in 2 volumes. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2014. – Vol. 2. p. 158.

PATRIOTIC EDUCATION AS AN ELEMENT OF SOCIALIZATION OF MODERN YOUTH

Kalinich V.S.

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to the consideration of the key subjects of patriotic education of modern Russian youth, their current state and the peculiarities of their

functioning. Without an established effective system of patriotic education, it is difficult to build a sovereign society that will be able to resist destructive influence. In modern social, economic and geopolitical conditions for Russia, this problem is of great importance.

Keywords: socialization, patriotism, patriotic education, youth, security, youth policy, modern society, subjects of patriotic education, social institutions, civil society.

References

1. Elishev S.O. Social manipulation of youth. M.: Canon + ROOI «Rehabilitation», 2019. p. 317.
2. Elkin S.M., Kosova A.A. On the content of the concepts of «patriotism» and «patriotic education» // Bulletin of the Novgorod State University. 2017. No. 1 (99). p. 15.
3. Makhyanova A.V., Shelukhanova L.V. Family as a value and agent of socialization // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2012. № 18 (272). Philosophy. Sociology. Cultural studies. Issue 25. p. 44.
4. Osipov G.V. Introduction to sociological science. Moscow: Nauka; Veche, 2010. p. 135.
5. Osipova N.G. Modern sociological theory. Part 1. Moscow: Canon + ROOI «Rehabilitation», 2019. p. 340.
6. Passport of the federal project «Patriotic education of citizens of the Russian Federation» [electronic resource] access mode: http://www.lms.eduportal44.ru/NewKoiro/obrazov_det/SiteAssets/SitePages/Vospitatelnay%20rabota82.pdf. Date of address: 26.08.2022.
7. Prokazina N.V., Bobyleva N.Y., Khatnyuk N.N. Realization of volunteer (volunteer) potential in Russia // Scientific result. 2019, No. 2. p. 49.
8. Website of the All-Russian public movement «Volunteers of Victory» [electronic resource] access mode: <https://волонтерыпобеды.рф/about>. Date of address: 26.08.2022.
9. Website of the All-Russian Children's and youth military-patriotic movement «Yunarmiya» [electronic resource] access mode: <https://yunarmy.ru/headquarters/about/>. Date of address: 26.08.2022.
10. Website of the All-Russian public movement to perpetuate the memory of those killed in the defense of the Fatherland «Search Movement of Russia» [electronic resource]. Access mode: <https://rf-poisk.ru/page/230/>. Date of application: 26.08.2022.
11. Website of the All-Russian public-state children's and youth organization «Russian movement of schoolchildren» [electronic resource] access mode: <https://ррш.рф/about>. Date of address: 31.08.2022.
12. Website of the Federal Agency for Youth Affairs [electronic resource] access mode: <https://fadm.gov.ru/agency/about>. Date of application: 26.08.2022.
13. Samsonova T.N. On civic education in the conditions of institutional changes in modern Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2012, No. 2. p. 47.
14. Article 2 of Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 «On Education in the Russian Federation» [electronic resource] access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee-0c3ee7a. Date of appeal: 24.08.2022.
15. Decree of the President of the Russian Federation No. 572 of 27.11.2017 «On the day of the volunteer (volunteer)» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42521>. Date of application: 10.08.2022
16. Decree of the President of the Russian Federation of 06.12.2017 No. 583 «On holding the Year of the Volunteer (Volunteer) in the Russian Federation» [electronic resource] access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42573>. Date of appeal: 10.08.2022.
17. Federal Law No. 304-FZ of 31.07.2020 «On Amendments to the Federal Law «On Education in the Russian Federation» on the education of students [electronic resource]. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/. Accessed 25.08.2022.
18. Federal Law No. 261-FZ of 14.07.2022 «On the Russian Movement of children and youth» [electronic resource] access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140025?index=3&range-Size=1>. Date of application: 31.08.2022.
19. Federal project «Patriotic education» [electronic resource] access mode: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. Date of application: 22.08.2022.
20. Shmeleva K.M., Patrusheva I.V. Patriotic education as one of the aspects of socialization // Youth of the XXI century: potential, trends and prospects: materials of the All-Russian scientific and practical. conferences with international participation, in 2 volumes. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2014. – Vol. 2. p. 158.

Партийная идентичность в цифровом пространстве: новые вызовы

Невская Татьяна Александровна,

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: nevskaya_t@mail.ru

Представленное исследование посвящено изучению вопроса о новых вызовах в плане формирования и продвижения партийной идентичности в цифровом пространстве. Методология работы формируется за счет сочетания сравнительного и структурного анализа. Сделан вывод о том, что в условиях глобальной трансформации системы политического восприятия избирателей партии сталкиваются с необходимостью менять как содержание своей идентичности, так и подходы к использованию каналов ее трансляции. В цифровом пространстве это выражается в необходимости сформировать привлекательные и оригинальные, но в то же время конвенциональные образы прошлого и будущего, привязав их к актуальной политической повестке. Равным образом партиям необходимо перестроить каналы трансляции соответствующих сообщений. Что ставит перед ними задачу выстраивания прямой аффиляции с потенциально дружественными лидерами общественного мнения внутри сетевого сообщества, создания собственной сети политиков-блогеров, адаптации контента к популярным форматам и переноса части ресурсов (в том числе – их аудитории) на новые площадки.

Ключевые слова: партийная идентичность, вызов, цифровое пространство, соцмедиа.

Спецоперация России на Украине и последовавшая за ее началом конфронтация РФ с государствами «коллективного Запада» ожидаемым образом сформировали запрос на трансформацию как системы политических практик, так и способов имиджевого позиционирования партий. Указанные события радикальным образом трансформировали внешне- и внутривнутриполитическую повестку, задав новые параметры восприятий партий избирателями. Как следствие, возникла потребность в трансформации их идентичности. Что предполагает необходимость изменения не только формирующего ее символического ряда и закодированных в нем смыслов и ценностей, но и каналов и форм их трансляции [1, с. 55; 4, с. 21; 12, с. 112; 13, с. 218]. В первую очередь это касается наиболее быстрорастущего сегмента поля политического позиционирования, т.е. цифрового пространства.

Высокую степень актуальности заявленной темы обуславливает также наличие пробелов в степени изученности темы. Ее характеризуют лакунарность и фрагментарность.

Целью данного исследования является выявление новых вызовов для построения партийной идентичности в цифровом пространстве. Тема партийной идентичности в цифровом пространстве крайне редко получает статус самостоятельного предмета для изысканий [2]. Как правило, отдельные ее аспекты выборочно освещаются в рамках разработки вопроса о трансформации социальных структур и заданной ею мимикрии партийных идентичностей [5; 7; 9].

Методология работы основывается на комбинировании сравнительного и структурного анализа.

Теоретическая основа работы выстраивается путем комбинации элементов конструктивистского, психоаналитического и социально-психологического подходов к интерпретации идентично-

сти. Последнее предполагает, что партийная идентичность представляет собой разновидной социальной модели самоопределения, которая не задана некими естественными факторами (например, обстоятельствами ее происхождения), а формируется под воздействием внешних акторов и присущей им культуры. В качестве ресурса конструирования групповой идентичности нами рассматриваются символически-ритуальные интеракции и детерминированные ими дискурсивные практики, ориентированные на обеспечение ценностного и поведенческого конформизма целевой аудитории. В роли их первоисточника выступает система представлений о престижности групповой идентичности (ингруппо-

вой фаворитизм) и более низком статусе прочих сообществ (аутгрупповая дискриминация). Таким образом, партийная идентичность представляет собой воображаемый конструкт, выстраиваемый вокруг определенного набора ценностных маркеров. В качестве наиболее значимых базовых элементов идентичности можно выделить образ себя (или образ миссии партии), позиционирующий вне зависимости от временного контекста, образы значимых других и галерею темпоральных образов (отображающих позиционирование партий прошлого, настоящего и будущего). Они формируют когнитивный, эмоциональный и поведенческий блоки идентичности.

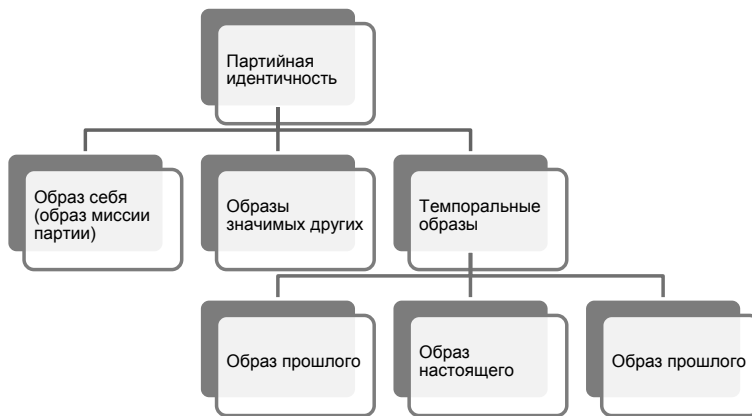

Рис. 1. Структура партийной идентичности

Напрямую обращаясь к вопросу о новых вызовах в плане построения партийной идентичности в цифровом пространстве, в первую очередь необходимо отметить формальные факторы, влияющие на функционирование каналов распространения контента.

С одной стороны, мы наблюдаем рост дифференциации форматов репрезентации контента, который напрямую стимулирует появление новых сетевых площадок, профилированных под конкретный вид контента. На практике ярким случаем проявления этого является соцсеть TikTok, предназначенная в первую очередь для публикации коротких видео с аудио-сопровождением (как правило,

музыкальным). Важно подчеркнуть, что развитие данной тенденции приводит к усложнению процесса адаптации изначального – универсального – меседжа для конкретных площадок. В наиболее ощутимой форме последний тренд проявился в процессе вынужденной миграции пользователей Instagram на площадку VK: отличия в работе двух соцмедиа, обусловленные в первую очередь спецификой контента, вызвали существенные затруднения даже у опытных блогеров, вынуждая менять привычные форматы презентации контента [2, с. 5].

С другой стороны, процесс дифференциации и тематической специализации социальных медиа открывает перед

партиями широкие возможности с точки зрения охвата новой аудитории. Однако использование многих перспективных ресурсов требует существенного ребрендинга имиджа партии и смены привычных форм публичной коммуникации. Что, в свою очередь, ставит на повестку дня вопрос о коррекции формирующих образ партии смыслов, ценностей и одобряемых моделей поведения. В качестве иллюстративного примера можно привести успешную практику стримов на площадке Twitch, в ходе которых представители непарламентских партий общались с аудиторией, одновременно играя в PUBG (PlayerUnknown's Battlegrounds). Также можно обратить внимание на новые возможности продвижения формирующих партийную идентичность символов в графической форме, например, в аниме-стилистике на ресурсе Amino или путем формирования тематических коллекций на фотохостинге Pinterest. Однако использование этих форматов требует как опыта погружения в соответствующую культурную среду, так и понимания специфики алгоритмов работы конкретных сервисов [3, с. 239; 5, с. 42].

Также серьезные проблемы с продвижением партийной идентичности в цифровом пространстве вызвала блокировка Instagram и ограничения на размещение контента в TikTok. Только 13–15 марта Instagram покинули 6,7 млн пользователей. 21–27 февраля данную соцсеть в среднем в день посещали 32% россиян в возрасте от 12 лет, 11–15 апреля – уже 12% (по подсчетам экспертов компании Mediascope)¹. По подсчетам Brand Analytics с февраля 2022 г. и до начала третьей декады апреля с платформы TikTok фактически ушли 87% российский авторов, объем генерируемого гражданами РФ контента сократился на 93%².

¹ Mediascope показала, как уменьшалась российская аудитория Facebook, Instagram и Twitter после начала блокировок соцсетей. URL: <https://habr.com/ru/news/t/656535/> (дата обращения: 25.04.2022); Что происходит с Instagram? Середина апреля, разбираем данные. URL: <https://dnative.ru/chto-proishodit-s-instagram-seredina-aprelya-razbiraem-dannye/> (дата обращения: 25.04.2022).

² TikTok потерял 87% российских блогеров. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2022/>

Сопряженная с этим миграция на площадки Telegram и VK породила проблемы обеспечения переходов подписчиков между ресурсами, приспособления к новому формату трансляции контента, выстраивания взаимоотношений с традиционными лидерами мнений на новых ресурсах и т.д.

Помимо вызовов, связанных с использованием новых форматов и каналов сетевой коммуникации, следует отметить кризис содержательного наполнения партийных идентичностей.

Обращает на себя очевидный кризис с точки зрения обеспечения интрагруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации (в наиболее острой форме ощущающийся в оппозиционных партиях). Изменение политической конъюнктуры, последовавшее за началом спецоперации на Украине, прославило перед ними сложную задачу – сформулировать модель интерпретации происходящего, концептуально совпадающую с позицией официальной власти, но в то же время обладающую яркими отличиями, привлекательными для ядра электората партии. Важно подчеркнуть – данная специфика предполагает трансляцию позиции партии сквозь призму ее идеологии, т.е. ценностей и смыслов, формирующих соответствующую идентичность [6; 7, с. 69]. В данном случае показателен пример КПРФ. Позиция соратников Г.А. Зюганова в отношении спецоперации почти полностью совпадает с официальной точкой зрения как действующей власти, так и партии «Единая Россия». Закономерным результатом этого стал «переток» электорального рейтинга от КПРФ к «Единой России»³. Так, по данным ВЦИОМ, за период с 14 ноября 2021 г. по 17 апреля 2022 г. электоральный рейтинг КПРФ сократился с 18,7% до 10,3%. Согласно оценке ФОМ, за аналогичный период уровень популярности КПРФ сократился среди избирателей с 15% до 9%. Одновременно социологи зафик-

04/25/303968.phtml (дата обращения: 25.04.2022).

³ Рейтинги власти: ЕР «съела» рейтинг КПРФ? URL: http://vybor-naroda.org/vn_exclusive/216635-rejtingi-vlasti-er-sela-rejting-kprf.html (дата обращения: 20.04.2022).

сировали прирост рейтинга единороссов на 11,5–15% при отсутствии значимой позитивной динамики у прочих партий⁴.

Ситуацию усугубляет отсутствие у большинства партий развитых «сеток» каналов и групп, объединяющих косвенно или напрямую аффилированных с ними лидеров общественного мнения. В качестве главных каналов распространения используются преимущественно малопопулярные официальные страницы партий. Успешные политики блогеры (такие, как Н.Н. Бондаренко) развиваются преимущественно за счет собственных ресурсов и работают в первую очередь в целях конструирования персонального бренда. Следует отметить и то, что партии, как правило, слабо взаимодействуют с близкими к ним в идеологическом плане популярными блогерами. Так, со стороны КПРФ не предпринималось попыток коллаборации с Д.Ю. Пучковым, К.А. Жуковым, П.А. Ивановым и т.д. [5, с. 42]

Также усугубляются проблемы, связанные с формированием образа будущего. Ранее главной проблемой большинства партий (за исключением «Единой России») являлось отсутствие у их избирателей позитивных ожиданий относительно прихода соответствующих структур к власти. Данное обстоятельство автоматически нивелировало потенциал образа будущего, поскольку тот приобрел откровенно фантомный характер. В настоящее время произошла масштабная трансформация системы координат образа будущего: он оказался четко привязан к конфликту на Украине, конфронтации с Западом и способам их урегулирования. Условный горизонт планирования при этом сократился до среднесрочной перспективы. И в то же время снижение субъектности оппозиции усугубило восприятие представляющих ее партий в качестве «технических структур», не способных реально оспорить доминирование «партии власти» [8, с. 95; 9, с. 29].

⁴ Рейтинг политических партий. URL: <https://wciom.ru/ratings/reiting-politicheskikh-partii/> (дата обращения: 25.04.2022); Политические индикаторы. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d15pi2022.pdf> (дата обращения: 25.04.2022).

Важно отметить и рост запроса на репрезентацию в цифровом пространстве партийного образа прошлого. Он обусловлен в первую очередь ретроспективной ориентацией идентичности самих россиян. Как показало проведенное в сентябре 2020 г. исследование Левада-центра главными основаниями для гордости за свою идентичность для большинства россиян являются достижения прошлого – победа в Великой Отечественной войне (89%) и успехи СССР в области освоения космоса (43%)⁵. Помимо того, отсутствие явных перспектив прихода к власти в ближайшей перспективе вынуждает многие партии обосновывать верность собственным идеям и программам посредством обращения к истории. Равным образом представления о прошлом используются как инструмент дискредитации политических оппонентов [2, с. 17].

Таким образом, в условиях глобальной трансформации системы политического восприятия избирателей партии сталкиваются с необходимостью менять как содержание своей идентичности, так и подходы к использованию каналов ее трансляции. В цифровом пространстве это выражается в необходимости сформировать привлекательные и оригинальные, но в то же время конвенциональные образы прошлого и будущего, привязав их к актуальной политической повестке. Таким образом, в существующей трансформации нуждаются образ миссии партии и галерея темпоральных образов. Равным образом партиям необходимо перестроить каналы трансляции соответствующих месседжей. Что ставит перед ними задачу выстраивания прямой аффиляции с потенциально дружественными лидерами общественного мнения внутри сетевого сообщества, создания собственной сети политиков-блогеров, адаптации контента к популярным форматам и переноса части ресурсов (в том числе – их аудитории) на новые площадки.

⁵ ГОРДОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (дата обращения: 20.04.2022).

Литература

1. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 288 с.
2. Гигаури Д.И. Выборы в Государственную Думу 2021: блоги, социальные сети и партийная идентичность в виртуальном пространстве // Социодинамика. 2021. № 11. С. 1–21.
3. Гусев А.С. Практики исследования партийной идентичности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 1. С. 235–244.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Институт «Открытое общество. Фонд содействия», 2000. 608 с.
5. Кулаков С.В. Партии и партийная идентичность в условиях мировой трансформации социальной структуры // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2016. Т. 2. № 4 (8). С. 40–44.
6. Невская Т.А. Организационные основы партийного строительства в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5, с. 241–250.
7. Паунежева Г.Х. Становление партийной идентичности в Российской Федерации: нормативный и процессуальный анализ // Горизонты экономики. 2014. № 3 (15). С. 67–70.
8. Полежаева Т.Ю. К проблеме определения понятий «партийная идентичность» и «партийная идентификация» // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3 (13). С. 91–103.
9. Селезнева А.В. Демократические ценности в современном российском обществе // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 20–33.
10. Сенцов А.Э., Трунтягин А.А., Лещёв М.Е. Региональное развитие и формирование политической идентичности в условиях партийного доминирования // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2016. № 35. С. 71–76.
11. Холодковский К.Г. Идеино-политическая, партийная самоиден-

тификация // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2012. С. 100–102.

12. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Издательство «Флинта», МПСИ, «Прогресс», 2006. 352 с.
13. Rose R., Mishler W. Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries // Electoral Studies. 1998. № 2. P. 217–234.

PARTY IDENTITY IN THE DIGITAL SPACE: NEW CHALLENGES

Nevskaya T.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The presented study is devoted to the study of the issue of new challenges in terms of the formation and promotion of party identity in the digital space. The work methodology is formed through a combination of comparative and structural analysis. It is concluded that in the context of the global transformation of the system of political perception of voters, parties are faced with the need to change both the content of their identity and approaches to the use of its broadcast channels. In the digital space, this is expressed in the need to create attractive and original, but at the same time conventional images of the past and future, tying them to the current political agenda. In the same way, parties need to restructure the channels for broadcasting the corresponding messages. This sets them the task of building a direct affiliation with potentially friendly public opinion leaders within the online community, creating their own network of political bloggers, adapting content to popular formats and transferring some of the resources (including their audience) to new platforms.

Keywords: party identity, challenge, digital space, social media.

References

1. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: Institute of Experimental Sociology, 2005. 288 p.
2. Gigauri D.I. Elections to the State Duma 2021: blogs, social networks and party identity in the virtual space // Sociodynamics. 2021. No. 11. S. 1–21.

3. Gusev A.S. Practices for the Study of Party Identity // Political Expertise: POLITEKS. 2013. V. 9. No. 1. S. 235–244.
4. Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture. M.: Institute “Open Society, Assistance Fund”, 2000. 608 p.
5. Kulakov S.V. Parties and party identity in the context of the global transformation of the social structure // Bulletin of the Tambov University. Series Political sciences and law. 2016. Vol. 2. No. 4 (8). pp. 40–44.
6. Nevskaya T.A. Organizational foundations of party building in modern Russia // Social and humanitarian knowledge. 2021. No. 5, p. 241–250.
7. Paunezheva G. Kh. Formation of party identity in the Russian Federation: normative and procedural analysis // Horizons of the economy. 2014. No. 3 (15). pp. 67–70.
8. Polezhaeva T. Yu. On the problem of defining the concepts of “party identity” and “party identification” // Citizen. Elections. Power. 2019. No. 3 (13). pp. 91–103.
9. Selezneva A.V. Democratic values in modern Russian society // Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences. 2016. No. 6. S. 20–33.
10. Sentsov A.E., Truntyagin A.A., Leshchev M.E. Regional development and the formation of political identity in the conditions of party domination // Strategy for Sustainable Development of Russian Regions. 2016. No. 35. S. 71–76.
11. Kholodkovsky K.G. Ideological-political, party self-identification // Political identity and identity politics. T. 1: Identity as a category of political science: a dictionary of terms and concepts. M.: ROSSPEN, 2012. S. 100–102.
12. Erickson E. Identity: youth and crisis. M.: Flint Publishing House, MPSI, Progress, 2006. 352 p.
13. Rose R., Mishler W. Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries // Electoral Studies. 1998. No. 2. P. 217–234.

Американская теория коммуникации в контексте общественных отношений современной России

Чжан Сыци,

Магистр, Философский факультет Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: diemaske@foxmail.com

Статья посвящена реализации теоретических положений американской теории коммуникации в социальной жизни современной России. Проанализированы основные теоретические воззрения на сущность, структуру и функции коммуникации как социального феномена с позиции интеракционистского подхода и структурного функционализма. Коммуникация является как процессом передачи информации, так и механизмом специфических человеческих отношений. Процессуальные характеристики коммуникации описывают ее двусторонний процесс с прямой и обратной связью, субъектов коммуникации и ее эффекты. В современных условиях информационного общества России ведущими сферами коммуникативной деятельности выступает «публик рилейшнз», рекламная, политическая, управленческая коммуникации. Коммуникативная модель американских ученых К. Шеннона – У. Уивера описывает механизмы и закономерности коммуникативной деятельности с использованием электронно-цифровых средств коммуникации в условиях информационного общества современной России.

Ключевые слова: теория коммуникации, субъект коммуникации, интеракционистский подход, структурный функционализм, математическая модель коммуникации К. Шеннона – У. Уивера, электронно-цифровые средства коммуникации.

Современное общество характеризуется интенсификацией информационных потоков и связей, развитием информационно-коммуникационных средств производства и общественных отношений, что существенным образом влияет на изменения в системе общественных коммуникаций. Коммуникативное пространство современной России характеризуется межкультурным разнообразием, многообразием коммуникативных средств и практик. Поэтому все большее внимание в научном сообществе уделяется вопросам коммуникаций в различных сферах общественного бытия. Актуальным становится осмысление основных теоретических положений американской теории коммуникации и ее воплощение в социальной жизни современной России. Это позволит по-новому взглянуть на механизмы и инструменты современной системы коммуникационных связей, общественной коммуникации и процессов социального взаимодействия в различных социальных системах.

Коммуникация в самом общем виде определяется как обмен и передача информации, как общение, как система связей, отношений и взаимодействия. В научный дискурс термин «коммуникация» был введен в начале XX века основоположником американской социологии Ч. Кули, согласно которому коммуникация рассматривалась, с одной стороны, как способ сохранения и передачи информации, с другой – как условие существования и развития человеческих отношений. Ч. Кули с позиции интеракционистского подхода акцентировал внимание на социальной природе личности, которая, находясь во взаимодействии с другими, выступает субъектом коммуникации. Определяя специфику коммуникации, Ч. Кули писал о том, что развитие коммуникации происходит в условиях актуализации продуктов мыслительной деятельности личности по-

средством системы специальных символов, отражающих ее отношения с миром [1]. Сутью коммуникации, согласно Ч. Кули, является не столько обмен информацией, сколько вовлечение коммуникантов в сферу отношений с миром, то есть коммуникация рассматривается как механизм специфических человеческих отношений.

Другой американский мыслитель Т. Парсонс, рассматривая социальное взаимодействие с позиции структурно-функционализма, описывает коммуникативный комплекс, а коммуникацию определяет как общение и взаимодействие между личностями, отмечая, что содержание коммуникации носит символический и культурный характер [3]. Для понимания процессуальных характеристик коммуникации интерес представляет концептуальная модель коммуникации американского ученого Г. Ласуэлла. Процесс коммуникации определяется в процессе ответа на вопросы о том, кто передает информацию, что это за информация, каковы каналы информации, кому и с каким эффектом передается данная информация [5, с. 179]. Таким образом, в данных моделях коммуникация определяется как двусторонний процесс обмена информацией, в котором ведущую роль играют субъекты коммуникации, а также содержание и эффекты передаваемой информации. Функциональная роль коммуникации заключается в том, что она способствует становлению коммуникативных форм и связей, обеспечивающих формирование структуры социума. Свое практическое воплощение данные коммуникативные модели находят в различных сферах межличностных, межгрупповых, межкультурных, производственных и общественных отношений в современной социальной действительности России.

Дальнейшее развитие американской теории коммуникации привело к появлению множества разнообразных моделей, которые на сегодняшний день имеют свое практическое воплощение в современной общественной жизни России. В настоящее время в России в качестве актуальных сфер коммуни-

кативной деятельности выступает «паблик рилейшнз», рекламная, политическая, управленческая и электронно-цифровые коммуникации. Механизмы и закономерности коммуникативной деятельности в условиях информационного общества современной России наиболее полно отражает математическая теория коммуникации, в частности математическая модель К. Шеннона – У. Уивера, которая разработана в рамках теории информации и информационного обмена между различными системами связи [2, с. 15–16]. В настоящее время сформировано новое коммуникативное пространство, для которого характерны усложнение контактов, виртуализация и глобализация информационной среды, появление новых коммуникативных средств и форматов. Как пишет И.В. Шалина, «развитию теории коммуникации способствовало становление кибернетики, информатики, семиотики, которые термином коммуникация обозначают технические каналы и средства связи» [4, с. 8].

Таким образом, основные положения американской теории коммуникации позволяют обобщить научные представления о сущности коммуникационных связей, коммуникационного акта и субъектов коммуникации в современных условиях социальной действительности России, для которой характерны многообразие межкультурных коммуникаций, появление новых коммуникационных средств взаимодействия, резкий рост объемов передаваемой информации в публичном пространстве общественных отношений.

Литература

1. Кули Ч.Х. Общественная организация. Изучение углубленного разума / Ч.Х. Кули // Тексты по истории социологии XIX–XX веков: хрестоматия / [сост. В.И. Добреньков, Л.П. Беленкова]. – М.: Наука, 1994. – С. 375–382.
2. Мусиец П.В. Социально-философский анализ субъектов коммуникации: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. – М., 2006. – 25 с.

3. Парсонс Т. Система координат и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социол. мысль: тексты. – М., 1994. – С. 448–463.
4. Шалина И.В. Современная коммуникативистика: практикум: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 128 с.
5. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society / Berelson B., Janowitz M. Reader in Public Opinion and Communication. New York: The Free Press, 1966. – P. 178–189.

AMERICAN COMMUNICATION THEORY IN THE CONTEXT OF SOCIAL RELATIONS IN MODERN RUSSIA

Zhang Siqi

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the implementation of the theoretical provisions of the American communication theory in the social life of modern Russia. The main theoretical views on the essence, structure and functions of communication as a social phenomenon are analyzed from the point of view of the interactionist approach and structural functionalism. Communication is both a process of information transfer and a mechanism of specific human relations. The procedural characteristics of communication describe its two-way process with direct and feedback, the subjects of communication and its effects. In the modern conditions of the information society in Russia, the leading areas of communicative activity are “public relations”, advertising, political,

and managerial communications. The communicative model of American scientists C. Shannon – W. Weaver describes the mechanisms and patterns of communicative activity using electronic-digital means of communication in the information society of modern Russia.

Keywords: communication theory, subject of communication, interactionist approach, structural functionalism, mathematical model of communication by C. Shannon – W. Weaver, electronic digital means of communication.

References

1. Cooley C.H. Social organization. The study of the in-depth mind / Ch.H. Cooley // Texts on the history of sociology of the XIX–XX centuries: a reader / [comp. IN AND. Dobrenkov, L.P. Belenkov]. – M.: Nauka, 1994. – P. 375–382.
2. Musiets P.V. Socio-philosophical analysis of the subjects of communication: Abstract of the thesis. ... candidate of philosophical sciences: 09.00.11. – M., 2006. – 25 p.
3. Parsons T. The system of coordinates and the general theory of systems of action: culture, personality and the place of social systems // American sociol. thought: texts. – M., 1994. – P. 448–463.
4. Shalina I.V. Modern communication science: workshop: teaching aid. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. – 128 p.
5. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society / Berelson B., Janowitz M. Reader in Public Opinion and Communication. New York: The Free Press, 1966. – P. 178–189.

Криминальный суицид в школах: социальное измерение

Ардашев Роман Георгиевич,
кандидат юридических наук, Сибирский
юридический институт МВД России
E-mail: ardachev.rg@bk.ru

В статье рассматриваются оценки общественности в отношении криминального суицида, все чаще случающегося в современном обществе. Особое внимание уделяется массовому убийству школьников, совершенному их одноклассниками. На основе массового опроса (n=1250) рассматриваются позиции разных социальных групп в отношении причин и последствий данных событий на поведение россиян и социальное самочувствие российского общества в целом.

Ключевые слова: криминальный суицид, социальное измерение, убийство в школе, оценка общественности, социальные последствия, самоубийство.

Криминальный суицид – это такое самоубийство, причиной которого выступает внешнее негативное воздействие физического, психического или информационного характера, не исключающее возможности суицидента осознавать фактический характер и значение совершаемых действий, их возможные последствия и руководить ими (в том числе отказаться от их осуществления).

Выделяют три основных подвида криминального суицида, которые существенно отличаются друг от друга по механизму осуществления, в связи с чем требуют специфических мер противодействия:

- индивидуальное воздействие на конкретное лицо в форме доведения до самоубийства, склонения к самоубийству или содействия самоубийству;
- криминальный киберсуицид (групповое информационное воздействие деструктивного характера на членов определённого неформального сообщества («клубы самоубийц», «группы смерти») или неопределённый круг лиц с целью побуждения их к индивидуальным или коллективным актам самоубийств, в том числе с использованием информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей);
- суицидальный терроризм (подготовка исполнителей террористических актов, предполагающих необходимость совершения самоубийства террористами-смертниками в ходе их осуществления).

В последнее время все чаще поступают сигналы о расстрелах школьников своих одноклассников с последующим самоубийством или убийством зачинщика этих событий. Примером может служить расстрел школьников и студентов

в Керчи¹, в Казани², в Усть-Куте³ и других городах.

Актуальность данной проблемы, ее высокий градус напряженности в общественном сознании, потребность изучать причины, способы профилактики и следствия выступают предметом исследований как теоретиков, так и практиков. Социальные причины и последствия расстрелов школьников занимают умы современных ученых (Д.Г. Давыдов, К.Д. Хломов [12], О.А. Полюшкевич, Р.В. Иванов, И.А. Журавлева, А.В. Завьялов [17,18]). Это также относится к криминальному суициду и выступает показателем социального напряжения в обществе (Р.Г. Ардашев [2–5], Х.И. Бердникова, О.В. Шумилова, Е.Э. Юшкова [8], Ю.В. Бурова, Л.Ф. Айзютова [10], Е.Г. Камалян, Е.А. Кудрявцева [13], Е.Б. Любов, П.Б. Зотов, Б.С. Положий [15], А.В. Мартыненко [16], С.Ж. Рыспаева [19], Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова [20], К.С. Соловьева [21], А.П. Суходолов, А.М. Бычкова [22], В.С. Тибиркина, Г.М. Шигабетдинова [23], С.В. Хашаева, Ю.Н. Гриневич, И.С. Заводян [24]); социально-психологических особенностей подростков и молодежи (П.В. Барышева, А.Ю. Чуракова, Д.Д. Николаева [7], Е.В. Борисоник [9], П.Ю. Горяева [11]); социально-правовых форм регулирования, табуирования и развития суицидального поведения (Р.Г. Ардашев [1,6], К.В. Корсаков [14]).

Таким образом, с позиции теоретической обусловленности, данная проблематика выступает разносторонне изучаемой проблемой. Но изучение и оценка общественного мнения в отношении криминального суицида и терактов в школах требует постоянного мониторинга, так как это один из ключевых показате-

лей социального самочувствия, уверенности в завтрашнем дне и готовности рисковать или сохранять социальные условия и реалии общественного воспроизводства.

Указанные авторы к социально-демографическим причинам, влияющим на уровень убийств и самоубийств в школе, относят:

1) семейно-бытовые конфликты. Согласно криминологическим исследованиям, лица, испытавшие жестокость и насилие в раннем детстве; чьи родители развелись; чьим воспитанием в детстве пренебрегали, чаще других, вырастая, становятся преступниками¹ и обладают повышенным риском самоубийства. Недостаток внимания и заботы со стороны родных зачастую может привести к поиску третьих лиц, в том числе в сети Интернет, которые, как кажется подростку, их выслушают и поймут;

2) факторы окружающей среды, куда включают:

- социальную изоляцию, отчуждение, неприятие в коллективе;
- проблемы в школе (колледже, институте), на работе (буллинг, тяжелые и затяжные конфликты и т.д.);
- утрата значимых отношений (распад пары, ссора с близким другом, смерть близкого человека);
- переживания по поводу нетрадиционной сексуальной ориентации (боязнь признаться в этом), аутинг (публичное разглашение личной информации о сексуальной ориентации или гендерной идентичности человека против его желания и согласия). Повышенный риск самоубийства имеют гомосексуалисты, которые совершают попытки суицида от двух до шести раз чаще гетеросексуалов.

Нравственно-мировоззренческие причины. Уровень массовых убийств и самоубийств растет в годы идеологических кризисов. Как известно, суицид – это следствие отсутствия или утраты смысла жизни³. Криминологический анализ показывает, что современный человек при создавшейся иллюзии большей свободы выбора в действительности стал более зависим от окружающего

¹ Массовое убийство в Керченском политехническом колледже [электронный ресурс] URL: Массовое убийство в Керченском политехническом колледже – Википедия (wikipedia.org)

² Массовое убийство в гимназии № 175 [электронный ресурс] URL: Массовое убийство в гимназии № 175 – Википедия (wikipedia.org)

³ В Усть-Куте сын депутата расстрелял троих семиклассников из травмата [электронный ресурс] URL: В Усть-Куте сын депутата расстрелял троих семиклассников из травмата – ИА REGNUM

мира. При этом не обязательно рассматривать отношение всего общества, достаточно мнения какой-либо одной социальной группы (например, подростков). Более того, оно может быть не постоянным, а временным, так как это прослеживается сегодня: группы смерти привлекают внимание несовершеннолетних, у которых после присоединения к ним меняется мнение об акте самоубийства.

Массовая культура, СМИ навязывают обществу некий стандарт жизненного успеха, несоответствие которому воспринимается человеком как трагедия. Особенно разрушительно это действует на психику несовершеннолетних. По мнению специалистов, особую опасность вызывает такое социальное явление, как «эффект Вертера» (массовая волна подражающих самоубийств и подражающих массовых убийств в школах).

Это стало основой для проведения нами исследования. В онлайн опросе жителей России (n=1250), приняло участие 57% женщин и 43% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, занимающих различное социально-экономическое и территориально-стратификационное положение. Результаты исследования анализировались пакетом SPSS и открытые вопросы изучались при помощи транс-символического анализа.

По мнению россиян, массовые убийства в школах нельзя ничем оправдать (100%). Но причинами этих поступков только треть указывает на психологические проблемы школьников, ставших на путь преступления, а также на общество в целом, ситуация в экономике, политические проблемы, религиозные или мировоззренческие взгляды распределены не равномерно среди представителей разных возрастов. В таблице 1 представлено сравнение разных возрастных групп на оценку данного явления: экономические проблемы важны больше для представителей среднего возраста (36–55 лет), а политические для молодежи (18–35 лет), религиозные или мировоззренческие факторы наиболее значимы для опрошенных старшего возраста (55 и старше).

Таблица 1. Взгляды представителей разных возрастов на школьные массовые убийства (в %)*

Причины массовых убийств	18–35 лет	36–55 лет	56 и старше
Психологические проблемы школьников	33,3	32,9	33,8
Общество в целом	34,4	33,2	32,4
Экономические проблемы	30,8	43,3	20,1
Политические проблемы	18,9	22,3	24,3
Религиозные или мировоззренческие взгляды	10,1	12,2	14,3
Другое	3,2	3,5	2,1

*можно было выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма выше 100%

По мнению россиян, школьные массовые убийства свойственны демонстративному типу убийц и самоубийц – характеризуется стремлением показать реальность суицидальных намерений, обратить тем самым на себя внимание, вызвать сочувствие (личные мотивы или социальные условия внешнего давления, с которым не справляется человек) – 62%. Как правило, такие суицидальные попытки совершаются открыто, громко. Аффектному типу в два раза меньше – когда попытка убийства и самоубийства совершается на высоте сильного переживания и страдания (чаще в результате травли одноклассниками, сокурсниками или педагогами) – 38%.

Ответственность за происходящие в школе массовые убийства по мнению россиян лежит на СМИ, родителях и школьных педагогах и психологах. СМИ – потому что транслируют сцены массового насилия в фильмах, героизируется образ подростка-террориста (среди старшего поколения таких в два раза больше, чем среди молодежи 46,6 и 20,8% соответственно). Родители – потому что на занимаются своим ребенком, дают ему самостоятельность или проявляют безучастность к его судьбе (среди молодежи в два раза больше таких, чем среди представителей старшего возраста – 46,7 и 19,1% соответственно). Школьные педагоги и психологи – не за-

мечают косвенных факторов (особенности поведения) и прямого давления (школьная травля одноклассниками), которые могут привести к выплеску неудовлетворенности в виде массового расстрела одноклассников (наибольшее количество ответов среди представителей среднего возраста – 44,3%, среди молодежи – 34,1%, среди старшего возраста – 21,6%). В таблице 2 представлено соотношение по возрастам данной оценки.

Таблица 2. Кто ответственен за школьные массовые убийства (в %)*

Причины массовых убийств	18-35 лет	36-55 лет	56 и старше
СМИ	20,8	32,6	46,6
Родители	46,7	34,2	19,1
Школьные педагоги и психологи	34,1	44,3	21,6
Другие	3,2	3,5	2,1

*можно было выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма выше 100%

Респонденты не одинаково оценивают последствия после массовых убийств в школе. Одни как повод для сплочения и солидарности, другие как повод к разобщению и дезинтеграции. Поводом для сплочения выступает то, что школьники чаще чувствуют себя в роли потенциальной жертвы, представители среднего и старшего возраста солидаризируются по поводу того, что не могут защитить своих детей и также чувствуют себя жертвой. Критерием разобщенности выступает страх, не готовность вступить во взаимодействие из-за угрозы того, что самого школьника (среди молодежи), ребенка (среди представителей среднего и старшего возраста) могут вовлечь в деструктивное сообщество, которое может агрессивно по отношению к личности или отдельным социальным группам выражать агрессивное недовольство. Как видно в таблице 3, чем старше респондент, тем больше он готов консолидироваться, уровень разобщенности и дезинтеграции наиболее высок среди молодежи. Данные аспекты также

нашли подтверждение в исследовании О.А. Полюшкевич [17], что косвенно подтверждает наши данные.

Таблица 3. Социальные последствия после школьных массовых убийств (в %)*

Причины массовых убийств	18-35 лет	36-55 лет	56 и старше
Солидарность и сплочение	53,2	57,3	62,1
Разобщенность и дезинтеграция	45,6	40,5	36,1
Другое	1,2	2,2	1,8

Задавая вопрос о том, повлияли ли массовые убийства в школах на ваше личное поведение и поведение членов вашей семьи, мы получили однозначные ответы. Среди тех, у кого есть дети школьного и студенческого возраста – 96% ответили, что повлияли. У кого нет детей данного возраста – повлияло у 64%.

На уточнение – как именно повлияло, ответы и первой и второй группы сошлись: дети (друзья, сверстники) решили не уезжать далеко из дома учиться, носить с собой средства самозащиты (газовые баллончики), более внимательно относиться к «странным» одноклассникам и сокурсникам, информировать родителей, учителей, а также специалиста на горячей линии о своих подозрениях о возможной террористической угрозе. Вполне очевидно, что данные формы изменения поведения наиболее коснулись самой молодежи, так как именно она включена в группу риска в школьных и студенческих массовых убийствах (см. таблицу 4).

Социальные и индивидуальные последствия массовых школьных убийств могут стать поводом для стигматизации группы, испытывающей вину за происшествие или группы реально ставшей жертвой (причем не обязательно лично участвовать в данной трагедии, достаточно быть сопричастным по социальному статусу – «школьник», «студент» и т.д.). Указанные решения носят предупредительный характер, который ука-

зывает на общую тревожность в обществе, нервозность и напряжение. Рано или поздно это также должно найти свою разрядку, что может привести как к протестам, так и самосуду родственников преступников, виновных в массовых убийствах в школах (об этом свидетельствуют примеры в мировом сообществе, после аналогичных случаев).

Таблица 4. Индивидуальные последствия после школьных массовых убийств (в %)*

Решения после массовых убийств	18–35 лет	36–55 лет	56 и старше
Не уезжать далеко из дома учиться	28,5	24,1	22,4
Носить с собой средства самозащиты (газовые баллончики)	25,1	27,7	28,1
Внимательно относиться к «странным» одноклассникам и сокурсникам	23,7	25,6	26,9
Информировать родителей, учителей, а также специалиста на горячей линии о своих подозрениях о возможной террористической угрозе	21,4	20,8	20,4
Другие	1,3	1,8	2,2

Об этом же говорят примеры открытых ответов, полученные при помощи транс-символического анализа. Мы просили респондентов описать существительным (когнитивный уровень), прилагательным (аффективный уровень) и глаголом (деятельностный уровень) свою оценку массовых убийств в школах (результаты представлены в таблице 5).

Таким образом, транссимволический анализ показал, что в разных возрастах не одинаковая смысловая нагрузка оценки событий и последствий массовых убийств в школе. Среди ответов молодежи акцент на настоящем времени и подчеркивает, что именно сейчас происходит с молодежью как с группой потенциальных жертв: «страх мощный наполняет», «агрессия сильная губит».

Среди ответов представителей среднего возраста тревожная оценка настоящих и будущих последствий массовых убийств: «общество тревожное разрушается», «дети запуганные страдают». Среди ответов представителей старшего возраста доминируют оценочные суждения близкие к мировоззренческим инсайтам и характеристикам: «смерть бессмысленная тяготит», «негатив социальный разобщает».

Таблица 5. Транссимволический анализ открытых ответов по оценке массовых убийств в школах (в %)

Уровни	18–35 лет	36–55 лет	56 и старше
Когнитивный уровень	страх (65,3) агрессия (62,7%)	общество (67,3) дети (65,5)	смерть (66,6) негатив (64,9)
Аффективный уровень	мощный (63,1%) сильная (60,4%)	тревожное (64,8) запуганные (64,2)	бессмысленная (65,2) социальный (63,4)
Деятельностный уровень	наполняет (61,6) губит (58,7)	разрушается (63,1) страдают (62,6)	тяготит (62,3) разобщает (62,7)

Это позволяет нам говорить о том, что на символическом уровне происходит подмена психологических, социальных, мировоззренческих, правовых и иных смыслов. Россияне могут неосознанно заменить объективные страхи субъективными переживаниями и оценками социальных последствий массовых убийств в школах. Поэтому, данный вопрос видится нам одним из перспективных для мониторинга и социальной профилактики, а также моделирования оценки общественной опасности социальных последствий данных явлений как на личном, так и на социальном уровне.

Проведенное исследование позволяет выявить неоднозначность существующих в обществе оценок причин и последствий актов массового убийства в школах. Чтобы можно было переоценить данные явления необходимо привлекать на регулярной основе специалистов раз-

ных сфера знания (криминалистики, психологии, социологии, философии и т.д.) с целью комплексного мониторинга исследований последствий данных явлений. Это может быть основой для регулярного социально-психологического, медицинского, правового и социально-философского мониторинга в будущем.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Изд-во ИрННТУ, 2015. 220 с.
2. Ардашев Р.Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 58–68.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицидального поведения молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 39–46.
5. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 7. С. 41–45.
6. Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Посткриминальный суицид убийц: криминалистическое обеспечение расследования: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2020. 216 с.
7. Барышева П.В., Чуракова А.Ю., Николаева Д.Д. Самоповреждение и суицид. эпидемиология, классификация и лечение // Молодой ученый. 2021. № 53 (395). С. 188–191.
8. Бердникова Х.И., Шумилова О.В., Юшкова Е.Э. Суицид как проблема современного общества // Студенческая наука и XXI век. 2018. № 16–1. С. 161–163.
9. Борисоник Е.В. Завершенный суицид и суицидальная попытка близкого человека как ситуация экстремального стресса для ближайшего окружения // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 62–67.
10. Булова Ю.В., Айзятова Л.Ф. Суицид как деструкция современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8 (97). С. 66–70.
11. Горяева П.Ю. Суицид как экзистенциальный выбор // Reflexio. 2020. Т. 13. № 1. С. 148–161.
12. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 62–76.
13. Камалян Е.Г., Кудрявцева Е.А. Депрессия и суицид в представлении воронежской молодежи // Гуманитарный трактат. 2020. № 80. С. 12–15.
14. Корсаков К.В. Суицид в фокусе криминологической науки // Психология и право. 2020. Т. 10. № 3. С. 108–119.
15. Любов Е.Б., Зотов П.Б., Положий Б.С. Пандемии и суицид: идеальный шторм и момент истины // Суицидология. 2020. Т. 11. № 1 (38). С. 3–38.
16. Мартыненко А.В. Суицид в молодежной среде // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. С. 139–141.
17. Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 120–122.
18. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Журавлева И.А., Завьялов А.В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42–49.
19. Рыслаева С.Ж. Суицид – экзистенциальный выбор (социологический анализ) // Проблемы науки. 2019. № 5 (41). С. 90–94.
20. Садыков Р.М., Большакова Н.Л. Суицид среди молодежи как социальная проблема в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 9 (65). С. 37–43.

21. Соловьева К.С. Подростковый суицид как отражение реалий современного информационного общества // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2–2. С. 458–469.
22. Суходолов А. П., Бычкова А.М. Освещение суицидальной тематики в средствах массовой информации в свете правовых ограничений и социальной значимости проблемы // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 4. С. 588–606. DOI: 10.17150/2308–6203.2016.5(4).588–606.
23. Тибиркина В.С., Шигабетдинова Г.М. Суицид и суицидальное поведение: исследование групп в социальных сетях // Студенческий вестник. 2019. № 24–1 (74). С. 46–47.
24. Хашаева С.В., Гриневич Ю.Н., Заводяна И.С. Подростковый суицид: социальные причины // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 4 (55). С. 206–208.

CRIMINAL SUICIDE IN SCHOOLS: SOCIAL DIMENSION

Ardashev R.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses public assessments of criminal suicide, which is increasingly happening in modern society. Particular attention is paid to the mass murder of schoolchildren committed by their classmates. On the basis of a mass survey (n=1250), the positions of different social groups are considered in relation to the causes and consequences of these events on the behavior of Russians and the social well-being of Russian society as a whole.

Keywords: criminal suicide, social dimension, school murder, public assessment, social consequences, suicide

References

1. Ardashev R.G. Questions of theory and practice of investigation of murders associated with post-criminal suicide of the offender: monograph. 2nd ed., revised. and additional Irkutsk: Izd-vo IrNITU, 2015. 220 p.
2. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // The problem of the corre-

- lation between the natural and the social in society and man. 2021. No. 12. S. 85–90.
3. Ardashev R.G. Irrational foundations of suicide // Humanitarian vector. 2022. V. 17. No. 2. S. 58–68.
4. Ardashev R.G. Irrational foundations of suicidal behavior of youth // Sociology. 2022. No. 3. S. 39–46.
5. Ardashev R.G. Suicidal behavior among young people: irrationality of perception // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2022. No. 7. S. 41–45.
6. Ardashev R.G., Kitaev N.N. Post-criminal suicide of murderers: forensic support of the investigation: monograph. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. state un-ta, 2020. 216 p.
7. Barysheva P.V., Churakova A. Yu., Nikolaeva D.D. Self harm and suicide. epidemiology, classification and treatment // Young scientist. 2021. No. 53 (395). pp. 188–191.
8. Berdnikova Kh.I., Shumilova O.V., Yushkova E.E. Suicide as a problem of modern society // Student science and XXI century. 2018. No. 16–1. pp. 161–163.
9. Borisonic E.V. Completed suicide and suicide attempt of a loved one as a situation of extreme stress for the immediate environment // Modern foreign psychology. 2020. V. 9. No. 1. S. 62–67.
10. Burova Yu.V., Aizyatova L.F. Suicide as a destruction of modern society // Society: politics, economics, law. 2021. No. 8 (97). pp. 66–70.
11. Goryaeva P. Yu. Suicide as an existential choice // Reflexio. 2020. V. 13. No. 1. S. 148–161.
12. Davydov D.G., Khlomov K.D. Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention // National Psychological Journal. 2018. No. 4 (32). pp. 62–76.
13. Kamalyan E.G., Kudryavtseva E.A. Depression and suicide in the view of the Voronezh youth // Humanitarian treatise. 2020. No. 80. S. 12–15.
14. Korsakov K.V. Suicide in the focus of criminological science // Psychology and Law. 2020. V. 10. No. 3. S. 108–119.
15. Lyubov E.B., Zotov P.B., Polozhiy B.S. Pandemics and suicide: the perfect storm and the moment of truth // Suicidology. 2020. Vol. 11. No. 1 (38). pp. 3–38.
16. Martynenko A.V. Suicide among the youth // Knowledge. Understanding. Skill. 2005. No. 1. S. 139–141.
17. Polyushkevich O.A. Norms of solidarity after mass violence // The problem of the correla-

- tion of natural and social in society and man. 2019. No. 10. P. 120–122.
18. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Zhuravleva I.A., Zavyalov A.V. The impact of the terrorist attack on October 17, 2018 in Kerch on the mental ecology of Russian society according to a mass survey of the population of the Irkutsk region and content analysis of Internet resources and the media // *Human Ecology*. 2021. No. 8. S. 42–49.
19. Ryspaeva S. Zh. Suicide – an existential choice (sociological analysis) // *Problems of Science*. 2019. No. 5 (41). pp. 90–94.
20. Sadykov R.M., Bolshakova N.L. Suicide among youth as a social problem in modern Russia // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2019. No. 9 (65). pp. 37–43.
21. Solovieva K.S. Teenage suicide as a reflection of the realities of the modern information society // *Ideas and ideals*. 2021. Vol. 13. No. 2–2. pp. 458–469.
22. Sukhodolov A. P., Bychkova A.M. Coverage of suicidal topics in the media in the light of legal restrictions and the social significance of the problem // *Questions of theory and practice of journalism*. 2016. V. 5, No. 4. S. 588–606. DOI: 10.17150/2308–6203.2016.5(4).588–606.
23. Tibirkina V.S., Shigabedinova G.M. Suicide and suicidal behavior: a study of groups in social networks // *Student Bulletin*. 2019. No. 24–1 (74). pp. 46–47.
24. Khashaeva S.V., Grinevich Yu.N., Zavyadyan I.S. Teenage suicide: social causes // *Alley of Science*. 2021. Vol. 1. No. 4 (55). pp. 206–208.

Особенности развития гражданских инициатив в сфере креативных технологий

Грицких Надежда Викторовна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной философии и социологии, Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: anris@list.ru

Кононова Олеся Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами, Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: lesya2008@mail.ru

Рыбак Наталья Станиславовна,

студент направления подготовки «Социальная работа», Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: nirk2k@gmail.com

В статье анализируются особенности развития гражданских инициатив в области креативных технологий. Приводятся результаты массового онлайн-опроса, где показывается осведомленность, восприятие и оценка развития креативных индустрий, особенности и формы развития и перспективы социального моделирования общественного пространства под влиянием креативных индустрий современности.

Ключевые слова: гражданские инициативы, креативные технологии, общественное воспроизводство, социальная активность.

Социально-экономическое развитие постиндустриального общества в XXI в. характеризуется интенсивным ростом сферы услуг и интеллектуального творчества. В условиях научно-технологических революций и цифровой трансформации значительно повышается значимость креативных способностей и возможность реализации творческого потенциала человека и общества. Направления, связанные с творческой деятельностью и приносящие доход, образуют особый сектор экономики, который получил название «креативные индустрии». В последние десятилетия креативные индустрии вышли на новый этап своего развития, в котором особое место отводится социальному творчеству, проявляющемуся в реализации государственных и гражданских инициатив.

Креативные индустрии стали одним из ведущих факторов развития нового технологического уклада, формирующегося в цифровом пространстве. Отныне культурные индустрии становятся формой заработка за счет уникальности создаваемых продуктов и индивидуального ресурса человека, вложенных в их производство.

Теоретические основы

Опыт общественного развития подтверждает значительное влияние культуры на динамику социальных изменений и социокультурных процессов. Культура в понимании ученых гуманитарных и общественных наук имеет несколько подходов в изучении и, соответственно, определений. Философский подход рассматривает культуру в качестве системы развития человека как субъекта воспроизводства. При этом особенно выделяется креативная, или творческая, функция человека. Уже здесь мы обращаем внимание на то, что интеллектуальная деятельность лежит в основе культурного воспроизводства. В антропологическом подходе культура состоит из знаний, ве-

рований и артефактов, которые помогают людям адаптироваться в биологической и социальной среде и строить собственный жизненный уклад. Собственно, здесь прослеживается хозяйственная, т.е. экономическая функция. В социологическом понимании культуры главным выделяется система ценностей и принципы взаимодействия людей, мы говорим о социализации и интеракции. Обобщая данные подходы, следует определить культуру, как совокупность знаний, навыков и умений, присущих человеку для построения моделей поведения внутри общества и формирования комфортной среды обитания. Полагаем, что любой созидательный процесс строится на основе креативности и творческих способностей.

В развитии социологической мысли по вопросам становления и развития креативных индустрий в аспекте взаимосвязи государства и гражданского общества отчетливо прослеживаются три периода в XX–XXI вв. Между тем, следует выделить огромную палитру научных исследований, представляющих предысторию данного вопроса, начиная с античности до начала XX века. На этапе предыстории большое внимание уделялось предмету и методам достижения таких инициатив, что составляло характерную особенность целого ряда столетий. Проведенный теоретический анализ показал, что в традиционном обществе основным путем выдвижения гражданских инициатив являлись народные собрания, которые устраивались по мере необходимости и не имели четкой структурной организации. Особенность доиндустриального периода выделяется в самом способе производства, который был нацелен на обеспечение жизнедеятельности необходимыми ресурсами. Лишь в эпоху Возрождения в русле антропоцентристской тематики человек, его творчество и инициативы стали предметом общественного признания народов и стран.

XX–XXI вв. характеризуются самой технологией производства и воспроизводства социального творчества, связанной с индустриальными укладами

обществ. В силу такого понимания мы выделяем первый период в развитии научных коммуникаций и научного производства, символизирующих выход на качественно новый путь развития. XX век – это целое столетие войн и революций – информационных, технологических, научно-технических, социально-политических, промышленных и др. Это период становления концепций социального мира и социальной турбулентности, открывающих принципиально новые векторы развития человечества. В эти периоды не только формируются новые индустриальные и технологические уклады, реализуются социальные концепции марксизма, демократического общества, постиндустриального общества и др. Именно в XX веке впервые пришло осмысление неразрывной связи общественно-экономических преобразований и экономических доктрин, позже нашедших отражение в социально-политических и гражданских теориях. Мы характеризуем данное столетие как эпоху креативных и инновационных импульсов, столь важных для дальнейшего поступательного развития современных обществ. Индустриальное общество характеризуется технологией организованных движений. Промышленная революция позволила развиваться классу рабочих и создавать Профсоюзы, которые представляли интересы работников перед руководством организации и за ее пределами. Данная технология сохраняется и в современном, постиндустриальном обществе. Но, наряду с этим, гражданское общество активно развивается и использует информационные технологии для выдвижения и продвижения собственных инициатив. Цифровое пространство активно используется для продвижения государственных инициатив.

Потребность в инновационных изменениях и поиски выбора новых путей развития обществ четко прослеживается в первое десятилетие XXI века. Фактически на протяжении всех лет этой эпохи до пандемических процессов освоение технологий социального творчества имело поступательный характер. Признание важности государственных и граждан-

ских инициатив как фактора развития креативности и инновационности выделось для большинства ученых и государственных деятелей исходным условием для социально-экономического развития России и зарубежных стран. Именно в этот период ставятся вопросы необходимости развития гражданского общества в цифровую эпоху, формирования новых партнерских технологий власти и гражданского общества, широкой применимости цифровых технологий, благодаря развитию Интернет-среды и многое другое. Креативные индустрии в социологической науке рассматриваются с позиции экономического и культурного подходов, что подтверждается концепциями ученых XX–XXI вв. В этих характеристиках проявляется отличие второго периода.

Выделение третьего периода вызвано стремительным нарастанием глобальной нестабильности, изменений представлений о гражданском обществе, важности инициатив и изменений приоритетов на последующие десятилетия эпохи. Социальная турбулентность способствовала выработке новых представлений о креативных индустриях, где огромное значение отныне стало уделяться цифровым трансформациям как креативных индустрий, так и государственных и гражданских инициатив. Изменяя представления о творчестве и открывая его границы в то же самое время в условиях турбулентности, возникла необходимость в их четком упорядочивании и установлении рамочных форматов их существования. Цифровизация способствовала не только быстрому росту научно-технологических революций и производству продуктов креативных индустрий, но и разработке механизмов по их регулированию и контролю. Отныне креативность подлежит «оцифровке» и становится предметом гражданского участия. В этом и состоит уникальность современного периода в развитии научного творчества по вопросам взаимосвязи процессов, связанных с развитием креативных индустрий и гражданских обществ.

Креативные форматы развития публичного пространства рассматрива-

лись в рамках международных проектов и технологий развития [1,4,7], развитие института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики рассматривали С.А. Агагамедова и Н.А. Надькина [2], вопросы реализации политики развития креативных индустрий в условиях цифровизации экономики изучали В.Г. Антонова, Ю.А. Елисеева [3], креативность и публичность городского пространства в работах О.А. Полюшкевич [5,6], социальное творчество и цифровизация как креативное пространство развития рассматривала Н.С. Рыбак [8,9], креативные индустрии в культуре изучали М.С. Соловьев и В.В. Латкин [10], факторы развития креативной экономики региона рассматривала Т.Ю. Фальковская [11] и другие.

В исследованиях проблемы становления и функционирования креативного класса недостаточно, на наш взгляд, уделяется внимания социальному творчеству. В традиции отечественного обществоведения понятие «социальное творчество» часто подменялось понятием «социальная активность», хотя смысл последней категории не покрывает всего семантического поля первой. Кроме того, субъектом социального творчества, как правило, подразумевались массы. По сути, проблема роли социального творчества индивида в жизни общества до сих пор мало изучена, хотя именно потенциал «маленького человека» играет ключевую роль в развитии общества.

Более глубоком анализу представленной проблемы способствует логикотейоретическая интерпретация понятий:

Гражданское общество – есть общественное единство, спонтанно складывающееся из вольного сотрудничества, из свободного соглашения воль отдельных членов общества.

Креативные индустрии – это тип социально-культурных практик, доминирующей и объединяющих идей, в которых выступают творческие и культурные компоненты.

Гражданские инициативы – это форма коллективного волеизъявления граждан, посредством которой мнение опре-

деленной их группы доводится до компетентного государственного органа или органа местного самоуправления и требует его реагирования.

Данные определения становятся точкой отсчета для анализа гражданских инициатив реально участвующих в социальном воспроизводстве и воздействующем на процессы социального развития.

Особенности исследования

В анкетировании целевой группы населения Иркутской области в формате онлайн-опроса использована репрезентативная выборка, включающая население Иркутской области в возрасте от 18 лет. При объеме генеральной совокупности в 1 829 863 единиц, объем выборочной совокупности составил 300 чел. Статистическая погрешность не превышает 5%. Анкета была размещена в свободном доступе на интернет-портале «Webanketa». Специфика содержания и применения социологического инструментария по массовому опросу: вопросник среднего уровня сложности; приблизительное время заполнения бланка составило от 20 до 35 мин.

По социально-демографическому статусу в исследовании участвовало 166 женщин (55,3%) и 134 мужчины (44,7%).

В проведенном опросе приняли участие респонденты в следующих возрастных категориях: от 18 до 35 лет – 125 чел. (41,7%); от 36 до 45 лет – 94 чел. (31,3%); от 46 до 60 лет – 72 чел. (24%); старше 61 года – 9 чел. (3,0%).

Анализ и обсуждение результатов исследования

В XXI в. пришло понимание, что государственные и гражданские инициативы играют значительную роль в развитии креативных индустрий в России и мире. В этой связи, видится неразрывной взаимосвязь обозначенных инициатив и необходимость поиска путей их продвижения в социально-экономическом развитии. Важно отметить, что закреплению и росту креативного потенциала гражданского общества в развитии государства способствовала цифровизация, что не могло не отразиться на механизмах выдвижения и реализации государственных и гражданских инициатив. Проблема состоит в том, каким образом в условиях глобальной нестабильности, развивать опыт выдвижения и реализации государственных и гражданских инициатив в их взаимосвязи, который служит одним из оснований для развития современных креативных индустрий в условиях цифровой эпохи.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «С какими государственными и гражданскими инициативами в пандемический и постпандемический период Вы знакомы?», в %

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля чел, в %
1.	«Пушкинская карта» (повышение культурного уровня молодежи)	201	25,8%	67,0%
2.	«Придумано в России» (система поддержки креативного сектора)	151	19,4%	50,3%
3.	«Профессионалитет» (повышение качества образования)	132	17,0%	44,0%
4.	«Мы вместе» (оказание волонтерской помощи)	104	13,4%	34,7%
5.	«Санитарный щит страны» (прогноз и защита от эпидемиологических вызовов)	95	12,2%	31,7%
6.	«Социальное казначейство» (адресная система поддержки нуждающихся граждан)	59	7,6%	19,7%
7.	«Будь гражданином» (развитие гражданской сознательности)	13	1,7%	4,3%
8.	Затрудняюсь ответить	12	1,5%	4,0%
9.	Все вышеперечисленное	11	1,4%	3,7%
	Всего	778	100,0%	259,3%

Анализ представленных в табл. 1 данных показал, что наиболее известной инициативой, реализуемой в России на данный момент, является «Пушкинская карта» (25,8%), что свидетельствует о наиболее активном ее продвижении. О системе поддержки креативного сектора (19,4%) и повышении качества образования (17%) знает меньше респондентов, что говорит об узкой направленности данных инициатив.

Государственная инициатива – это законодательная инициативы субъектов законодательной власти в РФ. Под законодательной инициативой понимается право внести законопроект, которому соответствует обязанность парламента его рассмотреть. Такое право имеют только субъекты законодательной инициативы, отметим также, что предложения других лиц и органов можно представить или переслать в Федеральное Собрание, но это не влечет обязанности их рассмотреть. Субъектами права законодательной инициативы являются Президент РФ, Совет Федерации, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, Правительство РФ, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ. Государственные инициативы, зачастую носящие законотворческий характер, имеют широкое влияние, в отличие от гражданских. Рассматривая незаконотворческие государственные инициативы, мы говорим о Национальных проектах. На сегодняшний день реализуется 12 проектов: «Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура», «Безопасные качественные дороги», «Жильё и городская среда», «Экология», «Наука и университеты», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Туризм и индустрия гостеприимства».

Анализ представленных в табл. 2 данных показал, что в развитии гражданского общества и креативных индустрий прослеживается прямая взаимосвязь, что подтверждает актуальность заявленной темы ВКР.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Прослеживаете ли Вы взаимосвязь в развитии гражданского общества и креативных индустрий в современных условиях?», в%

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Прослеживаете ли Вы взаимосвязь в развитии гражданского общества и креативных индустрий в современных условиях?», в%

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в%
1.	Да, прослеживаю	94	31,3%
2.	Скорее прослеживаю, чем не прослеживаю	147	49,0%
3.	Скорее не прослеживаю, чем прослеживаю	25	8,3%
4.	Нет, не прослеживаю	20	6,7%
5.	Затрудняюсь ответить	14	4,7%
	Всего	300	100,0%

Инициативу по праву относят к продуктивной социальной деятельности, которая, в отличие от репродуктивной, вносит в общественную практику новшество, выдвигает новую идею. Гражданская инициатива является формой контроля и участия населения в осуществлении самоуправления (чаще всего местного). Гражданские инициативы формируют социальное пространство любого региона, они создают условия для изменения проблемных ситуаций в том или ином региональном социуме. Они формируют и развивают рычаги давления на органы власти, привлекают ресурсы бизнеса и общественности для актуализации и решения тех или иных проблем. Любая территория имеет свои уникальные черты формирования и развития гражданских инициатив. Иркутская область не является исключением в данной сфере. Она обладает социальным ресурсом развития третьего сектора и в том числе – гражданских инициатив.

Гражданские инициативы – это неформальные объединения людей, созданные для решения насущных проблем определенной части населения, соблюдение прав и интересов какой-то группы людей. Помимо этого, гражданские

инициативы являются способом реализации и общественного признания для активных и небезразличных людей. Ключевой формой успешной реализации гражданской инициативы является личная и социальная ответственность за реализуемые действия и поступки, идеи и проекты. Основной формой изучения гражданских инициатив выступает их развитие через призму строительства гражданского общества. Гражданские инициативы исходят «снизу», поэтому

их масштабы значительно меньше государственных. Социальные гражданские инициативы выдвигаются с целью улучшения острой местной ситуации на местах, без пролонгирования и масштабирования. Другой вид гражданской инициативы заключается в выдвигании инновационных социальных проектов на соответствующие конкурсы. Как правило, такие проекты направлены на проведение мероприятий по защите экологии, образовательных мероприятий.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Что мешает развитию креативных индустрий в цифровую эпоху?», в %

№, п/п.	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в %	Доля чел., в %
1.	Низкий темп цифровизации и/или цифровых трансформаций	127	12,1%	42,3%
2.	Низкий уровень профессиональных компетенций в сфере креативных индустрий	114	10,9%	38,0%
3.	Сосуществование разных укладов, как креативных, так и некреативных	111	10,6%	37,0%
4.	Незрелость гражданского общества в понимании важности креативных индустрий	108	10,3%	36,0%
5.	Низкий уровень развития рынка интеллектуальных услуг	97	9,2%	32,3%
6.	Доминирование старых технологических укладов	97	9,2%	32,3%
7.	Отсутствие креативного контента в масс-медиа	93	8,9%	31,0%
8.	Несформированность общественного мнения по вопросам внедрения креативных индустрий	92	8,8%	30,7%
9.	Отсутствие креативной цифровой среды	91	8,7%	30,3%
10.	Дезинтеграционные процессы в обществе	41	3,9%	13,7%
11.	Невысокий уровень развития экономики знаний	34	3,2%	11,3%
12.	Сопrotивление новому	24	2,3%	8,0%
13.	Затрудняюсь ответить	12	1,1%	4,0%
14.	Все вышеперечисленное	7	0,7%	2,3%
15.	Другое (а именно: непонимание сектора со стороны государства – 1; их ненужность? Гораздо лучше пойти в филармонию на Листа, чем слушать современный цифровой мусор, и это не тупое сопротивление новому, это благородный и обоснованный консерватизм – если, конечно, я верно поняла Вашу мысль, потому что в опросе нет четких определений, это зря – 1.	2	0,2%	0,7%
	Всего	1050	100,0%	350,0%

Исходя из анализа данных табл. 3 ясно, что основными препятствиями в развитии креативных индустрий в цифровую эпоху являются: «низкий темп циф-

ровизации и/или цифровых трансформаций» – 12,1%; «низкий уровень профессиональных компетенций в сфере креативных индустрий» – 10,9%.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Назовите основные факторы, которые способствуют развитию креативных индустрий в цифровую эпоху?», в%

№, п/п.	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в%	Доля чел., в%
1.	Усиление значимости интеллектуального производства в цифровом пространстве	141	17,2%	47,0%
2.	Формирование экономического поведения	126	15,4%	42,0%
3.	Цифровизация культурного производства	111	13,6%	37,0%
4.	Цифровизация экономического сектора	107	13,1%	35,7%
5.	Рост культурно-просветительской активности	95	11,6%	31,7%
6.	Наличие креативного контента в масс-медиа	93	11,4%	31,0%
7.	Повышение роли интеллектуального капитала человека	64	7,8%	21,3%
8.	Формирование креативной среды	48	5,9%	16,0%
9.	Все вышеперечисленное	20	2,4%	6,7%
10.	Затрудняюсь ответить	14	1,7%	4,7%
	Всего	819	100,0%	273,0%

Анализ представленных в табл. 4 данных показал, основными факторами, способствующими развитию креативных индустрий в цифровую эпоху, являются усиление значимости интеллектуального производства в цифровом пространстве (17,2%), формирование экономического поведения (15,4%), а также общая цифровизация культурного производства (13,6%) и экономического сектора (13,1%). Таким образом прослеживается соразвитие культуры и экономики через креативные индустрии.

Выводы

Государственные и гражданские инициативы, их виды, механизмы выдвижения и продвижения, технологии реализации в креативных индустриях в российском регионе практически не раскрываются при анализе открытых источников, содержащих статистическую, правовую и социологическую информацию. Для развития креативных индустрий в рамках реализации Национальных проектов создаются Государственные программы, направленные на поддержку гражданских инициатив в сфере культуры, экономики и социального развития государства и его регионов. Гражданские инициативы, активно развивающиеся и реализующиеся в среде студенческой молодежи,

являются неотъемлемой частью креативных индустрий за счет инновационности и социальной ориентации. Видится перспективным внедрение обучающих курсов для креативных представителей муниципальных и региональных некоммерческих организаций. Активная работа органов общественного контроля в иркутской области способствует развитию региональных креативных индустрий при поддержке экспертного сообщества.

Подводя итоги анализа результатов массового опроса, мы делаем выводы о том, что изучение креативных индустрий является актуальным вопросом для разных возрастных групп. Оценивая результаты исследования, нельзя не отметить широкое разнообразие направлений в креативном секторе экономики России в современных условиях. Ярко выделяется ИТ-сфера и диджитал-технологии в совокупности с дизайном, архитектурой, музыкой и киноиндустрией. Анкета была разработана с учетом трех направлений: отношение населения к цифровизации, понимание креативных индустрий и значимость создания Экспертно-цифровой платформы в сфере креативных индустрий.

По результатам вопросов первого блока мы делаем вывод о том, что цифровизация находится на стадии внедре-

ния во многих отраслях деятельности общества, но не произошла полностью. Как отмечают респонденты, цифровизация позволяет расширить коммуникативные каналы и упростить многие процессы, но не во всех сферах. В отношении креативных индустрий, цифровизация выступает основополагающим элементом и движущей силой. Вопросы выдвижения государственных и гражданских инициатив, которые также отражены в анкете, вызвали интерес респондентов, поскольку на сегодняшний день в России растет гражданская социальная активность. Несмотря на средние оценки активности продвижения гражданских инициатив, прослеживается тенденция к ее увеличению. Основной упор в этом направлении делается на общественные советы при органах власти, студенческую молодежь и инициативные группы по отдельным вопросам. Государственные инициативы наиболее популярны среди населения за счет более активного продвижения в следствии широких возможностей. Проект по повышению культурного уровня молодежи считается наиболее известным и успешным.

Большинство респондентов выбрали авторское определение в соответствующем вопросе. Тем не менее, общее отношение к креативным индустриям неоднозначное за счет разнообразия задействованных в них сфер. Так, при выборе основных креативных индустрий, многие делали упор на дизайн, архитектуру, музыку и кино, не задумываясь о туризме, образовании и науке. Отметим, что гражданские и государственные инициативы также относятся к креативным индустриям и активно в них развиваются благодаря цифровизации. Креативность в гражданской социальной активности представляется в проектной деятельности по социально значимым вопросам и поощряется государственной поддержкой.

Общий низкий уровень осведомленности о креативных индустриях подтверждает актуальность создания Экспертно-цифровой платформы в сфере креативных индустрий, о чем свидетельствуют результаты соответствующе-

го вопроса. По мнению населения, задачи, которые будет выполнять представленная платформа, являются важными и обоснованными. На площадке платформы будут работать специалисты-социологи, эксперты различных креативных индустрий, IT-специалисты и ученые.

Литература

1. Creative Economy Report 2008 / UNCTAD. – https://unctad.org/en/docs/ditc-20082cer_en.pdf
2. Агамагомедова, С.А. Развитие института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики / С.А. Агамагомедова, Н.А. Надькина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. – 2019. – № 1. – С. 4–16.
3. Антонова В. Г., Елисеева Ю.А. Реализация политики развития креативных индустрий в условиях цифровизации экономики [Электронный ресурс] // Петербургский экономический журнал. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-razvitiya>
4. Креативные индустрии Иркутской области [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив, в Иркутской области – URL: <https://100gorodov.ru/attachments/1/38/5d2669-322c-4f9b-893c-90b45e00b440/Irkutsk.pdf>
5. Полюшкевич О.А. Креативность публичного пространства провинциальных городов / О.А. Полюшкевич // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. – С. 30–35.
6. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства / О.А. Полюшкевич // Социология. 2021. – № 4. – С. 129–135.
7. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р «О Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механиз-

мов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [Электронный ресурс] // Консорциум «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222>

8. Рыбак Н. С. Социальное творчество как фактор территориальной интеграции в России в современных условиях (на примере Иркутского региона) // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т.И. Грабельных]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 245–247.
9. Рыбак Н.С. Цифровизация городского пространства как показатель развития современного города и его // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т.И. Грабельных]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 422–424.
10. Соловьев М.С., Латкин В.В. Креативные индустрии как сектор культуры [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и специальных наук. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-kak-sektor-kultury>
11. Фальковская Т.Ю. Социально-гуманитарные факторы развития креативной экономики региона / Т.Ю. Фальковская // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. – С. 7–9.

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CIVIL INITIATIVES IN THE FIELD OF CREATIVE TECHNOLOGIES

Gritskikh N.V., Kononova O.N., Rybak N.S.
Irkutsk State University

The article analyzes the features of the development of civic initiatives in the field of creative technologies. The results of a massive online survey are presented, which shows awareness, perception and assessment of the development

of creative industries, features and forms of development and prospects for social modeling of public space under the influence of creative industries of our time.

Keywords: civic initiatives, creative technologies, social reproduction, social activity.

References

1. Creative Economy Report 2008 / UNCTAD. – https://unctad.org/en/docs/ditc-20082cer_en.pdf
2. Agamagomedova, S.A. Development of the Institute of Intellectual Property in the Conditions of Digitalization of the Economy / S.A. Agamagomedova, N.A. Nadkina // News of higher educational institutions. Volga region. Economic sciences. – 2019. – No. 1. – P. 4–16.
3. Antonova V. G., Eliseeva Yu.A. Implementation of the policy of development of creative industries in the conditions of digitalization of the economy [Electronic resource] // Petersburg Economic Journal. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-razvitiya>
4. Creative industries of the Irkutsk region [Electronic resource] // Agency for Strategic Initiatives, in the Irkutsk region – URL: <https://100gorodov.ru/attachments/1/38/5d2669-322c-4f9b-893c-90b45e00b440/Irkutsk.pdf>
5. Polyushkevich O.A. Creativity of the public space of provincial cities / O.A. Polyushkevich // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third regional scientific-practical conference. Irkutsk, 2021. – S. 30–35.
6. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in a provincial town: creativity and profanity of public space / O.A. Polyushkevich // Sociology. 2021. – No. 4. – S. 129–135.
7. Decree of the Government of the Russian Federation of September 20, 2021 No. 2613-r "On the Concept for the Development of Creative Industries and the Mechanisms for Implementing Their State Support in Large and Largest Urban Agglomerations until 2030" [Electronic resource] // Kodeks Consortium. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222>
8. Rybak N.S. Social creativity as a factor of territorial integration in Russia in modern conditions (on the example of the Irkutsk region) // Global and regional influences in the system of modern societies: coll. scientific

- tr. / FGBOU VO "ISU"; [scient. Ed.: T.I. Grabelnykh]. – Irkutsk: IGU Publishing House, 2021. – P. 245–247.
9. Rybak N.S. Digitalization of urban space as an indicator of the development of a modern city and its // Civilizational shifts in the development of a modern city: collection of articles. scientific tr. / FGBOU VO "ISU"; [scient. Ed.: T.I. Grabelnykh]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2021. – P. 422–424.
10. Soloviev M.S., Latkin V.V. Creative industries as a sector of culture [Electronic resource] // International Journal of the Humanities and Special Sciences. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-kak-sektor-kultury>
11. Falkovskaya T. Yu. Socio-humanitarian factors in the development of the region's creative economy / T. Yu. Falkovskaya // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region: Proceedings of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. – S. 7–9.

Экспертная оценка социального пространства жизнедеятельности работающей молодежи

Гуринович Людмила Анатольевна,
старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: milgur@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна,
доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: eresh80@mail.ru

В статье рассматриваются основные теории развития социального пространства молодежи, выделяются вопросы организации жизнедеятельности работающей молодежи. На основе экспертного опроса выделяются основные условия социального потенциала развития пространства жизнедеятельности работающей молодежи. Делаются выводы о перспективах развития пространства жизнедеятельности работающей молодежи.

Ключевые слова: социальное пространство, работающая молодежь, жизнедеятельность, витальность, идентичность, социальные условия, социальные возможности.

На сегодняшний день одним из потенциальных источников преобразования общества считается молодое поколение. Данное явление связано с тем, что именно молодежь является постоянно воспроизводимой социальной группой. Как и любой другой социальной группе, молодежи присущи свои собственные закономерности развития, особенности функционирования и определенное освоение новых ролей и статусов [3]. Сегодня молодое поколение привлекает интерес к себе как со стороны науки, так и со стороны общества благодаря таким особенностям формирования образа как духовные устремления, нравственные нормы и социально-психологические особенности поведения. Обозначенные критерии дают возможность совершенствовать систему социальной работы с молодежью в спектре применяемых социальных технологий. Весьма важным сегодня является проведение социальной работы с работающей молодежью, поскольку её представители могут, также как и другие, оказаться в трудной жизненной ситуации как сразу после выхода на рынок труда и занятости, так при принятии решений о смене работы, о принятии здорового образа жизни, при создании и сохранении своей семьи, при выборе путей саморазвития, самореализации и повышении социального оптимизма.

Для расширения представлений о взаимодействии отдельных акторов социума и молодежи в социальных сферах, а также о взаимовлиянии социальной, молодежной и других видов политики важно выработать позитивные социальные цели, которые помогут интегрироваться молодежи в жизненное пространство региона, а также сохранять и преумножать её жизненные силы.

Говоря о данном феномене, стоит отметить то, что современное молодое поколение принято рассматривать как работников, ориентированных на вы-

сокую эффективность личных усилий, имеющих высокие личные карьерные достижения и более рыночный тип мотивации по сравнению со старшим поколением [14]. На наш взгляд, является актуальным проведение анализа понятия молодого специалиста или работающей молодежи для того, чтобы определить какими именно характеристиками и особенностями обладают нынешние молодые специалисты и чем именно они привлекают современных работодателей.

Для того чтобы дать определение понятию «работающая молодежь», нами были проанализированы работы таких авторов как А.Г. Грязновой, А.Б. Максимики, Н.Т. Потаповой, С.Ю. Рощина и О.А. Рубцовой. Проанализированные исследования посвящены анализу занимаемых мест молодыми специалистами на современном рынке труда с учетом всех составляющих российских реалий.

Стоит также отметить и то, что весомый вклад в развитие современного рынка труда работающей молодежи внесли различные консалтинговые компании, которые проводили и публиковали аналитические исследования и обзоры, посвященные данной теме. К российским консалтинговым организациям относятся такие организации как Graduate и HeadHunter, к международным – KPMG, PwC, Hewitt, HighFlyers, The Times, McKinsey. Так, к примеру, в одном из исследований, проводимых консалтинговой компанией McKinsey, авторы сделали вывод о том, что успех современной фирмы рассматривается в контексте ее взаимоотношений с сотрудниками, и здесь важным является то, что взаимоотношения необходимо строить не только на высшем и среднем уровне, но и на начальном. Создание потока молодых специалистов в организации обеспечивает ей стимул на будущее и это помогает внедрять в сознания новых сотрудников культуру организации.

Осуществляя анализ определения «работающая молодежь», важным является рассмотреть критерии отнесения к группе «молодежь» в целом. Молодежь принято дифференцировать по следующим критериям: первый критерий – это

возраст (подростковая группа, юношеская группа и молодая взрослая группа), второй – социально-экономическое положение, в данном критерии выделяются такие группы, как бедные молодые люди и взрослеющие в бедных семьях, и разделение по классам: высший экономическая класс и средний. Третьим критерием является уровень образования, здесь выделяют начальный, средний и высший уровень образования. Четвёртый критерий – профессиональная занятость. Данный критерий распределяет молодежь на следующие группы: безработная, экономически активная молодежь, работающие молодые специалисты, молодые специалисты низкой, средней и высокой квалификации. Уровень культурного развития является пятым критерием и включает в себя молодежь, входящую в число ценителей массовой культуры, интеллигентная и неинтеллигентная молодежь, молодежь либо разделяющая традиционную культуру, либо противопоставляющая себя историческому наследию [7]. Шестой критерий, характеризующий молодое поколение, – это вероисповедание, седьмой критерий – уровень гражданской и политической активности. Восьмой критерий определяет жизненный стиль и поведение молодого поколения, девятый критерий характеризуется как соблюдение представителями молодежи принципов здорового образа жизни.

Если проводить анализ молодых специалистов согласно представленным критериям, то мы получаем, что работающая молодежь – неоднородная по материальному уровню и экономически активная группа, которая наиболее социализирована в профессиональной сфере. Для молодых специалистов характерны различные культурные и образовательные уровни, высокий либо низкий уровень вовлеченности в политическую сферу, это зависит от социально-политической ситуации в соответствующих регионах, также стоит отметить то, что работающая молодежь не склонна к такому психологическому состоянию как депрессия, такое явление связано с тем, что профессиональная деятель-

ность требует высокой сосредоточенности и самоотдачи, что способствует высокому уровню устойчивости к любым социальным потрясениям [8]. Говоря о таких критериях, как жизненный стиль и соблюдение правил здорового образа жизни, стоит отметить то, что молодые специалисты в наименьшей степени озабочены своим здоровьем и в большинстве своем придерживаются ведения здорового образа жизни.

Анализ различных научных работ, в которых рассматриваются особенности формирования понятия «молодые специалисты», показал, что в научной среде нет четкого определения, кто относится к группе молодых специалистов или работающей молодежи, чаще всего исследователи выделяют определенные особенности или критерии, с помощью которых можно охарактеризовать молодых специалистов. Наиболее часто используемые характеристики молодого специалиста можно разделить на две группы: основные и дополнительные. К группе основных характеристик относится возраст и уровень образования. К группе дополнительных критериев относятся срок трудоустройства по окончании обучения, форма обучения, содействие трудоустройству и иное [9]. Как мы можем заметить, к основной группе характеристик относятся те особенности, без которых охарактеризовать работающую молодежь будет довольно затруднительно. В то время как дополнительные характеристики представляют собой группы тех особенностей, которые будут значимы только в определенных единичных случаях.

При проведении анализа определения «работающая молодежь», на наш взгляд, важным является также определить особенности данного понятия с правовой точки зрения.

В ходе исследования нами был проведен анализ нормативно-правовых документов, который показал, что в действующем Федеральном законодательстве РФ нет четкого понимания «молодой специалист». Однако, в различных нормативно-правовых документах понятия «молодой специалист» и «молодой

работник» используются при описании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений с участием молодых специалистов. Стоит отметить, что данные понятия можно встретить как непосредственно в названиях документов, так и в их текстах.

В статье 70 Трудового кодекса РФ дается следующее определение «лица, получившие среднее профессиональное образование или высшее образование по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам и вправе поступающих на работу по полученной специальности в течение одного года со дня получения профессионального образования соответствующего уровня», таким образом, согласно Трудовому кодексу РФ, молодой специалист имеет следующие критерии: молодой специалист должен окончить соответствующее образовательное учреждение профессионального образования, имеющее государственную аккредитацию, специалист должен впервые поступить на работу по полученной специальности и он должен трудоустроиться по полученной специальности в течение одного года со дня окончания образовательного учреждения [1].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в российском законодательстве молодым специалистом считается только тот работник, который закончил аккредитованное профессиональное учреждение, трудоустроился по полученной специальности в течение года после окончания. Как мы можем заметить, в федеральном законодательстве нет четко сформулированного определения работающей молодежи, что говорит о том, что на рынке труда могут возникать соответствующие проблемы, например, при более узком анализе общеизвестного постулата о необходимости обучения для последующей работы на свободных рабочих местах, а также применении понятия «рабочая молодежь».

В процесс исследования рынка труда работающей молодежи важным является определить то, насколько взаимосвязаны между собой такие понятия как конкурентоспособность и уровень профессиональ-

ного образования молодых специалистов. На наш взгляд, понятия конкурентоспособность и уровень профессионального образования взаимосвязаны, так как именно одним из факторов высокой конкурентоспособности на начальных стадиях карьерного роста для молодого специалиста является наличие хороших знания и правильного их применения. В дальнейшем ключевым фактором конкурентоспособности является процесс постоянного обновления своих знаний при помощи различных курсов повышения квалификации или переподготовки.

Для того чтобы дать качественную оценку взаимоотношению понятий конкурентоспособность и уровень профессионального образования, нами была проанализированная научная работа «Место системы профессионального образования в формировании конкурентоспособности выпускников», написанная такими авторами как Г.Ф. Шафранов-Куцев и Г.Е. Ефремова. В ходе данного исследования авторами был проведен социологический опрос, в котором приняли участие 956 человек в возрасте от 18 до 30 лет, среди них 58% мужчин и 42% женщины [13].

В ходе социологического опроса респондентам был задан вопрос о том считают ли они себя конкурентоспособными, ответы были получены следующие: однозначно утвердительно, то есть «да», ответили 57% опрошенных, а 3% опрошенных ответили категоричным «нет», 33% опрошенных выбрали вариант ответа «скорее да, чем нет», что свидетельствует о неуверенности респондентов в своей конкурентоспособности и 7% выбрали «скорее нет, чем да», что также говорить о неуверенности, но уже более выраженной [там же]. Как мы можем видеть, уровень конкурентоспособности респондентов довольно высок, что говорит о том, что нынешнее молодое поколение достаточно уверено в своих силах. На наш взгляд, такой высокий показатель уверенность в своей конкурентоспособности во много связан с молодостью, небольшим жизненным опытом, весьма высокой амбициозностью и сравнения своих сил в основном с коллегами.

Для того чтобы дать оценку взаимоотношению понятий уровень образования и конкурентоспособность, нами были проанализированы ответы на вопрос о том, какое образование имеют респонденты и какова их оценка своей конкурентоспособности. 64% молодых специалистов имеют неполное среднее и среднее общее образования и при этом считают себя обладателями конкурентных преимуществ, 80% респондентов имеют начальное и среднее профессиональное образование, а 94% опрошенных имеют высшее и послевузовское образование. Но при этом уровень неконкурентоспособности среди перечисленных категорий составил в процентном соотношении 19,5% и 2%. Таким образом, мы можем видеть, что молодые специалисты в своем большинстве не ставят в приоритет наличие высшего образования.

Также нами были проанализированы ответы на вопрос о том, достаточно ли полученных знаний для достижения профессиональной успешности. Лишь 24% опрошенных отметили, что им достаточно полученных знаний, 53% опрошенных считают, что им не всегда хватает полученных знаний в ходе учебного процесса. Анализ результатов опроса показал, что чаще всего вариант ответа «несоответствие приобретенным знаниям и компетенциям современным жизненным и трудовым реалиям» выбрали конкурентоспособные респонденты – 22 против 17%, а достаточность знаний отметили неконкурентоспособные – 38%. Из результатов можно сделать вывод о том, что молодые специалисты объективно оценивают уровень своих компетенции и готовы его повышать.

Результаты ответов о соотношении заработной платы и успеваемости представлены в таблице (табл. 1).

Как мы видим, в основном в ходе опроса 31% респондентов, учившихся на «отлично», получают зарплату более 71 тысячи рублей в месяц, в то время как менее 29 тысяч рублей получают лишь 19% опрошенных данной категории.

Нами были также проанализированы ответы на вопрос о том, соответствует ли нынешняя работа респондентов,

полученной специальности. 78% респондентов в настоящее время работают по специальности, из них у 38% она полностью соответствует фактически выполняемым обязанностям, а у 40% частично [4].

Таблица 1. Ответы на вопрос «Как Вы можете охарактеризовать свою учебу в профессиональном учебном заведении?»

Варианты ответа об успеваемости	Размер дохода		
	Менее 29 тысяч рублей	От 30 до 69 тысяч рублей	От 70 тысяч рублей и выше
Учился в основном на «отлично»	19%	19%	31%
Учился в основном на «хорошо»	61%	69%	59%
Учился в основном на «удовлетворительно»	20%	12%	10%

Можно сделать вывод о том, что временные молодые специалисты оценивают свою конкурентоспособность на довольно высоком уровне. Опрос показал, что чем выше уровень образования молодого специалиста, тем выше и его самооценка.

Анализ рынка труда работающей молодежи подразумевает под собой так же непосредственное исследование самих представителей работающей молодежи. На наш взгляд, важным является определить семейное положение молодых специалистов. Важность данного исследования заключается в том, что семейное положение работающей молодежи влияет на ее трудовую миграцию. Это связано с тем, что от трудовой миграции молодых специалистов удерживает как раз таки в большинстве случаев факт наличие семьи.

Для того чтобы определить семейное положение молодых специалистов, нами были проанализированы результаты социологического опроса, представленного в статье Соколовой Н.А. и Черниковой Е.Г. «Социально-экономическое положение, работающее молодежи промышленных предприятий: социологический анализ».

В данном социологическом опросе было опрошено 394 представителя работающей молодежи, из которых 57,6% мужчины и 42,4% женщины. Также среди опрошенных на государственных предприятиях работает 23,6%, 60,2% работают на частных предприятиях, 16,2% на предприятиях смешенной формы собственности [12].

Анализ результатов проведенного опроса показал, что среди опрошенных представителей работающей молодежи 59,6% уже состоят в браке, из них 46,5% закрепили союз официально. Данные результаты говорят о том, что более половины работающей молодежи, принявшей участие в опросе, уже имеют семью. Также стоит отметить, что среди опрошенных 33,1% отметили «холост (не замужем)», важным является то, что среди опрошенных уже есть те, кто имеют статус «разведен» – 7,3%.

Вопрос о наличии детей у представителей молодого поколения показал, что у 45,3% опрошенных уже есть дети, из них у большинства в семье один ребенок (66,5%), двоих детей имеют 26% опрошенных и трое детей у 4,8% респондентов. Как мы можно видеть, у многих представителей работающей молодежи уже есть дети, у многих представителей уже есть двое детей. Опрос так же показал, что большинство молодых специалистов мечтают о семье с двумя детьми – 58,2%, одного ребенка хотели бы иметь 12,1% опрошенных, троих 23,1% и более 3 детей 6,6% опрошенных. Данные результаты говорят о том, что представители молодого поколения, имеющие работу и чувствующее себе более менее материально независимыми, желают иметь не просто семью состоящую из мужа и жены, но и визуализируют семью с детьми.

Необходимо отметить, что в ходе опроса представителям работающей молодежи был задан вопрос о том, почему они не хотят создавать семью, ответы респонденты прописывали самостоятельно. Результаты данного вопроса следующие: молодые специалисты не хотят создавать семью, потому что не уверены в своих силах (1 человек), в категории

«свой вариант» – скоро все будет (1), надо повысить благосостояние (1), есть отрицательный опыт (1), затрудняюсь ответить (6) [5]. Как можно заметить, молодые специалисты не стремятся к созданию семьи чаще всего по причине того, что не уверены в своих силах и не считают свой уровень благосостояния высоким на данном жизненном этапе.

Исходя из представленных результатов социологического опроса, мы можем сделать вывод о том, что большинство молодых специалистов уже имеют семьи, в которых есть дети, также при этом есть и представители работающей молодежи, которые уже успели развестись. Высокий уровень наличие семенных отношений говорит о том, что представители работающей молодежи заинтересованы в создании семьи и стремятся к этому. Таким образом, мы можем говорить о том, что в молодые специалисты имеют высокий уровень семейного положения и стремятся к его улучшению, что говорит о том, что миграция трудовой активности молодых специалистов минимальна, так как наличие семьи усугубляет возможный переезд.

Исследования рынка труда молодых специалистов подразумевает под собой непосредственное изучение самих представителей работающей молодежи как субъектов социальных взаимоотношений. Это связано с тем, что молодые специалисты начинают осуществлять в полной мере свои социальные функции, что позволяет говорить о том, что представителей работающей молодежи в полной мере можно считать субъектами социальных взаимоотношений [11]. Данное высказывание обусловлено тем, что молодые специалисты проходят закономерный ход социализации в рамках определенных социальных обстоятельствах. Поскольку молодые специалисты являются субъектами социальных взаимоотношений, то, следовательно, молодых специалистов можно также считать полноценными субъектами общественно-политических взаимоотношений.

В процессе изучения уровня участия представителей работающей молодежи,

как субъекта общественно-политических взаимоотношений, нами был сделан вывод в том, что молодых специалистов можно разделить на две группы по уровню их участие в общественно-политических взаимоотношениях.

К первой группе относятся молодые специалисты, которые предпочитают оставаться политически бездейственными и лишь в редких случаях принимать участие в политической жизни при помощи конвенциональных форм. Ко второй группе относятся те представители работающей молодежи, которые предрасположены к инициативной общественно-политической роли, молодые специалисты, относящиеся к данной группе, чаще всего предпочитают в ходе участия в политических взаимоотношениях использовать различные неконвенционные формы политической активности. Использование неконвенционных видов общественно-политической жизни связано с тем, что представители второй группы полагают, что данные виды является более результативными. Здесь стоит отметить то, что важным фактором включенности представителей работающей молодежи является регион проживания молодого специалиста.

Говоря об участии молодых специалистов в общественно-политических взаимоотношениях важно сказать и то, что работающая молодежь имеет не высокий уровень заинтересованности к общественно-политическим действиям. Это связано с тем, что многие представители работающей молодежи не связывают свое индивидуальное благосостояние с действующими общественно-политическими мероприятиями, совершаемыми в государстве и за границей.

Анализируя общественно-политическую жизнь в России, можно говорить о таких формах политического участия работающей молодежи как:

- участие в голосовании (здесь молодые специалисты чаще всего предпочитают быть на месте голосующих, тем самым, не используя свои политические возможности);

- представительское участие в органах власти РФ и местного самоуправления; создание молодежных движений, организаций;
- участие в работе политических партий;
- участие в акциях стихийного волеизъявления личных политических укладов и прав.

В ходе анализа уровня вовлеченности работающей молодежи в общественно-политические взаимоотношения, нами было определено, что на сегодняшний день молодые специалисты в наименьшей степени проявляют интерес к политической жизни государства, в котором они живут, это связано с тем, что представители работающей молодежи, редко осознают взаимосвязь между уровнем своего благосостояния и политикой проводимой государством.

Более того, как отмечают исследователи М.И. Камалова и А.И. Соловьев, в настоящее время молодежь в целом, и работающая молодежь, в частности, испытывает влияние на формирование своей общественно-политической и гражданской активности со стороны не только государства, но и других участников информационного пространства. Авторы отмечают, что молодежь испытывает влияние крупных геополитических конфликтов и инновационных цивилизационных проектов, проводимых ведущими мировыми державами, что неизбежно влечет ее к включенности в аудиторию «века беспорядков», который исследователи и журналисты предрекают в качестве будущего, пришедшего на смену процессам глобализации [6].

Кроме того, М.И. Камалова и А.И. Соловьев утверждают, что влияние на молодежь оказывает и переходный социально-политический характер российского общества с разорванными перспективами развития, в котором молодежи предлагаются иногда прямо противоположные альтернативы развития, предполагающие наличие шансов для развития, перспектив и возможностей жизненной самореализации. Одновременно авторы подчеркивают наличие разнообразных политических сил, к ко-

торым можно отнести экстремистские, сектантские и прочие, предлагающих молодежи собственные фреймы интерпретации жизненных целей и ценностей, существенно отличающихся от проводимых государством. Исследователи отмечают, что представители этих организаций более результативны в своем продвижении, воздействуя на ментальность молодежи иными методами, с учетом социально-психологических и иных особенностей группы, поэтому находят отклик в сердцах молодежи. Такие воздействия на умонастроения молодежи обуславливают ее социальное поведение, участие в движениях гражданского протеста, навязчивое высмеивание (троллинг) с использованием мемов в цифровом пространстве, что расширяет аудиторию воздействия [там же].

В России представлен довольно большой спектр различных видов участия в общественно-политических взаимоотношениях, однако, как мы можем видеть на практике, представители работающей молодежи редко пользуются представленными возможностями, лишь единицы осознают необходимость участия в политической жизни страны и чаще всего такое осознание приходит к молодым специалистам в более зрелом возрасте (27–35 лет).

Решение проблем участия государства и общественных структур в повышении активизации действий в формировании партнерства с молодежью происходит с применением таких технологий социальной работы как социальная адаптация, социальное консультирование и внедрение инноваций.

О.Н. Веричева, изучая применимость технологий социальной работы, рассматривает инновационные технологии как наиболее актуальные [2]. Поскольку инновационные технологии сопутствуют совершенствованию организационных, правовых и социально-экономических условий самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала и ее интеграцию в общественные процессы. При этом важно говорить о соответствии применяемых технологий реальным потребностям молодежной ау-

дитории в социальных услугах, что необходимо исследовать. Результаты таких исследований применимы в различных формах работы с молодежью: формирование клубов по интересам, обучение необходимым навыкам, совместное проведение досуга, например, участие в спортивных играх, туристических походах и экскурсиях, совместном участии в социально-проектной деятельности. Автор показывает, что при применении инновационных технологий социальной работы реализуются функции социализации, коммуникации, профориентации и подготовки кадров.

Характеристика экспертного исследования

Опрос экспертов на тему «Формирование социального пространства жизнедеятельности работающей молодежи» проводился в период с 12 по 16 мая 2022 года. В опросе приняли участие 10 экспертов, из них 4 человека работают в органах власти, остальные представляют учреждения культуры, образования, представители бизнеса и общественных проектов. Принцип отбора экспертов – руководители, работающие с молодежью, и участники общественной или государственной молодежной политики. Среди экспертов 5 мужчин и 5 женщин.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить представление о жизнедеятельности работающей молодежи, её жизненных силах и их преумножении в пространстве Иркутской области.

Исследование проводилось методом онлайн-опроса. Опрос проводится методом формализованного интервью. Анкета включала в себя закрытые вопросы, открытые вопросы, где ответ следует привести самому респонденту, и комбинированные вопросы. Анкета была размещена в свободном доступе на сайте webanketa.

Результаты исследования

Участникам опроса в качестве контактного вопроса было предложено оценить являются ли участники группы «работающая молодежь» объектом внимания

общества и государства. Все респонденты уверены в наличии внимания: 60% опрошенных ответили утвердительно; 40% выбрали вариант «скорее да».

В другом контактном вопросе респондентам было предложено указать проблемы, которые наиболее часто встречаются на жизненном пути работающей молодежи (таблица 2). Респонденты могли выбрать не более пяти ответов.

Таблица 2. Проблемы, волнующие молодежь

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	Материальные проблемы	100
2.	Проблемы с жильем	90
3.	Отсутствие свободного времени	30
4.	Межличностное взаимодействие	30
5.	Ухудшение состояния здоровья (своего и членов семьи)	20
6.	Политические проблемы	20
7.	Отношения с коллегами	20
8.	Ограничения в доступе к получению высшего образования	10
9.	Нереализованность прав и свобод	10
10.	Взаимоотношения с родителями	10
11.	Другое	10

Мнения экспертов о проблемах молодежи совпадает с мнением работающей молодежи – основными проблемами названы материальные проблемы и проблемы с жильем. Каждый третий эксперт указал отсутствие свободного времени и межличностное взаимодействие. Вариант ответа «другое» включил ответ: «очень малоформатный рынок труда».

При решении задачи оценки профессионального пространства респондентам было задано несколько вопросов. Так, участникам опроса был задан вопрос: «Оцените, пожалуйста, когда современная молодежь начинает работать на постоянной основе?». 45,1% опрошенных выбрали вариант ответа «после совершеннолетия, начиная с 18 лет»;

37,25% сказали «после получения диплома о профессиональном образовании»; 13,73% отметили вариант ответа «после наступления 14 лет»; один респондент ответил «еще в детстве, начиная с временных заработков», один затруднился ответить.

Мы задали вопрос о сложностях, которые встречаются представителям работающей молодежи в первый год после трудоустройства, в котором опрошенные могли выбрать несколько вариантов ответа (таблица 3).

Таблица 3. Проблемы в первый год после трудоустройства

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	Низкая оплата труда	90
2.	Отсутствие наставников	80
3.	Завышенные требования работодателей	40
4.	Трудности во взаимопонимания с коллегами	40
5.	Нет перспектив карьерного роста	30
6.	Трудности во взаимопонимания с руководством	30
7.	Работа не вызывает интереса	20
8.	Приходится получать дополнительное образование за свой счет	10
9.	Нет возможности для саморазвития	10
10.	Много общественной, неоплачиваемой работы	10
11.	Сложный психологический климат в коллективе	10

Как видно из полученных результатов, большинство экспертов назвали низкую оплату труда и отсутствие наставников. Ответы совпадают с мнением работающей молодежи. Остальные сложности касаются социального взаимодействия и взаимопонимания в коллективе и с руководством.

При выяснении места высшего образования в жизненном пространстве работающей молодежи. Так, опрошен-

ные высказали свое мнение о том, нужно ли работающей молодежи высшее образование. Практически все эксперты ответили утвердительно: ответ «скорее да» отметили 60% респондентов, ответ «да» выбрали 30%. Ответ «скорее нет» выбрал 1 человек или 10% опрошенных.

Еще один вопрос экспертам звучал так: «Как Вы считаете, есть ли в современном обществе трансляция или пропаганда важности создания своей семьи среди работающей молодежи?» Все респонденты высказали мнение об отсутствии такого процесса: ответ «скорее нет» выбрали 80%; ответ «нет» – 20%.

Важно было выяснить, какими видят ценности работающей молодежи эксперты (таблица 4). Вопрос содержал возможность выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 4. Ценности работающей молодежи

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	Деньги	80
2.	Личностный рост	60
3.	Карьера	60
4.	Самовыражение	50
5.	Семья	50
6.	Образование	40
7.	Дружба	20
8.	Любовь	20
9.	Взаимопонимание	20
10.	Комфорт	20
11.	Развлечения	20
12.	Патриотизм, любовь к Родине	10

Анализ результатов продемонстрировал присутствие у работающей молодежи индивидуальных ценностей. Здесь мнения экспертов и ответы работающей молодежи расходятся в количестве ответов.

Участникам исследования был задан вопрос: «Какие мероприятия и формы общественной жизни, в которых принимали участие представители группы

работающей молодежи, Вы знаете?», с возможностью выбора не более 5 вариантов ответа (таблица 5).

Таблица 5. Перечень посещаемых мероприятий и других форм общественной жизни

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	Спортивные соревнования, спартакиады	100
2.	Уборка городского пространства	80
3.	Обучающие и иные тренинги	80
4.	Игры КВН	80
5.	Профессиональные конкурсы	70
6.	Посадка деревьев	70
7.	Профессиональные праздники	70
8.	Тим-билдинги	70
9.	Деловые игры	60
10.	Интеллектуальные поединки	50
11.	Концерты художественной самодеятельности	50
12.	Квизы	50
13.	Театральные постановки	30
14.	Музыкальные фестивали	30
15.	Музейные выставки	10

Все участники опроса сошлись во мнении, что работающая молодежь является участниками спортивных соревнований и спартакиад. В этом мнение участников опросов совпадало. Мнение экспертов совпало частично с мнением работающей молодежи, что касается субботников и обучения, в том числе в виде тренингов. В остальном выбор форм участия был назван в виде тех мероприятий, которые касаются рабочего пространства: профессиональные конкурсы, праздники, тим-билдинги. Так эксперты подтвердили, что много своего времени работающая молодежь посвящает развитию рабочего пространства и взаимодействия.

При оценке ресурсного потенциала Иркутской области для поддержки и повышения активности группы работающей молодежи эксперты разделились в своем мнении: ответ «высокий в достаточной степени» выбрали 60%, ответ «не очень высокий» – 40%.

Уточнение прозвучало в вопросе: «Существуют ли в Иркутской области формы работы и / или мероприятия для работающей молодежи?», на который были получены следующие ответы: 60% ответили «скорее нет», 30% – «да», 10% – «скорее да».

Нами было высказано предположение о несовпадении каналов коммуникации, поэтому экспертам было предложено ответить на вопрос: «Где, по Вашему мнению, органы власти, оргкомитеты мероприятий, общественные организации и т.п. чаще всего размещают информацию о жизни Иркутской области?» с возможностью выбора нескольких вариантов ответа (таблица 6).

Таблица 6. Источники информации

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	Сайт правительства региона	90
2.	Корпоративные страницы в сетях	70
3.	Страницы в партнерских социальных сетях	50
4.	Региональные газеты	50
5.	Телевидение	40
6.	Радио	40
7.	Новостные страницы в электронных изданиях	30
8.	Рабочие чаты в мессенджерах	20
9.	Объявления на стендах и баннерах	10
10.	От администрации и сотрудников своей организации	10
11.	Друзья, знакомые	10
12.	Другое	17,65

Основными источниками информации эксперты называют те, что расположены в виртуальном пространстве (мессендже-

ры, социальные сети, новостные страницы и пр.). Газеты, радио и телевидение важны для размещения информации, по мнению половины экспертов. А вот содержание текстов на стендах и баннерах не пользуются широким вниманием аудитории. Информация, распространяемая в рабочем коммуникационном пространстве, также не считается важной. Нам видится, что это важный канал, который нужно применять, но не перегружать, тогда расширится аудитория воздействия. В ответе «другое» (20%) прозвучали ответы о социальных сетях и сайтах органов местного самоуправления. Если сравнить ответы экспертов с ответами работающей молодежи, мы увидим, что каналы коммуникации совпадают незначительно.

Следующей задачей было необходимо выявить потребности в поддержке для работающей молодежи. Большинство экспертов подтверждают необходимость таковой: ответ «да» получен от 70% экспертов, ответ «скорее да» – от 20%, ответ «скорее нет» – от 10%.

Таблица 7. Виды поддержки, доступные для работающей молодежи

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	Информационная	80
2.	Правовая	70
3.	В обучении предпринимательству	70
4.	Консультационная	60
5.	Обучение и сопровождение в написании грантовых заявок	60
6.	Поддержка при переходе на новый уровень саморазвития (смена работы, создание семьи, проведение ЗОЖ, обучение и т.п.)	50
7.	Помощь в профессиональной и социальной карьере	30
8.	При формировании личного образа, стиля жизни, формы работы и отдыха, коммуникаций и т.д.)	10
9.	Адаптация в изменяющемся пространстве	10

Для уточнения конкретных видов помощи и поддержки экспертам был задан

вопрос: «Какие виды поддержки могут получить представители работающей молодежи?», можно выбрать несколько вариантов ответа (таблица 7).

Как видно при анализе результатов, большинство экспертов считают, что работающая молодежь может получить поддержку в виде информационной, правовой, консультационной, при подготовке грантовых заявок и обучении предпринимательству.

Важно было выяснить, какие органы и общественные организации напрямую работают с представителями работающей молодежи. Эксперты дали следующие ответы:

- профсоюзные организации (70%);
- советы молодых специалистов (60%);
- студенческие отряды (50%);
- молодежные думы и парламенты (50%);
- спортивные организации (30%);
- общественные советы и объединения предпринимателей (20%);
- творческие объединения (20%);
- советы молодых ученых (10%);
- другое (Центр «Мой Бизнес») (10%).

Эксперты ответили на открытый вопрос: «Какие мероприятия Вы можете назвать как наиболее эффективные для развития потенциала работающей молодежи?» Ответы были сгруппированы по сферам деятельности и мероприятиям, проводимым в них. Ответы опрошенных мы распределили следующим образом:

- 1) образовательные (направленные на развитие soft skills, образовательные и обучающие программы, самообразование);
- 2) социальные практики (общественные молодежные форумы, конференции с работодателями, фестивали и школы актива работающей молодежи);
- 3) корпоративные и региональные точки роста (профессиональные конкурсы, конкурс «Моя карьера»);
- 4) творческие (КВН, конкурсы танцев и песен);
- 5) спортивные (Лыжня России, марафоны);
- 6) проведение комплексной молодежной политики как части корпоративной политики организации;

7) государственная программа по заключению социальных контрактов (в том числе на переобучение и повышение квалификации).

Также эксперты ответили на открытый вопрос: «Куда, по Вашему мнению, могут обратиться представители работающей молодежи для реализации своих идей?» Группирование ответов произведено по частоте упоминания:

- 1) региональные и муниципальные органы по молодежной политике (50%);
- 2) работодатели и их объединения (40%);
- 3) профессиональные союзы и их руководящие органы (например, профком студентов) (50%);
- 4) молодежные и общественные организации (30%);
- 5) центр поддержки предпринимательских инициатив «Мой Бизнес» (20%);
- 6) спортивные клубы (10%).

Выводы

Эксперты по молодежной политике представляют собой ярких участников общественной и молодежной политики. Они хорошо знают проблемы молодежи и ее характерные черты. Обобщая представления о различных сторонах жизненного пространства молодежи, можно сказать, что первым важным направлением взаимодействия с работающей молодежью становится использование общих социальных сетей.

Вторым важным делом можно назвать интеграцию взаимодействия социальных организаций работников и участников государственной и общественной молодежной политики, поскольку на работе проводят львиную часть жизни.

Кроме того, мы полагаем важным проведение общественных мероприятий для работающей молодежи на основе субъект-субъектных взаимодействий, помимо профессиональных, тогда начнет повышаться имидж работающей молодежи, ее просоциальная позиция и влияние на повышение престижа предприятий и организаций.

Литература

1. Трудовой кодекс РФ [Электронный ресурс]: Кодекс РФ (принят Государ-

ственной Думой 30 декабря 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 1. – Ст. 70. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901807664?section=text>, свободный (дата обращения 12.09.22).

2. Веричева О.Н. Инновационные технологии в социальной работе с молодежью: теоретико-методологические аспекты // Успехи современной науки и образования. – 2016. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25324001_60392587.pdf, свободный (дата обращения: 16.03.2022).
3. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Досуговые практики работающей молодежи как фактор сохранения социального здоровья и качества жизни // В поисках социальной истины: материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 29 ноября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич. – Иркутск: изд-во ИГУ, 2021. – С. 37–41.
4. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 сентября 2021 г. / под общ. ред. О.А. Полюшкевич. – Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. – С. 360–363.
5. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Рекреационные техники, способствующие поддержанию психологического здоровья работающей молодежи, в концепциях витализма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде: [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 25–27 ноября 2021 г. Тематический

- сборник статей. – Электрон. текст. дан. (3,5 Мб). – Иркутск, Аспринт, 2021. – С. 145–149.
6. Камалова М. И., Соловьев А.И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектории развития в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 83 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-problemy-i-traektorii-razvitiya-v-sovremennoy-rossii/viewer>, свободный (дата обращения: 08.04.2022).
 7. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. – С. 65–68.
 8. Косицына С.В. Рабочая молодёжь в контексте городского социокультурного пространства // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 3–2. – С. 9–15.
 9. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. – Вологда, ВолРАН, 2021. – С. 20–23.
 10. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. – № 4. – С. 129–135.
 11. Решетников В.А., Решетникова Е.В. Гуманизм как философская и практическая универсалия человеческой истории // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 64–72.
 12. Соколова Н. А., Черникова Е.Г. Социально-экономическое положение работающей молодежи промышленных предприятий: социологический анализ // Здоровоохранение, образование и безопасность. – 2016. – № 3(7). – С. 39–46.
 13. Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефремова Г.Е. Место системы профессионального образования в формировании конкурентоспособности выпускников // Образование и наука. – 2019. – Т. 21. № 4. – С. 139–161.
 14. Эфендиев А. Г., Чермошенцева Е.С. Трудовое поведение современной работающей молодежи: духовно-нравственные основы и практики // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23. – № 4. – С. 40–43.

EXPERT ASSESSMENT OF THE SOCIAL SPACE FOR THE LIFE OF WORKING YOUTH

Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V.

Irkutsk State University

The article discusses the main theories of the development of the social space of youth, highlights the issues of organizing the life of working youth. On the basis of an expert survey, the main conditions for the social potential for the development of the living space of working youth are highlighted. Conclusions are drawn about the prospects for the development of the living space of working youth.

Keywords: social space, working youth, life activity, vitality, identity, social conditions, social opportunities.

References

1. Labor Code of the Russian Federation [Electronic resource]: Code of the Russian Federation (adopted by the State Duma on December 30, 2001) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 1. – St. 70. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901807664?section=text>, free (accessed 12.09.22).
2. Vericheva O.N. Innovative technologies in social work with youth: theoretical and methodological aspects // Successes of modern science and education. – 2016. – No. 1 [Electronic resource]. – URL: <https://elibrary>.

- ru/download/elibrary_25324001_60392587.pdf, free (date of access: 03/16/2022).
3. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Leisure practices of working youth as a factor in maintaining social health and quality of life // In search of social truth: materials of the III International scientific and practical conference. Irkutsk, November 29, 2021 / ISU; under total ed. O.A. Polyushkevich. – Irkutsk: ISU publishing house, 2021. – S. 37–41.
 4. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Study of the possibilities of using technologies for upbringing and social education of working youth in the conditions of virtual space // Social reality of virtual space: materials of the III International scientific and practical conference. Irkutsk, September 20, 2021 / ed. ed. O.A. Polyushkevich. – Irkutsk, IGU Publishing House, 2021. – P. 360–363.
 5. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Recreational techniques that contribute to maintaining the psychological health of working youth, in the concepts of vitalism // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony in the youth environment: [Electronic resource]: Materials All-Russian Scientific and Practical Conference, November 25–27, 2021. Thematic collection of articles. – Electron. text. Dan. (3.5 Mb). – Irkutsk, Asprint, 2021. – S. 145–149.
 6. Kamalova M. I., Solovyov A.I. State youth policy: problems and development trajectories in modern Russia // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2020. – No. 83 [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-problemy-i-traektorii-razvitiya-v-sovremennoy-rossii/viewer>, free (date of access: 04/08/2022).
 7. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Social solidarity through pro-social practices of civil activists and volunteers // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022. – S. 65–68.
 8. Kositsyna S.V. Working youth in the context of urban socio-cultural space // Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts. – 2012. – no. 3–2. – P. 9–15.
 9. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in a post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. – Vologda, VoIRAN, 2021. – S. 20–23.
 10. Polyushkevich O.A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space // Sociology. 2021. – No. 4. – S. 129–135.
 11. Reshetnikov V.A., Reshetnikova E.V. Humanism as a philosophical and practical universal of human history // Humanitarian vector. 2019. V. 14. No. 2. S. 64–72.
 12. Sokolova N. A., Chernikova E.G. Socio-economic situation of working youth of industrial enterprises: a sociological analysis // Health, education and safety. – 2016. – No. 3(7). – S. 39–46.
 13. Shafranov-Kutsev G. F., Efremova G.E. The place of the vocational education system in shaping the competitiveness of graduates // Obrazovanie i nauka. – 2019. – T. 21. No. 4. – S. 139–161.
 14. Efendiev A. G., Chermoshentseva E.S. Labor behavior of modern working youth: spiritual and moral foundations and practices // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 2020. – T. 23. – No. 4. – S. 40–43.

Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе

Зубова Оксана Геннадьевна,

кандидат политических наук, доцент, доцент
кафедры социальных технологий социологического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: zubovaoksana@bk.ru

В статье рассматривается влияние цифровизации на качество жизни пожилых людей в современном российском обществе с точки зрения субъективного и объективного подходов. На основе анализа данных отечественных исследований и результатов проведенного пилотажного исследования методом интервью, выявляются основные барьеры вовлечения пожилых людей в цифровое пространство, способствующие формированию цифрового неравенства.

Образовавшийся «цифровой разрыв» был рассмотрен на трех уровнях: материальном (доступ к Интернету и ИКТ), образовательном (цифровые компетенции и цифровая грамотность людей «третьего возраста»), социально-психологическом (особенности поколения «цифровых мигрантов», их отношение к использованию цифровых технологий в повседневной жизни). Отмечается роль пандемии COVID-19 как катализатора цифровизации для старшего поколения, что содействовало сокращению цифрового разрыва среди этой группы населения на материальном и образовательном уровнях. Но отношение к применению цифровых технологий остается амбивалентным, пожилые люди не чувствуют себя естественно в цифровой среде, не способны к объективной оценке получаемой информации, по определенным аспектам их жизнь не упрощается, а усложняется, использование возможностей цифровых технологий никак не влияют на их ощущение счастья.

Ключевые слова: цифровые технологии, качество жизни пожилых людей, цифровые возможности для роста качества жизни, цифровое неравенство, барьеры цифровизации, цифровая грамотность.

Введение

В период пандемии COVID-19 в повседневной жизни стали распространёнными виртуальные практики в получении разными группами населения необходимых товаров и услуг. В возникшей ситуации трансформации привычного социального мира, цифровая компетентность для пожилых людей стала жизненной необходимостью, так как позволяла сохранять занятость, получать доступ к телемедицине, социальным услугам, осуществлять заказ домой нужных продуктов и товаров. Особенно актуально это стало для одиноких людей, не имеющих возможности получать помощь со стороны близких людей и семьи. После возвращения обычного режима повседневной жизни и снятия ряда ограничений, многие практики остались, как и постепенное расширение включения всего населения в процессы цифровизации основных общественных сфер. Это поставило перед исследователями новые вопросы для изучения влияния цифровых технологий на качество жизни пожилых людей, их социальное самочувствие, возможности и риски социальной адаптации при убыстряющихся темпах общественных изменений [3, 13, 14].

Согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрастах 65 лет и более во всем населении превышает 7%. По данным Росстата, на 1 января 2022 года каждый седьмой россиянин, т.е. 16,0% жителей страны, находится в возрасте 65 лет и старше (в начале 2021 года – 15,8%) [18, с. 9–11]. Процесс демографического старения населения в гораздо большей степени характерен для женщин. В структуре населения вышеуказанного возраста женщины составляют около двух третей (66,5%). Если за основу брать принятый пенсионный возраст, то «старше трудоспособного возраста» в России проживает 35957982 пожилых людей, что состав-

ляет 16,1% населения. При этом, в трудоспособном возрасте пребывает 56,5% жителей страны [18, с. 11]. По прогнозам, к 2030 году численность лиц старшего трудоспособного возраста превысит 29% населения страны [2, с. 45]. Это актуализирует внимание к изучению проблем старшего поколения, в том числе и при переводе государственных услуг в электронный вид, когда многим пожилым людям сложно получить данные услуги без помощи специальных социальных служб или родственники. И дело не только в низкой компьютерной грамотности, разных возможностях технического оснащения, но и особенностях мировоззрения, связанного с различными условиями социализации поколений, территорией проживания, сферой занятости. Одним из факторов влияния выступает и сам стереотипный образ старости, закрепленный в общественном сознании, в том числе, и через СМИ.

В современных подходах рассмотрения «цифрового разрыва», фокус внимания исследователей связывается с множественностью факторов неэкономического характера [9]. Именно «цифровой разрыв» усиливает процессы социальной дифференциации. Образовавшийся разрыв, как пишет Т.Н. Беляцкая, связан не только с доступностью выхода в сеть Интернет и наличием необходимых устройств, но и многими другими причинами неравномерного доступа к ИКТ, среди которых, прежде всего, выделяется цифровая грамотность разных групп населения, выступающая основой эффективной адаптации в цифровой среде [1]. К перечисленным факторам, рассматриваемым исследователями, можно, на наш взгляд, отнести и разные ценностные приоритеты поколений, определяющие основные жизненные стратегии, субъективное восприятие счастья.

Методология и методы исследования

Методом сбора данных в пилотажном исследовании стали полурасформализованные интервью с 20 респондентами в возрасте от 60 до 85 лет, проживающих в Москве и Подмоскowie. По полу было опрошено 14 женщин и 6 мужчин.

Среди опрошенных 35% имеют специальное образование, 65% – высшее, продолжают работать 20%. Ежемесячный доход респондентов от 22000 до 50000 рублей. Проживают отдельно – 60% опрошенных, с детьми и другими родственниками – 40%.

Основные исследовательские вопросы, определившие темы обсуждения во время интервью: использование цифровых технологий в повседневной жизни; оценка своего поколения, своих возможностей в применении современных информационных технологий в повседневных практиках; основные барьеры в освоении цифровых технологий; риски и возможности для пожилых людей при вовлечении в цифровое пространство.

Полученные качественные данные соотносились с данными статистики и массовых опросов ВЦИОМ и ФОМ о процессах включения пожилых людей в цифровую среду.

Теоретическую рамку исследования составила теория цифровых поколений М. Пренски, который предложил разграничить пользователей Интернета на два типа: «цифровых аборигенов» и «цифровых мигрантов». Под «цифровыми мигрантами» он понимал тех людей, которые начинают пользоваться информационными технологиями в уже сознательном возрасте. «Цифровые аборигены» пользуются информационными технологиями с первых лет своей сознательной жизни, то есть фактически изначально «живут» в цифровой среде [21]. Разные условия социализации, определяют в дальнейшем, разные модели социальной адаптации в цифровой среде. Уровень доверия цифровым инструментам выше в первой категории, как и возникающая зависимость от информационных технологий. Именно отношение к информации определяет основное отличие поколения Z от предыдущих поколений – бэби бумеров, X и Y [20].

Возрастной фактор влияет на цифровой разрыв [4, 16]. Возникающее цифровое неравенство, связанное с цифровизацией пожилого населения, необходимо рассматривать на трех уровнях: доступ к Интернету и ИКТ; цифровые компе-

тенции пользователей и цифровая грамотность; социальные преимущества, получаемые при эффективном использовании цифровых технологий в профессиональной и повседневной жизни. При исследовании первого уровня цифрового неравенства индикаторами выступают количественные данные по аудитории Интернета, второго – данные по оценке уровня цифровой грамотности, третьего – преимущества, которые пользователи могут получить в ходе применения цифровых технологий и барьеры, возникающие при их включении в цифровое пространство.

Результаты исследования и их обсуждение

В XXI веке, при активном развитии цифровых технологий, появляются новые возможности для различных форм обучения и организации досуга пожилых. Это способствует личностному и социальному развитию пожилых людей, повышает качество жизни старшего поколения. В исследованиях разных стран выявляются позитивные эффекты, возникающие при освоении новых технологий в этом возрасте [19]. Так освоение цифрового пространства расширяет возможности для общения, повышает мобильность, открывает доступ к непрерывному образованию, экономит деньги и время. Причины вовлечения в цифровой мир связываются у пожилых людей не только с возможностями общения, организации досуга, но и получения необходимых социальных услуг.

При этом, одним из барьеров к дальнейшей цифровой трансформации выступает недостаточный уровень готовности именно пожилого населения к вовлечению в новую для них сферу деятельности, что разрушает привычные для этого поколения, сформированные годами повседневные практики, актуализирует необходимость постоянного обучения чему-то новому. Ускоренная цифровизация во время пандемии COVID-19 увеличила существующее неравенство по отношению к поколению, рожденному в цифровую эпоху. По результатам исследований доля россиян,

обладающих достаточным уровнем цифровой грамотности, напрямую зависит от возраста человека. Так, наиболее высокие показатели индекса цифровой грамотности демонстрируют люди в возрасте до 44 лет, самые низкие значения цифровой грамотности имеют россияне в возрасте старше 55 лет [15].

В России с февраля 2020 года доля ежедневных пользователей интернета составила 72%. Не пользовались Сетью только 17% россиян, и в основном это представители старшего поколения [8]. Кроме того, пожилые люди, по сравнению с более молодыми, чаще применяют устаревшие технологии, сложнее адаптируются к новым, что увеличивает «цифровой разрыв».

По данным ФОМ, хотя уровень владения компьютером и возрос у населения старше 60 лет, именно в этой социально-демографической группе больше всего тех, кто никогда не пользовался компьютером [7]. Среди тех, кто пользуется интернетом, 30% утверждают, что с исчезновением интернета мало или вовсе ничего не изменится в их жизни [17].

Согласно опросу ВЦИОМ о медиапотреблении россиян, проведенному в 2021 году, смотрят телевизор и почти не пользуются интернетом 17% населения. В основном это представители россиян от 60 лет, которые в ситуации выбора предпочтение отдают более знакомым для них практикам и источникам информации [10]. Воспитанные в другое время, они привыкли получать информацию из привычных источников, в частности, телевидения, доверяя им. Получать информацию из интернета им сложнее, также, как и определять ее достоверность.

По данным проведенных интервью важным фактором, оказывающим влияние на цифровую грамотность, является и сфера занятости. Если профессия предполагала необходимость цифровых навыков, то освоение новых технологий происходило быстрее, скорее это был фактор необходимости оставаться конкурентным специалистом на рынке труда. Пенсионеры же усваивают новые технологии, потому что понимают, что

в современном обществе, особенно мегаполисе, это для них необходимые навыки. Но с обучением возникают сложности, особенно когда приходится усваивать какие-то новые опции: *«хотелось бы более серьезно заняться обучением компьютера, лучше его освоить, не на уровне нескольких кнопок, но не всегда это получается, не хватает терпения, уверенности, что все получится...»* (ж., 75).

Уровень своих компьютерных компетенций сравнивают с уровнем детей и, прежде всего, внуков, и определяют его как очень поверхностный, основанный на ограниченном запоминании показанных опций. Поэтому самое существенное отличие поколений видят не только в структуре ценностей, но в разном владении цифровыми навыками: *«они технически, IT ориентированы, чего не было у предыдущего поколения, поэтому их знания лежат в иной области, скажем, они не имеют представления о том, что написал Карамзин, но зато компьютер вывернут вам наизнанку и скажут какая кнопка за что отвечает»* (ж., 76 лет); *«новое поколение оно динамичнее, чем мы, оно живет в век интернета, в век новых технологий, век тех вещей, которые нам сложно освоить, молодые люди осваивают намного быстрее»* (ж., 68 лет). Такое отношение закрепляет стереотип о невозможности для поколения «цифровых мигрантов» полностью освоиться в мире цифровых технологий и создает соответствующие установки при обучении для всех участников этого процесса.

С точки зрения владения техникой и доступом в интернет, все участники опроса пользуются смартфонами, имеют планшеты или ноутбук, им доступен интернет, даже при проживании на дачи. Все технические вопросы, связанные с подключением, решают дети, внуки или другие близкие родственники. Ситуация пандемии способствовала покупке или получению в подарок новых гаджетов. Чаще всего информантам телефоны, планшеты, ноутбуки дарят члены семьи, но, при этом, они указывают, что для них это не представляет большую ценность. Для многих, наоборот,

является проблемой переход от старых моделей на новые или дальнейшее использование подаренных технических устройств, так как к ним труднее привыкать, все приходится запоминать, иногда вызывает раздражение, что что-то не получается. Это особенно актуально для людей старше 65 лет. Из интервью: *«мне не нужны новые компьютеры, телефоны, они не имеют смысла и ценности для меня сейчас, вот у меня есть старенький компьютер, по которому я могу связываться с дочкой, и мне этого достаточно»* (ж., 66 лет).

Многие практики для людей старшего возраста еще удобнее совершать в реальной жизни, если есть возможность выбора, кроме онлайн платежей: *«в пандемию я заметил, насколько широко многие стали пользоваться онлайн платежами, бесконтактными карточками и сам стал этим пользоваться, это очень сильно экономит время, что однозначно плюс»* (м., 67 лет).

Те же книги, пожилые любят читать бумажные: *«я покупаю книги в бумажном варианте, потому что я к ним привыкла, потому что мне удобно, это моя жизнь»*. (ж., 60 лет). И очень ценится личное общение, как и другие предпочтительные практики в коммуникационном процессе, что соотносится с характеристиками данного поколения: *«намного приятнее получить звонок от лучшего друга с поздравлением дня рождения, чем сухое сообщение в WhatsApp, обильно украшенное смайликами»* (ж., 65 лет).

Качественные данные дополняют результаты проведенных количественных исследований. Так, основными препятствиями в освоении цифровых технологий пожилые люди называют недостаток знаний и умений (50%), сложность цифровых процедур (23,5%), а также неуверенность в собственных силах (16,2%). Проблемы, связанные со здоровьем, отмечают 13,2% опрошенных в возрастной группе старше 80 лет, а финансовые затраты 11,8% респондентов в возрастной группе от 70 лет [6]. Субъективный барьер, связанный с собственной неуверенностью более значим, чем внешние факторы. Пожилые люди испытывают

амбивалентные переживания при взаимодействии с цифровой техникой. Неудачный опыт способствует формированию негативного отношения к дальнейшему использованию в повседневных практиках, а успехи укрепляют уверенность в возможности эффективного усвоения и применения новых технологий, упрощающих получение необходимых услуг.

Помощь пожилым людям в освоении цифровых технологий возлагается прежде всего на семью, в лице детей, внуков и других родственников, а не на внешние социальные институты и общественные организации в лице волонтеров и специалистов курсов для обучения информационным технологиям [5]. Хотя в результате реализации программ и стратегий развития цифровой образовательной среды в РФ и появляются качественные проекты и информационные ресурсы, способствующие решению проблемы формирования цифровой компетентности старшего поколения, необходима их большая общественная популяризация не только с точки зрения приобретения новых навыков в области информационных технологий, но и как возможности сохранения активной жизненной позиции в условиях информационного общества.

Отношение к цифровым технологиям тесно связано не только с образом жизни пожилых людей, уровнем образования, профессиональным статусом, экономическими возможностями, поддержкой семьи, но и существующими страхами, в отношении технических инноваций. Пандемия COVID-19 и связанная с ней цифровизация увеличили уровень технофобии. Если в сентябре 2019 года использование цифровых технологий для слежки за гражданами и манипулирования общественным мнением беспокоило 56% россиян, то в июне 2020 года эта угроза волновала уже 71% опрошенных и тенденция идет на увеличения, включая более старшие категории населения [11].

В целом, уровень развития информационных технологий в России обозначается 47% респондентами как средний,

31% считает, что он высокий и только 11% рассматривает его как низкий. То, что, темпы развития информационных технологий растут, полагает 56% респондентов разных возрастных категорий [12]. Но, молодое и среднее поколение больше видит положительных эффектов в таком развитии. Это связывается с повышением доступности информации, увеличением ее объема; удобством в получении услуг; расширением возможностей обучения, получения знаний; общественным прогрессом страны. Представители россиян от 60 лет основные риски, связываются с увеличением зависимости людей, особенно детей от гаджетов; возрастанием объема ложной, неоднозначной информации в которой невозможно сориентироваться; снижением общего образовательного уровня и здоровья населения; актуализации проблемы мошенничества, безопасности личных данных и тотального контроля; неспособностью к обучению и запоминанию необходимых действий и инструкций.

Какие риски видят опрошенные в цифровизации для жизни людей. Прежде всего, это трансформация практик общения: *«раньше было больше живого общения, сейчас люди дистанцировались из-за интернета»* (м., 65 лет). Подвергается критике то, что выставляется напоказ личная жизнь в социальных сетях, падает культурный уровень людей: *«в социальных сетях молодые люди выставляют напоказ свою личную жизнь, хотя на самом деле, дела обстоят совсем по-другому, просто хочется привлечь к себе внимание, а многие другие люди просто зависимы от чужих фотографии и живут не своей жизнью, наблюдая за другими»* (ж., 66 лет). Одна из угроз связывается с дискурсивностью информационного поля и сложностью проверки достоверности информации, огромного количества манипуляций общественным сознанием, особенно у молодежи: *«в социальных сетях много плохого и хорошего, нам не приходится ничего критически осмысливать, а необходимо научиться в этом море информации уверенно «плавать», это – та опасность, перед которой*

мое поколение не стояло» (ж., 67 лет). Встает вопрос и о том, что на социальные сети молодежь тратит все свое свободное время: *«социальные сети порой затягивают молодых людей и в принципе многие и видят смысл жизни, общения только в существовании в этих социальных сетях»* (м., 68 лет). При этом у 60% опрошенных респондентов есть страницы в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте»), созданные их детьми, внуками, но, пользуются они ими редко, чаще в период пандемии для общения с друзьями, бывшими одноклассниками, коллегами по работе и т.д. Отношение к ним нейтральное и даже положительное, не смотря на все минусы: *«люди благодаря социальным сетям могут поделиться спокойно своими впечатлениями, имеют большое количество друзей, знакомых, через социальные сети могут выложить свои фотографии, впечатления, что неплохо»* (м., 65 лет). Чаще всего информанты используют WhatsApp: *«у меня странички в социальных сетях, но я туда не вхожу сейчас совсем, единственное, я пользуюсь WhatsApp, мы поздравляем друг друга с праздниками ...»* (ж., 66 лет); *«здесь можно написать или отправить картинку с добрым утром, потому что у многих такое самочувствие уже, мы как бы контролируем: ага, раз она мне ответила, жива, значит все хорошо»* (ж., 75 лет). Социальные сети рассматриваются и как эффективное средство социализации для молодежи, но при положительном влиянии семьи: *«время поменялось, законы поменялись, возможности поменялись, поэтому каждый пытается проявиться, как он может, и этому сопутствуют социальные сети»*. (м., 65 лет). Опасения связаны с тем, что люди глубоко начинают погружаться в виртуальный мир, который для них становится более ценным, чем реальный: *«многие живут в современном мире и пытаются уйти из реальности и решить проблемы путем нахождения в виртуальном мире, может быть, идеальным, но, в то же время, нереальном»* (ж. 67 лет).

Восемь информантов сказали, что они используют имеющие игры в теле-

фоне, но, понимают, что на это можно потратить много своего времени, и вряд ли это правильный способ организации досуга. А виртуальные игры их внуков, правнуков они считают очень агрессивными: *«я себе дала просто клятву, что я не буду играть, потому что очень много времени уходит, и я вместо дел могу сесть – один раз сыграю в мирные игры: пасьянс раскладываю карточный, а многие дети и взрослые очень вовлечены в это, даже можно параллельно провести также как в казино: болезнь, вот люди играют, проигрывают, и здесь также, дети вместо того, чтобы погулять, чем-то еще заняться, они нос свой при любой возможности суют все в эти игры. И игры мне очень многие не нравятся, бесконечные стрелялки, страшные все там такие, я в этих играх ничего не понимаю, мне кажется, поэтому реальность иногда люди теряют, ну ничего особенного, подумаешь, там догнал, убил, еще что-то, а это на жизнь может перейти»*. (ж., 63 года).

Подчеркивается двойственный характер влияния технологий на жизнь людей, с одной стороны это удобно и практично, с другой пропадают старые навыки, люди оказываются зависимыми от технологий: *«благодаря развитию технологий, люди, физически далеко находящиеся друг от друга, имеют возможность общаться словно рядом, переписываться онлайн, в целом повседневная жизнь стала проще, но это балует и развращает людей, так я знал одного водителя, который не мог припарковать старую иномарку, поскольку в его новой машине есть инфракрасный датчик парковки, намертво привык к нему...»* (м., 69 лет).

Самое главное, что старшее поколение не чувствует себя более счастливыми в обществе, где включение в цифровую среду открывает новые возможности для организации коммуникации и досуга, упрощает получение необходимых социальных услуг, создает возможности для непрерывного образования и решения вопросов занятости. Респонденты старше 70 лет считают, что технологии не упрощают, а усложняют жизнь людей, усиливают их одиночество и отчужде-

ние, что их поколение, не смотря на многие пережитые трудности, было более счастливое. Из интервью: *«я не скажу, что сейчас жить плохо, но раньше как-то проще было жить, да было тяжело жить, в плане работы, наши родители отпусков то не видели, работали с рассвета до заката, совершенно ненормированный график, а сейчас общения не стало, соседи между собой вообще не контактируют»* (ж., 85 лет.). Для старшего поколения их опыт, реальность ценнее виртуального мира: *«наше поколение было счастливее, у нас не было Интерната, но была настоящая жизнь и опыт был реальный, нельзя заменить реальное на виртуальное»* (м., 70 лет).

Заключение

В результате проведенного пилотажного качественного исследования, а также анализа статистических данных, материалов количественных эмпирических исследований, можно выделить следующие особенности вовлечения пожилых людей в цифровую среду и изменение их качества жизни с точки зрения субъективного восприятия.

Пожилые люди испытывают амбивалентные переживания при взаимодействии с цифровой техникой, не уверены в собственных силах при освоении цифровых технологий. Только одна информатика рассказала про свою неудачную попытку обучения на компьютерных курсах по программе «Активное долголетие», остальные опрошенные не владеют информацией по этому вопросу. В качестве помощников при обучении выбирают внуков и детей, у которых не всегда на это хватает времени и терпения, иногда сами делятся с друзьями полученной информацией. Такая помощь не способствует самостоятельному обучению, формирует установку на внешнюю поддержку, переходящую в зависимость. «Цифровым мигрантам», согласно теории М. Пренски, сложнее адаптироваться в цифровой среде, поэтому лучшими для них проводниками действительно могут стать представители поколения «цифровых аборигенов», но с сохранением возрастного авторитета.

Ситуация пандемии COVID-19 актуализировала необходимость использования цифровых технологий в повседневной жизни. С точки зрения технического фактора, у большего количества представителей «третьего возраста» появились технические устройства и была обеспечена возможность выхода в Интернет, закрепились практики онлайн общения, совершения онлайн платежей. Ведущими причинами вовлечения в цифровой мир стало стремление к общению с родственниками, друзьями и получение информации, остались не оцененными широкие возможности для самообразования. Только в одном интервью, говорилось об эффективном изучении любых языков при современных технических возможностях. Это позволяет нам выделить еще один фактор влияния, кроме условий социализации поколений, – сферу профессиональной занятости, так среди учителей, преподавателей, врачей и других специалистов, ориентированных на непрерывной процесс обучения, мотивация и навыки к самообразованию выше, даже при прекращении трудовой деятельности. Оказывает влияние и фактор здоровья, не только реально возникающие возрастные проблемы, но и многие стереотипные представления о вредности технических устройств, выступающие источником формирования переубеждений и негативных установок.

Итак, для того, чтобы пожилые люди в современном российском обществе чувствовали себя естественно в цифровой среде, проявляли социальную активность и были способными к объективной оценке получаемой информации, необходимы не только усилия по развитию цифровых технологий, но и активное цифровое просвещение, повышение уровня их цифровой грамотности, а также изменение отношения к использованию цифровых технологий в повседневной жизни.

Литература

1. Беляцкая Т.Н., Князькова В.С. Цифровой разрыв в современном информационном обществе // Экономиче-

- ская наука сегодня. – 2019. – № 10. – С. 209–217.
2. Бондаренко И.Н. Пожилые люди в новой России: по пути перемен (Обзор событий 1990–2020 гг.) // Монография в 2-х томах. – Москва, ООО Издательство «Социальное обслуживание», 2021.
 3. Вовлеченность пожилых людей в процессы современных цифровых трансформаций / Г.А. Барышева, Е.И. Клемашева, О.П. Недоспасова [и др.] // Успехи геронтологии. – 2022. – Т. 35. – № 1. – С. 68–75.
 4. Груздева М.А. Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 4. – С. 228–241.
 5. Даринская Л.А. Москвичева Н.Л. Потенциал межпоколенного взаимодействия при вовлечении пожилых людей в цифровое пространство // Петербургский психологический журнал. – 2017. – № 20. – С. 43–65.
 6. Даринская Л.А., Молодцова Г.И., Москвичева Н.Л. Пожилой человек и цифровое пространство: точки соприкосновения // Человек и образование. – 2016. – № 3(48). – С. 151–157.
 7. «Источники информации. Интернет» 17.02.2022 на сайте ФОМ URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14689> (дата обращения: 12.09.2022).
 8. «Жизнь онлайн: потребление, пользование, развлечения» 16.12.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10668> (дата обращения: 12.09.2022).
 9. Жизнь старшего поколения в современном обществе: социокультурные и экономико-демографические аспекты, Москва, 15 марта 2022 года / Под общ. ред. С.А. Баркова, А.В. Маркеевой. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2022. – 185 с.
 10. «Медиапотребление россиян: мониторинг» 03.03.2021 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (дата обращения: 12.09.2022).
 11. Нестик Т.А., Задорин И.В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 5. – С. 4–28.
 12. «Оценка уровня развития информационных технологий» 07.04.2021 на сайте ФОМ. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14561> (дата обращения: 12.09.2022).
 13. Романычев И.С. Пожилой человек и цифровизация: к разрушению стереотипов // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 87–6. – С. 153–157.
 14. Смирных Л.И. Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – С. 104–124.
 15. «Цифровая грамотность россиян: исследование 2020». Аналитический центр НАФИ URL: <https://nafi.ru/analyticals/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (дата обращения: 12.09.2022).
 16. Цифровое неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям // Актуальные проблемы цифровизации социальных услуг: Коллективная монография / Под редакцией О.И. Бородкиной, А.В. Старшиновой. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2021. – С. 20–65.
 17. «Цифровой детокс: зачем, как и почему?» 04.02.2020 на сайте ВЦИОМ. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10149> (дата обращения: 12.09.2022).
 18. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года (Статистический бюллетень). Федеральная служба государственной статистики. М., 2022.
 19. Bradley N., & Poppen W. Assistive technology, computers and Internet may decrease sense of isolation for homebound elderly and disabled persons //

- Technology and Disability. – 2003. – № 15(1). – P. 19–25.
20. Howe N., Strauss W. *Millennials Rising: The Next Great Generation*. NY: Vintage Books, 2000.
 21. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon*. – 2001. – № 9(5–6). – P. 1–6.
 2. Bondarenko I.N. Elderly people in the new Russia: on the path of change (Review of the events of 1990–2020) // Monograph in 2 volumes. – Moscow, Publishing House “Social Service”, 2021.
 3. Involvement of elderly people in the processes of modern digital transformations / G.A. Barysheva, E.I. Klemasheva, O.P. Nedospasova [et al.] // *Successes of Gerontology*. – 2022. – Vol. 35. – No. 1. – pp. 68–75.
 4. Gruzdeva M.A. The age factor of the digital divide: the edges of inequality // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. – 2022. – Vol. 15. – No. 4. – pp. 228–241.
 5. Darinskaya L.A. Moskvicheva N.L. The potential of intergenerational interaction in involving older people in the digital space // *St. Petersburg Psychological Journal*. – 2017. – No. 20. – pp. 43–65.
 6. Darinskaya L.A., Molodtsova G.I., Moskvicheva N.L. The elderly and the digital space: points of contact // *Man and education*. – 2016. – № 3(48). – Pp. 151–157.
 7. “Sources of information. Internet” 17.02.2022 on the FOM website URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14689> (accessed: 12.09.2022).
 8. “Online life: consumption, use, entertainment” on 16.12.2020 on the VTsIOM website. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10668> (accessed: 12.09.2022).
 9. The life of the older generation in modern society: socio-cultural and economic-demographic aspects, Moscow, March 15, 2022 / Under the general editorship of S.A. Barkov, A.V. Markeeva. – Moscow: MAX Press LLC, 2022. – 185 p.
 10. “Media consumption of Russians: monitoring” 03.03.2021 on the VTsIOM website. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenierossijan-monitoring> (accessed: 12.09.2022).
 11. Nestik T.A., Zadorin I.V. Attitude of Russians to global risks: socio-demographic and psychological factors of threat perception // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. – 2020. – No. 5. – pp. 4–28.
 12. “Assessment of the level of development of information technologies” 07.04.2021 on the FOM website. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14561> (accessed: 12.09.2022).
 13. Romanychev I.S. The elderly and digitalization: towards the destruction of stereotypes // *Trends in the development of sci-*

DIGITALIZATION AND QUALITY OF LIFE OF THE ELDERLY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Zubova O.G.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article examines the impact of digitalization on the quality of life of older people in modern Russian society from the point of view of subjective and objective approaches. Based on the analysis of domestic research data and the results of a pilot study conducted by the interview method, the main barriers to the involvement of older people in the digital space that contribute to the formation of digital inequality are identified.

The resulting “digital divide” was considered at three levels: material (access to the Internet and ICT), educational (digital competencies and digital literacy of people of the “third age”), socio-psychological (features of the generation of “digital migrants”, their attitude to the use of digital technologies in everyday life). The role of the COVID-19 pandemic as a catalyst for digitalization for the older generation is noted, which helped to reduce the digital gap among this population group at the material and educational levels. But the attitude towards the use of digital technologies remains ambivalent, older people do not feel natural in the digital environment, are not capable of an objective assessment of the information they receive, in certain aspects their life is not simplified, but complicated, the use of digital technology does not affect their sense of happiness in any way.

Keywords: digital technologies, the quality of life of the elderly, digital opportunities for quality of life growth, digital inequality, barriers to digitalization, digital literacy.

References

1. Byalyatskaya T.N., Knyazkova V.S. Digital gap in modern information society // *Economic science today*. – 2019. – No. 10. – pp. 209–217.

- ence and education. – 2022. – No. 87–6. – pp. 153–157.
14. Smirnykh L.I. Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: the experience of European countries // Economic issues. – 2020. – No. 12. – pp. 104–124.
 15. “Digital literacy of Russians: research 2020”. NAFI Analytical Center URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/> (accessed 12.09.2022).
 16. Digital inequality in access to information and communication technologies // Actual problems of digitalization of social services: A collective monograph / Edited by O.I. Borodkina, A.V. Starshinova. – St. Petersburg: Scythia-Print LLC, 2021. – pp. 20–65.
 17. “Digital detox: why, how and why?” 04.02.2020 on the VTsIOM website. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10149> (accessed: 12.09.2022).
 18. Population of the Russian Federation by gender and age as of January 1, 2022 (Statistical Bulletin). Federal State Statistics Service. M., 2022.
 19. Bradley N., & Poppen W. Assistive technology, computers and Internet may decrease sense of isolation for homebound elderly and disabled persons // Technology and Disability. – 2003. – № 15(1). – P. 19–25.
 20. Howe N., Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. NY: Vintage Books, 2000
 21. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. – 2001. – № 9(5–6). – P. 1–6.

Взятка как социальное действие (на основе системной теории Т. Парсонса)

Туркова Валентина Николаевна,

старший преподаватель кафедры юриспруденции,
Института экономики, управления и права,
Иркутского национального исследовательского
технического университета
E-mail: v_turkova87@mail.ru

В статье анализируются возможности использования теории Токота Парсонса к такому явлению общественной жизни как взятка. В работе взятка рассматривается как социальное действие, предполагающее выполнение социальных ролей акторами, соблюдения морально-этического взаимодействия, ценностного и мировоззренческого контекста социальной коммуникации. Также приводятся результаты массового опроса об отношении россиян к взяткам.

Ключевые слова: взятка, социальное действие, системная теория, Парсонс, социальное моделирование, социальное явление.

Взятка как социальное явление существует достаточно давно. Это форма даров, которая существенно трансформировалась в современном мире [13]. При этом большое количество служб контроля, общественных дружинников и иных социальных институтов пытается контролировать взяточничество как социальное явление. Но пока данные процессы приносят мало результата, так как форма социального контроля достаточно многолико выстраивает необходимость подчинения старому, готовому и активному.

Взятка – это форма решения любых вопросов, которые либо сложно, либо невозможно решить официальным путем. Взятки могут быть разнообразны – это неофициальных платежей до подарков и подношений, от финансирования партий до включения в социальные и коммерческие проекты и т.д. Взятки в России имеют глобальный характер.

Традиционно, взятки рассматривают как экономический или юридический аспект дисфункции развития государства. Мы полагаем, что взятки имеют более глубокую социальную природу, нежели чем просто несовершенство законов или несостоятельность экономики в каких-то вопросах. Более того, исторический опыт как России, так и других стран показывает, что принимаемые экономические санкции и правовые наказания за взятки не искореняются в обществе, если не изменяются социальные рычаги работы с данным явлением.

Взятки могут быть обусловлены формальными и неформальными, социальными и информационными факторами.

Информационные факторы заключаются в непрозрачности государственного механизма, в информационной асимметрии, отсутствии реальной свободы слова и печати, наличии оффшорных зон, отсутствии исследований проблемы коррупции. Информационные факторы опираются на систему официально-

го и неофициального информирования о действиях взяточников и взяткодатель.

Группа социальных факторов включает клановые структуры, традиции непотизма, эксплуатацию «дружеских связей», блат, традицию «дарения» подарков-взятки, низкий уровень грамотности и образования [10].

К культурно-историческим факторам, воспроизводящим коррупцию, относятся сложившаяся система норм бюрократического поведения; массовая культура, формирующая снисходительное отношение к коррупции; особенности исторического развития; придание малого значения нравственным понятиям честности и чести [6].

Теоретические рамки и методологические фокусы исследования

Рассматривая причины и условия развития взяток мы не можем не сказать о взяточничестве как эффекте общественного сознания, эффекте социального развития общества в особых условиях (Р.Г. Ардашев [1–8], И.М. Силивев [14]), о стратегиях противодействия коррупции (Р.В. Иванов [9], О.А. Полюшкевич, И.А. Журавлева, Г.В. Дружинин [12]), об отношении россиян к коррупции (А.А. Максименко, О.С. Дейнека, Д.В. Крылова, Л.Н. Духанина [10]), о готовности нарушать закон и экономических притязаниях (В.А. Скуденков [15–18]).

Становится не только теоретически востребовано, но и практически необходимо социально-управленческое понимание взятки как социального явления. Это поможет разработать комплексную систему противодействия взяточничеству основанную на превентивных, а не репрессивных мерах.

Если смотреть на взятку через призму социальных отношений, то это процесс конкуренции за получение ресурса, когда легитимные формы получения желаемого не работают и рычагом удовлетворения интересов выступают нелегитимные формы в виде взятки (В. Волков, Э. Панеях). Также взятки можно рассма-

тривать в рамках институционального подхода, где последние выступают частью социальных институтов, но способствуют формированию, развитию и укреплению неформальных правил или развивают деформализационные процессы в обществе (В. Радаев, М. Павенкова).

Мы полагаем, что взятки можно рассматривать социальное действие. И в этом случае стоит рассматривать родоначальника данной теории Т. Парсонса. Он рассматривал различные формы и аспекты социального действия и взаимодействия в современных обществах, где нормы и требования могут быть размыты, ценности и мотивы неочевидны, где личность, как и все общество достаточно противоречива и многовекторна в проявлении мотив своих действий. Стоит отдельно указать, что в теории Т. Парсонса, социальные действия направлены на самоорганизацию и самовосстановление социальной системы.

Методологическим следствием этого станет то, что мы не будем говорить, как взятка классически рассматривается с позиции социологии управления: «проблема взяточничества», «управление коррупцией», «борьба с коррупцией». Основным фокусом нашего исследования станет «социальное действие», «мотив», «социальная роль», «отклонение» и т.д. Безусловно, они не определяют весь набор предлагаемый Парсонсом для рассмотрения социальных действий, но они выстраивают нашу собственную стратегию изучения взятки как социального действия и позволяет охарактеризовать различные управленческие решения для противодействия взяточничеству.

«Идеальная модель» на основе ценностей, норм и ролевых предписаний в теории Парсонса

Опираясь на идеи Т. Парсонса, взятку мы рассматриваем как социальное действие, т.е. «целенаправленное, нормативно регулируемое и мотивированное» поведение в конкретной ситуации [11; с. 76], которое по особым формам объединяет социально-исторические условия, социокультурные предпосылки и по-

литические особенности, отразившиеся на уровне общества и отдельной личности в особый социальный контекст, выстраивающий жизненный сценарий человека и целых социальных групп. При этом, чтобы общество функционировало, необходимо чтобы различные акторы участвовали в поддержании социальной системы, были замотивированы и выполняли предписанные своим социальным статусом роли.

Иными словами, у каждого актора своя, своя предписанная модель поведения, основанная на его социальном статусе и ролевой поведенческой модели, которая строится на ценностях и смыслах характерных для общества и индивида. Взятка может рассматриваться не только как деструктивный формат социальной коммуникации, но как способ связи между акторами, между акторами и социальной системой, как условие и форма решения необходимых вопросов и задач. Ценностно-нормативные стандарты формируются как отклик на результаты взаимодействия в социальной системе. Одни могут одобряться и приниматься, другие осуждаться, а третьи – осуждаться, но приниматься, так как выступают способом приемлемой коммуникации, решающей нужные вопросы.

Если большая часть сообщества опирается на третий вариант – то такая социальная система близка к разрушению. Либо данный вариант становится нормой, взятка может стать инструментом регулирования отношений между акторами и институтами. Первый уровень реализации этой установки можно обнаружить через установки и представления населения. Например, в отношении ассоциаций к взяткам, что сотрудники уголовно-исполнительной системы, полицейские и педагоги берут взятки¹ и т.д. На обыденном уровне это не воспринимается как нарушение нормы, является самой нормой, что косвенно указывает на то, что новый формат соци-

ального действия уже начинает активно работать.

Через общественное мнение отражаются установки, что человек в определенной социальной роли определенным образом предполагает ее исполнение. Это может быть «выполнение должностных инструкций», «работа с населением», «работа с бизнесом», «работа с детьми», но равно вероятно «получение взятки» или «давание взятки» данному лицу. Т.е. социально предписанная роль – где заведомо отведено место взятке. В любой социальной роли есть ожидаемое (читай правильное) понимание поведения. Впрочем, это справедливо для всех сфер отношений, не только правовых экономических, но и культурных, религиозных и проч.

Институциональные роли тех, кто получает взятки и может решить вопросы в ту или иную пользу также определяют социальные действия, направленные на создание условий получения взятки (иначе не будет работать система). На сегодняшний день, в нашем обществе реализуется определенный тип модальной личности, способной брать и давать взятки и судящий о других с таких же позиций. Практически половина россиян лояльно относится к взяткам, 21% не осуждают тех, кто берет и кто дает взятки, 37% критично относятся к взяткам². Взятка становится «обязательным» элементом конкретных социально-ролевых стандартов.

Поэтому, можно говорить о девальвации нормативных ценностей, соблюдения рамок и форм должного поведения без отклонения поведения. Результатом этого становится противоречивость ролевых ожиданий и действий, а также сложности в описании эгоистического интереса человека.

Почему такое возможно? Потому что для одних, взятка – это нарушение норм и правил, а для других необходимость, способная активировать решения во-

¹ Стало известно, кто чаще всего берёт взятки в России [электронный ресурс] URL: Стало известно, кто чаще всего берёт взятки в России – Секрет фирмы (secretmag.ru)

² Около половины россиян лояльно относятся к даче взяток – Коммерсантъ Нижний Новгород (kommersant.ru) [электронный ресурс] URL: Около половины нижегородцев лояльно относятся к даче взяток – Коммерсантъ Нижний Новгород (kommersant.ru)

просов, развивать эффективные коммуникации, выстраивать новую иерархию и проч. Для третьих – это форма оптимизации затрат времени и усилий для решения насущных задач. Изменение норм и ценностей, произошедшее на фоне экономических и политических перемен

В результате нашего исследования, проведенного в 2022 году (n=1200), среди жителей России (опрос проводился через онлайн платформу опросов www.google.ru, из них 56% женщины и 44% мужчины в возрасте от 18 до 75 лет, занимающие разные социально-экономические ниши и статусы, мы выяснили, что 76% россиян предпочитают нормы обычного права, а не декларативного, «буква закона» важна в профессиональной деятельности, а при решении обычных задач важна скорость и простота решения актуальных вопросов. Частные интересы доминируют над общественными.

При этом, практически половина (47%) россиян когда-либо давали взятку и треть (32%) указала, что брала взятку когда-либо в жизни. В целом, как к явлению взяточничества они относятся негативно (63%), но признают, что это порой самый оптимальный способ решения вопроса (48%). Тех, кто осуждает – 41%, тех кто не видит ничего плохого – 39%.

Люди среднего возраста в два раза чаще давали взятку, чем люди старшего возраста и в три раза чаще, чем младшего возраста. У кого доходы выше среднего в два раза чаще чем те, у кого средний или низкий доход давали или брали взятки. У людей с высшим образованием также в два раза чаще отмечается более терпимое отношение к взяткам, чем тем, у кого среднее или средне-специальное образование.

На провокационный вопрос, взяли бы они взятку прямо сейчас – 86% ответили положительно. Иными словами, взятка как социальное действие становится не просто одобряемым, но и ожидаемым стандартом поведения. Подкрепляется нормами и ценностями и социальной динамикой общественного развития, подтверждающей «правильность» выбора такой стратегии поведения.

Полагаем, что стремление подтвердить существующие в обществе потребности маркеры благополучия, осуществляются на повседневном уровне в виде взяток (справедливо как для тех, кто дает и кто берет взятки). Парсонс, в связи с этим указывал на такое явление как «эгоистический интерес», то, что заставляет действовать акторов в угоду личных интересов, а не общественных благ, использования взятки для личных предпочтений. Эгоистический интерес помогает сохранить себя как личность, как независимого человека, способного обеспечить себя и удовлетворить свои потребности различными доступными способами. Также он его называет «удовлетворение», которое связано с самоудовлетворением, выполнением профессиональной и социальной ролей, а также «свое» место в шкале социальной стратификации.

По мнению опрошенных россиян, то, что ты берешь взятку дает право говорить о том, что растет твой неформальный социальный капитал (если к тебе обращаются за помощью в решении актуальных задач не по официальной линии, а через взятку) – 34%. Также это косвенный показатель уважения (уважения со стороны референтной группы) – 21%. При этом, удовлетворение выступает косвенным показателем ближайшего достижения цели и эмоциональным удовлетворением своих личных (эгоистических) потребностей, а также фиксирует отношение других к тебе и ебя к другим на когнитивном и эмоциональном уровне.

Если допустить верность таких рассуждений, то становится понятно, что репрессивные меры, разрабатываемые представителями различных институтов против взяточничества, не имеют успеха (они противоречат эгоистическим ценностям, доминирующим в обществе). Для проработки продуманной политики реального противодействия взяточничества – стоит отойти от репрессивного подхода в сторону понимания мотивов и установок граждан, т.е. превентивного и реабилитирующего характера.

Итак, в обществе существуют не только нормативные социальные

роли, предполагающие определенные условия и рамки социального поведения, но и различные формы отклоняющегося (девиантного) поведения. Эти отклонения по мнению Парсонса в целом естественны и существуют в любой системе. Важным вопросом выступает то, чтобы это отклонение не стало нормой – в этом случае социальная среда начинает себя разрушать. Конкретное действие, связанное со взяткой, может рассматриваться как способ пересмотра модальных характеристик, предполагающих знание социально одобряемых форм, норм и стандартов поведения, во-вторых – ориентир на альтернативные индивидуальные и групповые ценности и стандарты социальных коммуникаций.

Взятка россиянами чаще рассматривается в компульсивном контексте (вынужденная форма коммуникации, молчаливое согласие с тем, что такая практика есть) – 65%, частная инициатива (дать взятку) или личное желание (взять взятку) также определяет формат и характер действия – 35%. Иными словами, в современном обществе недостаточно будет не давать и не брать взятку. Важно понимать, что взятка – это отклоняющееся девиантное поведение, которое разрушает и личность, и общество.

Механизмами превентивного характера, помогающими уменьшить уровень взяток, выступает социализация и социальный контроль. И каждый может быть механизмом социального моделирования общественного развития или в рамках социологии управления – моделирования развития социальных систем через управленческие стратегии. В процессе ресоциализации любая организация, сообщество предъявляет требования к актору и социальному институту для соответствия ожиданий и норм в конструировании социального образа.

Вопросы социального контроля активизируются при осознании собственных мотивов и выполнению ролевых ожиданий. По Парсонсу, элементами социального контроля выступают процессы социальной солидарности и социальной идентичности сообществ, через кото-

рые можно задавать формат и вектор социальных коммуникаций. Социальный контроль выступает одной из эффективных форм противодействия взяткам. Наши респонденты указывали, что СМИ выступает первым врагом взяточников, тем, кто информацию о взятке может раздуть до невероятных объемов.

Безусловно, не стоит забывать о легитимных правилах решения вопросов, о возможном публичном просвещении населения в вопросах взяточничества, в уверенности в себе и в завтрашнем дне и готовности сделать свой вклад в развитие общества.

Выводы

Использование теории Парсонса, позволило выявить факторы социального порядка, способные проанализировать развитие взяток на уровне социальных институтов. Без инструментов социологии управления и социального моделирования, в развитии социальных институтов, противостоящих взяточничеству, начнут доминировать попустительские или репрессивные меры, что маловероятно приведет к положительным результатам и уменьшению уровня взяток.

Социально-управленческий анализ дает более емкое понимание взятки как социального явления, а не только как юридического или экономического. Понимание взятки как компульсивного акта, как девиантного акта как значимой роли современника, человека, решающего вопросы и проблемы, а не ждущего этого от государства в целом или отдельных социальных институтов в частности.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 44–49.
2. Ардашев Р.Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые

- социальные конфликты в XXI веке. Сборник материалов XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020». Москва, 2020. С. 13–15.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 112–115.
 4. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
 5. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
 6. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
 7. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 58–64.
 8. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
 9. Иванов Р.В. Противодействие коррупции: стратегии и модели на муниципальном уровне // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 106–110.
 10. Максименко А. А., Дейнека О.С., Крылова Д.В., Духанина Л.Н. Отношение россиян к коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2021. 13(4), С. 407–428.
 11. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
 12. Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В. Этические основы противодействия коррупции. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2019. 192 с.
 13. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение: подарки в современном мире // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 119–126.
 14. Силивеев И.М. Оценка влияния роли масс-медиа в формировании представлений о коррупции и антикоррупционной культуре среди различных поколений // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 114–119.
 15. Скуденков В.А. Влияние экономического кризиса на готовность населения нарушать закон // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 104–108.
 16. Скуденков В.А. Динамика экономических притязаний в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 90–97.
 17. Скуденков В.А. Мифы о социальном и экономическом капитале в процессах формирования гражданского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 94–100.
 18. Скуденков В.А. Трансформация жизненных целей молодежи под влиянием экономических санкций против России // Социология. 2020. № 1. С. 341–344.

BRIBE AS A SOCIAL ACTION (BASED ON THE SYSTEM THEORY OF T. PARSONS)

Turkova V.N.

Irkutsk National Research Technical University

The article analyzes the possibilities of using the theory of Tokot Parsons to such a phenomenon of public life as a bribe. In the work, a bribe is considered as a social action that involves the fulfillment of social roles by actors, the observance of moral and ethical interaction, the value and worldview context of social communication. The results of a mass survey on the attitude of Russians to bribes are also given.

Keywords: bribe, social action, systems theory, Parsons, social modeling, social phenomenon.

References

1. Ardashev R.G. Irrational ideas of youth about anti-corruption culture in Russia // *Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society*. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 44–49.
2. Ardashev R.G. The conflict of the irrationality of the consciousness of modern man // *Traditional and new social conflicts in the XXI century*. Collection of materials XIV International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2020". Moscow, 2020. S. 13–15.
3. Ardashev R.G. The irrationality of public consciousness: an analysis of everyday practices // *In search of social truth*. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. S. 112–115.
4. Ardashev R.G. The irrationality of public opinion: fears of interaction with representatives of authorities // *Mission of confessions*. 2020. V. 9. No. 3 (44). pp. 340–344.
5. Ardashev R.G. Irrational space of legal ideas of Russians // *Mission of confessions*. 2020. V. 9. No. 2 (43). pp. 255–258.
6. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // *Humanitarian vector*. 2020. V. 15. No. 2. S. 76–84.
7. Ardashev R.G. The irrationality of the legal consciousness of Russians // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. S. 58–64.
8. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // *Sociology*. 2021. No. 3. S. 53–61.
9. Ivanov R.V. *Anti-Corruption: Strategies and Models at the Municipal Level // Anti-Corruption Culture and Youth in Russia and China: Modern State, Business, Society*. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 106–110.
10. Maksimenko A. A., Deineka O.S., Krylova D.V., Dukhanina L.N. Attitude of Russians towards corruption // *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2021. 13(4), pp. 407–428.
11. Parsons T. *On social systems*. M.: Academic project, 2002.
12. Polyushkevich O.A., Zhuravleva I.A., Druzhinin G.V. *Ethical foundations for combating corruption*. Tutorial. Irkutsk, IGU, 2019. 192 p.
13. Polyushkevich O.A. *Prosocial Behavior: Gifts in the Modern World // The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man*. 2021. No. 12. P. 119–126.
14. Siliveev I.M. Assessing the influence of the role of mass media in shaping ideas about corruption and anti-corruption culture among different generations // *Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society*. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 114–119.
15. Skudencov V.A. The impact of the economic crisis on the willingness of the population to break the law // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice*. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. S. 104–108.
16. Skudencov V.A. *Dynamics of economic claims in a pandemic // Health Philosophy: an integral approach*. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. S. 90–97.
17. Skudencov V.A. *Myths about social and economic capital in the processes of formation of civil society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. 2017. S. 94–100.
18. Skudencov V.A. Transformation of life goals of youth under the influence of economic sanctions against Russia // *Sociology*. 2020. No. 1. S. 341–344.

Репродуктивные установки в современном российском обществе

Устинова Оксана Вячеславовна,

доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры Маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: ustinovalov@tyuiu.ru

Статья посвящена установкам населения на рождение детей в современном российском обществе. В работе обосновывается актуальность, связанная с негативными демографическими процессами, эффекты от которых будут носить долгосрочный характер. Рассматриваются проекты, в рамках которых осуществляется изучение репродуктивных установок населения, приводится методологическая база и текущие направления исследований по рассматриваемой проблематике. Эмпирическая часть статьи, базируется на вторичном анализе данных, для реализации которого была использована база данных ВЦИОМ с результатами опроса, посвящённого установкам россиян на деторождение. В ходе рассмотрения материала базы данных приведены такие аспекты, как: цели и значимость рождения детей для населения, отношение к деторождению женщины как материнскому долгу, отношение к бездетным супружеским парам, желаемое количество детей, которое респонденты считают оптимальным в идеальных условиях. В заключительной части работы рассматриваются меры, потенциально способные оказать положительное воздействие на рождаемость как первенцев, так и детей высокой очередности.

Ключевые слова: Семья, дети, репродуктивные установки, социологическое исследование, вторичный анализ данных, семейная политика, меры по стимулированию рождаемости.

Негативные демографические тенденции, с которыми наша страна столкнулась за последние три десятилетия, стимулировали поиск путей их преодоления. Несмотря на усилия государства по преодолению убыли населения, ситуация остаётся сложной. После незначительного периода естественного прироста в 2013–2015 гг., убыль населения страны продолжилась и достигла в 2021 году беспрецедентного значения 1,04 млн человек [11]. Очевидно, что значительный вклад в демографические процессы за последние три года внесла пандемия COVID-19, однако и в допандемийный период процесс депопуляции населения также проявлялся довольно отчётливо.

Не вдаваясь в детали негативных последствий, связанных со снижением численности населения России, можно предположить, что их эффекты будут носить долгосрочный характер. Ситуация усугубляется сокращением численности россиян, находящихся в репродуктивном возрасте. Это касается, в первую очередь женщин. Как отмечает С.Ю. Сивоплясова, даже с учётом увеличения среднего возраста матерей при рождении первого ребёнка, численность женщин в возрастном диапазоне 20–34 года за период 2011 по 2021 год сократилась на 3,8 млн человек и составила 13,7 млн человек [10]. Подобная динамика существенно затрудняет переход к естественному приросту и обостряет проблему увеличения численности многодетных семей и рождения детей высокой очередности. В то же время, сегодня в России на федеральном уровне отсутствует чёткое определение многодетной семьи. На момент подготовки настоящей работы соответствующий законопроект только поступил на рассмотрение в Государственную Думу РФ [4].

В существующей ситуации актуализируется проблема выявления репродуктивных установок россиян, и суще-

ственная роль здесь отводится социологическому инструментарию. Одним из первых проблематику численности детей в семье поднял институт Гэллпа, опубликовавший результаты опроса 1930-х гг. в США [14]. В современной России крупнейший проект по выявлению репродуктивных планов населения – это обследование, реализуемое Федеральной службой государственной статистики на территории всей страны один раз в пять лет в соответствии с постановлением Правительства РФ. Последняя волна обследования проходила с 6 по 23 июня 2022 года. В результате было охвачено 15 тысяч домохозяйств, а респондентами выступили женщины в возрасте 18–44 и мужчины в возрасте 18–60 лет. Анкета, по которой осуществляются личные интервью, включала в себя, ряд тематических блоков, направленных на выявление жизненных целей и ценностей респондентов, условий их жизни, отношения к браку и мотивы рождения детей [12]. Менее масштабные, но регулярные исследования реализуются также крупнейшими отечественными социологическими центрами: ВЦИОМ [8], «Левада центр» [5], ФОМ [6] и др.

Методологическая основа исследований многодетности заложена трудами зарубежных и отечественных исследователей, работающих в более широком контексте – изучении репродуктивных установок. В отечественной науке одними из первых, кто поставил исследования репродуктивных намерений на системную основу, стали В.А. Белова и Е.В. Дарский. Реализовав масштабные исследования на территории СССР, они выявили взаимосвязи ориентаций на деторождения с такими факторами, как национальность, материальная обеспеченность, уровень образования потенциальных родителей [3].

В наши дни исследования репродуктивных установок населения и проблем многодетности не прекращаются. Объектом исследований чаще всего становятся лица репродуктивного возраста и представители молодёжи, как потенциальные родители. Можно выделить

несколько направлений, по которым публикуются актуальные научные сведения. На обратную взаимосвязь между желаемым количеством детей и уровнем образования россиян указывают данные В.Н. Архангельского с коллегами [1]. В исследовании Е.В. Чуриловой и С.В. Захарова отмечается обратная взаимосвязь между материальным благополучием и желаемым числом детей [13]. Изучение влияния мер государственной поддержки на репродуктивные установки россиян рассматриваются Л.А. Поповой и М.А. Шишкиной [7]. Отдельно необходимо отметить исследование идеологии чайлдфри, подразумевающий сознательный отказ от детей в пользу гедонистических ценностей. Этому вопросу, в частности, посвящены исследования Д.В. Белинской, которая охарактеризовала типичный социальный портрет приверженцев таких взглядов: молодая женщина, проживающая в крупном городе, имеющая доход выше среднего [2].

Источником эмпирического материала для подготовки настоящей работы стал вторичный анализ данных, реализованных ведущими исследовательскими центрами страны. Использование данного метода объясняется основной целью нашего исследования – провести анализ отношения российского общества к многодетности. Учитывая, что исследования по рассматриваемой тематике реализовывались по репрезентативным общероссийским выборкам ведущими социологическими центрами страны, а базы данных с результатами находятся в открытом доступе, мы решили воспользоваться именно этим источником. Основой данных для анализа выступила база данных исследования «Семья и дети: установки и реалии», проведённое Всероссийским центром изучения общественного мнения в декабре 2021 года.

Для определения самых простых, первичных мотивов появления детей, респондентам был задан открытый вопрос, сформулированный в виде неоконченного предложения: «Пожалуйста, продолжите фразу: дети нужны для... или потому что...». Отвечая на него, респонденты

чаще всего (33%) акцентировали внимание на биолого-генетическом смысле репродуктивной функции, предлагая варианты, синонимичные ряду: «Продолжение рода / потомство / оставить после себя». Второй по популярности смысловой блок (20%), связанный с положительными эмоциями, которые люди испытывают при появлении детей, можно сформулировать как «Счастье / радость / для души». Ответы респондентов, находящиеся на третьем месте (12%) по частоте их озвучивания связаны с будущим: «Будущее / наше будущее / будущее поколение / продолжение жизни». Следующий смысловой ряд, отмеченный 9% респондентов связан со смысложизненными установками: «Смысл жизни / это жизнь / дети это всё / жить ради них». Пятое и шестое места (по 6%) заняли варианты, связанные с пользой для государства («Для страны / будущее страны / развитие и процветание страны / польза обществу») и любовью («Для любви / любить их»). Поддержки в старости ищут в детях 5% респондентов («Помогать/заботиться в старости / поддержка в старости»). Остальные варианты идут в следующем порядке: «Без них нельзя / просто нужны» (4%), «Полная/полноценная семья» (3%); «Помогать родителям / обеспечивать родителей / поддержка/опора для родителей» (3%); «Цветы жизни» (3%); «Для себя» (3%); «Дать воспитание / воспитать хорошего человека» (2%); «Демография / рост населения» (2%); «Другое» (18%); «Затрудняюсь ответить» (13%).

В следующем вопросе анкеты «Что значит для Вас рождение ребенка?» респондентам предлагалось выбрать не более двух вариантов ответов. Безусловным лидером, в предложенном списке стало «Счастье, радость от появления малыша в семье» (68%). С большим отрывом, на втором месте по популярности стал ответ «Гордость, будущее семьи» – 28%. Ещё в два раза реже упоминался вариант, связанный с тревогой за жизнь и здоровье ребёнка – его отмечали 14%. Практически для такого же числа респондентов (13%) появление ребёнка означает дополнительную ответственность. По 8% выбрали варианты,

связанные с появлением нового гражданина страны и обеспечением своего будущего в старости. Незначительное количество опрошенных отметили негативные последствия появления детей «Заботы, пеленки, бессонные ночи» (4%) и «Дополнительное материальное бремя» (2%). Затруднились с ответом и выбрали вариант «Другое» 3 и 7% соответственно.

В очередном вопросе анкеты респондентам было предложено выразить своё согласие, либо несогласие с утверждением о том, что каждая женщина должна стать матерью. В целом по выборке согласились с этим – 79%, не согласились – 18%, а ещё 3% затруднились с ответом. Очень показательным моментом в анализе данного вопроса является распределение ответов в зависимости от возраста респондента. Так, если в возрастной когорте 18–24 лет согласны с утверждением лишь 30%, а не согласны две трети (67%), то в возрасте 25–34 лет ситуация меняется на противоположную: здесь 63% согласны, а 33% не согласны. Чёткая тенденция увеличения доли согласных, что каждая женщина должна стать матерью в зависимости от возраста продолжается и в остальных возрастных группах. Соотношение согласных с утверждением к несогласным в когорте 35–44 года составляет 78% к 16%, в когорте 45–49 лет – 88% к 8%, а среди тех, кто старше 60 лет 95% к 4%. Добавим, что вопрос, схожий по смыслу, но с иной формулировкой задавался ВЦИОМом и в 2020 году, и звучал: «Вы скорее согласны или не согласны со следующим утверждением: жизнь женщины полноценна, если у нее есть дети?». Тогда в целом по выборке согласились с ним 62%, не согласились 35%, а 3% затруднились с ответом.

Аналогичными оказались ответы на другой, похожий вопрос анкеты, касающийся детей у супружеской пары. В целом по выборке 86% согласны с тем, что супруги должны иметь детей, а 12% с этим скорее не согласны. Здесь мы также наблюдаем рост согласия с необходимостью появления у супругов детей с увеличением возраста.

Среди 18–24-летних соотношение составляет 52%:47%, среди 25–34-летних – 78%:19%, среди 35–44-летних – 84%:12%; среди 45–59-летних – 92%:7%. У тех, кто старше 60 лет, соотношение составило 96%:3%. Доля затруднившихся с ответом, в среднем, составила 2%.

Желаемое число детей, которых респонденты хотели бы иметь в идеаль-

ных условиях, без учёта текущих условий жизни имеет некоторые возрастные различия, однако они не так выражены, как в двух предыдущих вопросах. В целом по выборке на желание иметь одного ребёнка указали 6% респондентов, на двух – 32%, трёх – 32%, четырёх и более 19% (рис. 1).

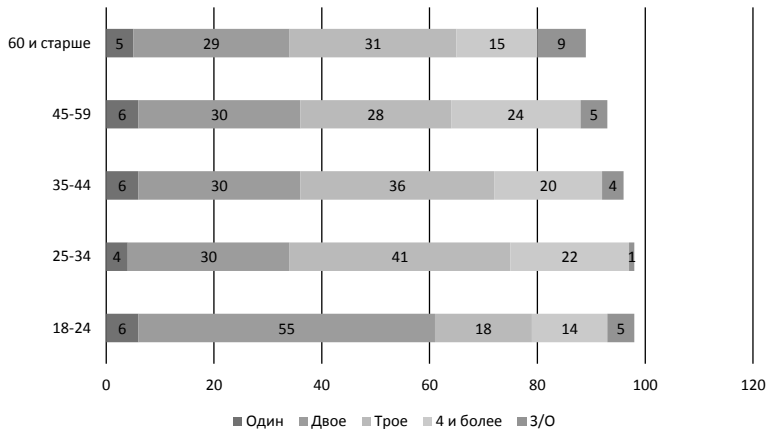

Рис. 1. Распределение ответов респондентов об «идеальном» количестве детей в различных возрастных группах (%)

Из представленной диаграммы видно, что молодые респонденты чаще ориентируются на двоих детей в семье, а в возрастных группах чаще указывают на троих.

Представляют интерес ответы респондентов на открытый вопрос, почему некоторые люди сознательно отказываются от родительства. Четверть опрошенных (26%) связывают отказ с тяжёлым материальным положением, финансовыми сложностями и страхом перед невозможностью обеспечить детей. На втором месте по популярности – эгоистичность: «Эгоисты / хотят жить для себя / любят себя / хотят свободы» (14%). Примерно такое же число респондентов (13%) считают, что люди, отказывающиеся от детей, боятся или не хотят брать на себя ответственность. Десятая часть (10%) считают, что это глупые, бестолковые или психологически нездоровые люди. На возможные проблемы со здоровьем, не позволяющие таким людям иметь детей, указывает 8% опрошенных.

7% считают, что такие люди не готовы морально, испытывают страх или ощущают неуверенность в себе. Считают, что отсутствие детей это личный выбор, на который каждый имеет право – 6%. Столько же (6%) отметили, что это люди, считающие, что без детей жить проще и не хотят себя обременять лишними сложностями. По 5% респондентов считают, что причина бездетности кроется в карьере и самореализаций, а также в отсутствии стабильности и уверенности в завтрашнем дне, связанных с социально-экономической ситуацией в стране. По 3% указывают на тяжёлую жизнь / жизненные ситуации и плохое воспитание. Другой вариант указали 31%, а затруднились с ответом на данный вопрос 16%.

Последний вопрос, который задавался в рамках данного исследования, выявлял мнение о супругах, которые могут, но не хотят иметь детей. Большинство респондентов считают, что в жизни бывают разные ситуации и в каждый отдельный

случай необходимо рассматривать отдельно (58%). Треть (34%) считают, что их не следует осуждать, а 6% – они заслуживают осуждения. Примечательно, что в ответах на тот же вопрос, заданный в 2014 году численность осуждающих и не осуждающих была почти одинакова: 18% и 17% соответственно, а количество

указывающих на разные жизненные обстоятельства примерно такая же – 62%. Распределение ответов данного вопроса в зависимости от возраста указывает на чёткую тенденцию усиления порицания бездетных пар по мере увеличения возраста респондентов (рис. 2).

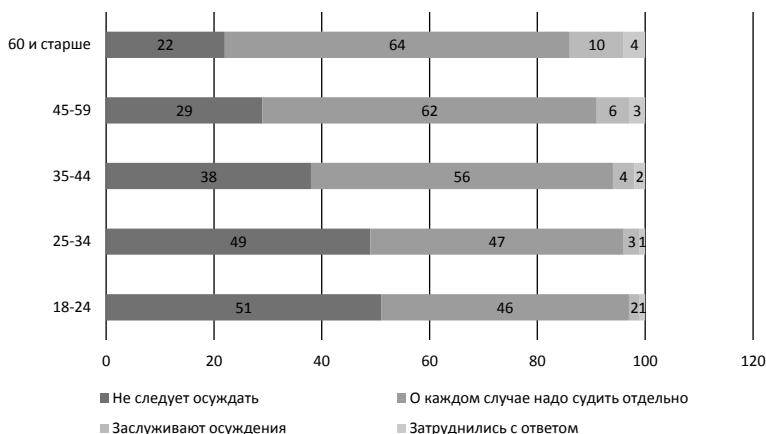

Рис. 2. Отношение респондентов к бездетным парам в различных возрастных группах (%)

В современной информационной повестке России демографическая проблематика занимает одно из ведущих мест, реализуется нацпроект «Демография». В то же время ситуация с рождаемостью остаётся сложной. Снижение абсолютных показателей рождаемости сопровождается сокращением численности женщин активного репродуктивного возраста, а также откладыванием молодыми парами браков и рождения детей.

Прежде всего падает рождаемость первых детей, поскольку молодые пары легче всего откладывают браки и рождение детей. Международные исследования показывают, что это коррелирует с высокой безработицей и низкой занятостью среди молодых. Меры, предпринятые российской федерацией в ответ падение рождаемости, по оценкам экспертов, не принесли ожидаемых результатов.

Сегодня в экспертной среде довольно распространена точка зрения относительно необходимости стимулирования рождения третьего ребенка. Это связано с тем, что во-первых, политика

поддержки первого ребёнка показала свою невысокую эффективность на фоне того, что она является довольно затратным для бюджета мероприятием. Во-вторых, существующая демографическая ситуация такова, что численность женщин в возрастном диапазоне 30–34 лет на 80% выше, чем 25–29-летних. Несмотря на то, что этот возраст является наиболее активным с репродуктивной точки зрения, именно на женщин старше 30 лет приходится 75% третьих и последующих детей. Поддержка именно этой возрастной категории позволит, но только высвободить потенциал рождения детей высокой очередности, но и стимулировать рождаемость первых детей. Иными словами, если поддержка рождаемости первых детей эффективна только на первых детей, то меры поддержки многодетных – работают на все семьи [8].

Понимание данного обстоятельства привело к смещению акцента в государственной демографической политике в сторону поддержки многодетности. Так, ежегодный перечень льгот для

многодетных семей расширяется и совершенствуется, а в августе 2022 года президент РФ своим Указом учредил звание «Мать-героиня» установив для родивших и воспитавших 10 и более детей единовременную выплату в 1 млн рублей. В то же время это не означает, что поддержка рождаемости первых детей осуществляться не должна. Однако, на наш взгляд, финансовые стимулы должны замещаться иными – направленными на создание условий и благоприятной среды для принятия положительного решения о рождении первенца. Это может быть расширение доступности услуг по уходу за ребенком – например, развитие сервисов бэбиситтеров (профессиональных нянь) или развитие сетей учреждений дошкольного образования.

Также очень важно, чтобы молодой женщине не приходилось выбирать между ребенком и карьерой. Создание условий, способствующих одновременно воспитанию детей и профессиональному развитию может способствовать снижению у молодых женщин напряженности относительно их будущего при принятии решения о рождении ребенка. Здесь эффективным приемом может стать возможность траты материнского капитала на обучение молодой матери в вузе.

Ещё одним направлением совершенствования системы поддержки первых детей должно стать решение жилищных проблем. В существующей ситуации основная проблема заключается в том, что наиболее широко распространённый способ приобретения жилья – ипотека, посильна не всем. Отсутствие достаточных ресурсов делает этот инструмент доступным лишь для 30–40% молодых семей. Однако даже для тех, кто может себе позволить оформить ипотеку, этот долгосрочный кредит препятствует рождению второго и последующего детей. В текущих условиях необходимо развитие жилищных программ для молодых семей и расширение механизмов улучшения жилищных условий, например путём создания субсидированного найма жилья для молодых родителей.

Литература

1. Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В. Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № (3). С. 546–559. DOI: 10.22363/2313–2272–2020–20–3–546–559
2. Белинская Д.В.. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. Т. 4. № 13. 2018. С. 12–19.
3. Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972. – 144 с.
4. В России предложили уточнить содержание понятия «многодетная семья» // Проект @ Дети, компании Mail.ru Group URL: https://deti.mail.ru/news/v-rossii-predlozhili-utochnit-soderzhanie/?frommail=ft_ml (дата обращения: 07.10.2022).
5. Желаемое и ожидаемое число детей // Аналитический центр Юрия Левады «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislodetej/> (дата обращения 07.10.2022).
6. Многодетные семьи. Труднее или легче живется многодетным семьям, чем остальным? // URL: Фонд Общественное Мнение <https://fom.ru/posts/13080> (дата обращения 07.10.2022).
7. Попова Л.А., Шишкина М.А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодёжи // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 5 (85). С. 57–71.
8. Рыбальченко С. Демографическая устойчивость требует гибкости реализуемой политики // Сайт ВЦИОМ URL: <https://ok.wciom.ru/interview/sergei-rybalchenko-demograficheskaja-ustoichivost-trebuuet-gibkosti-realizuemoi-politiki> (дата обращения: 07.10.2022).
9. Семья и дети: установки и реалии // Сайт ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii> (дата обращения: 07.10.2022).

10. Сивоплясова С.Ю. Репродуктивные установки современной молодежи на многодетность: закономерности и противоречия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 1. с. 223–242.
11. Ткачев И. Естественная убыль населения в России за год превысила 1 млн человек // Сайт РБК URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7> (дата обращения: 07.10.2022).
12. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам // Сайт Федеральной службы государственной статистики URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 07.10.2022).
13. Чурилова Е.В., Захаров С.В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. № 2 (129). 2019. С. 69–89.
14. Newport F., Wilke J. (2013). Desire for Children Still Norm in U.S. // GAL-LUP. URL: <https://news.gallup.com/poll/164618/desire-children-norm.aspx>

REPRODUCTIVE ATTITUDES IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Ustinova O.V.

Tyumen Industrial University

The article is devoted to the attitudes of the population towards the birth of children in modern Russian society. The paper substantiates the relevance associated with negative demographic processes, the effects of which will be of a long-term nature. Projects are considered within the framework of which the study of the reproductive attitudes of the population is carried out, the methodological base and current directions of research on the issues under consideration are given. The empirical part of the article is based on a secondary data analysis, for the implementation of which the VTsIOM database was used with the results of a survey on the attitudes of Russians to childbearing. In the course of reviewing the database material, such aspects as: the goals and significance of having children for the population, the attitude to the childbearing of a woman as a mother's duty, the

attitude towards childless married couples, the desired number of children, which respondents consider optimal in ideal conditions, are given. In the final part of the work, measures are considered that can potentially have a positive impact on the birth rate of both firstborns and children of high priority.

Keywords: Family, children, reproductive attitudes, sociological research, secondary data analysis, family policy, measures to stimulate the birth rate.

References

1. Arkhangel'sky V.N., Shulgin S.G., Zinkina Yu.V. Reproductive behavior of Russian women depending on the educational status // Vestnik RUDN University. Series: Sociology. T. 20. No. (3). pp. 546–559. DOI: 10.22363/2313–2272–2020–20–3–546–559
2. Belinskaya D.V. Social portrait of childfree // Bulletin of the Tambov University. Series Social Sciences. T. 4. No. 13. 2018. P. 12–19.
3. Belova V.A., Darsky L.E. Statistics of opinions in the study of fertility. M.: Statistics, 1972. – 144 p.
4. In Russia, it was proposed to clarify the content of the concept of a “large family” // Project @Children, Mail.ru Group URL: https://deti.mail.ru/news/v-rossii-predlozhili-utochnit-soderzhanie/?frommail=ft_ml (date of access: 07.10.2022).
5. Desired and expected number of children // Yuri Levada Analytical Center “Levada Center”. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/25/zhelaemoe-i-ozhidaemoe-chislodetej/> (accessed 07.10.2022).
6. Large families. Is life more difficult or easier for families with many children than for the rest? // URL: Public Opinion Foundation <https://fom.ru/posts/13080> (accessed 07.10.2022).
7. Popova L.A., Shishkina M.A. Marriage-family and reproductive attitudes of modern youth // Problems of territory development. 2016. Issue. 5 (85). pp. 57–71.
8. Rybalchenko S. Demographic sustainability requires flexibility of the implemented policy // VTsIOM website URL: <https://ok.wciom.ru/interview/sergei-rybalchenko-demograficheskaja-ustoichivost-trebuets-gibkosti-realizuemoi-politiki> (date of access: 07.10. 2022).
9. Family and children: attitudes and realities // VTsIOM website URL: <https://wciom.ru/>

- analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sem-ja-i-deti-ustanovki-i-realii (date of access: 07.10.2022).
10. Sivopliasova S. Yu. Reproductive attitudes of modern youth towards large families: patterns and contradictions // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. № 1. With. 223–242.
 11. Tkachev I. Natural population loss in Russia exceeded 1 million people per year // RBC website URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04f-daa7> (Accessed: 07.10.2022).
 12. Federal statistical observations on socio-demographic problems // Website of the Federal State Statistics Service URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (date of access: 07.10.2022).
 13. Churilova E.V., Zakharov S.V. Reproductive Attitudes of the Russian Population: Is There Reason for Optimism? // Bulletin of public opinion. No. 2 (129). 2019, pp. 69–89.
 14. Newport F., Wilke J. (2013). Desire for Children Still Norm in U.S. // GALLUP. URL: <https://news.gallup.com/poll/164618/desire-children-norm.aspx>

Экономические притязания в условиях мобилизации

Скуденков Владимир Алексеевич,
соискатель кафедры государственного
и муниципального управления Института
социальных наук Иркутского государственного
университета
E-mail: vskudenkov@mail.ru

В статье рассматриваются современные условия мобилизации, провоцирующие россиян на изменение экономических притязаний. Автором объясняется с позиции экономической социологии как работают эффекты нового финансового мышления в условиях нестабильности и общего уровня тревожности. Приводятся результаты эмпирического исследования (n=1150) изменения финансового мышления и новых форм экономических притязаний в новых рамках внешнего давления.

Ключевые слова: экономические притязания, мобилизация, россияне, экономический кризис, экономические санкции, социальные возможности, социальные притязания, экономическая социология.

В обычных условиях люди потребляют то, что есть в их повседневных представлениях, что определено как ценность или благо для их социальной группы, то, что соответствует их представлениям о том уровне и качестве жизни, которую они ведут. Но когда происходят серьезные перемены в общественном укладе – экономические санкции, политические кризисы, частичная мобилизация – акценты смещаются и потребление становится менее рациональным. Во время усиления внешнего давления, сложных политических решений и экономической неопределенности принимать решения не просто. Поэтому люди интуитивно понимают, что старые смыслы и стратегии поведения не работают, надо что-то менять, но выбирают далеко не всегда продуманную и эффективную стратегию социального взаимодействия. Это приводит к личным кризисам и социальному разобщению и дезинтеграции.

За историю XX и начала XXI века неоднократно было зафиксировано, что во время кризисов – рождаются новые миллионеры и уходят с открытого рынка старые, люди совершают необдуманные покупки, берут больше кредитов, больше подвержены иррациональным стратегиям поведения, больше верят в теории заговоров и это все накладывает свой отпечаток на экономические притязания. Значительная часть населения добровольно вгоняет себя в социальную и экономическую кабалу – зависимости от банков и кредитных организаций. Современный этап развития России не является исключением – сейчас время формирования новых экономических притязаний, начала новых стартапов и очередных пирамид, быстрых взлетов новых предпринимателей и оглушительного краха старых бизнес-моделей формируются новые модели экономического поведения, отрабатываются новые способы конструирования, закрепления и развития экономических притязаний.

По данным Левада-Центра, в августе 30% россиян считали, что их доход

превышает необходимый прожиточный минимум. Происходит адаптация доходных притязаний к новым экономическим условиям¹. Сокращение дистанции между субъективными оценками доходов и реальными денежными поступлениями указывает на адаптационную линию поведению, которая усиливается в кризисные периоды последних лет – если считать таковыми предыдущую фазу военного конфликта с Украиной и Западом в 2014–2015 годах, объявление пенсионной реформы в 2018 году, пандемию и происходящую военную операцию. Предыдущие исследования указывают на то, что нынешний этап приспособления россиян к меняющимся условиям жизни скорее стимулирует пассивную, выжидательную позицию.

Это может говорить о двух возможных тенденциях. С одной стороны, заметен рост неопределенности в том, что считать минимально необходимым уровнем дохода. С другой стороны, среди наименее обеспеченных групп населения, могущих позволить себе лишь продукты питания и одежду, оценки прожиточного минимума продолжили расти, как это наблюдалось в прошлые годы исследования. При этом относительно обеспеченные россияне практически не изменили свои оценки, что также может говорить о включении механизма понижающей адаптации. Важно отметить, что разница между группами сохраняется в ответах на вопрос о «нормальном» уровне дохода.

Это социальные показатели перестройки всего общества, которые касаются базовых вещей – экономической безопасности и стабильности, уверенности в завтрашнем дне. Особенно, когда этой уверенности нет и безопасность и стабильность эфемерны. Этим переменам способствуют изменения в общей ситуации в стране. Ученые с разных сторон занимаются данным вопросом. В работах Р.Г. Ардашева показано как усиливается иррациональность сознания [1–7, 10], Р.В. Иванов подчеркнул изменения конъюнктуры социальной солидарности в условиях мобилизации [8,9], О.А. По-

люшкевич рассмотрела перспективы трансформации просоциального поведения в современных условиях [11–15]. В работах автора уделяется особое внимание изменению экономических притязаний в меняющихся условиях [16–22].

Опираясь на различные теоретические концепции и модели, мы выработали свой подход к анализу экономических притязаний и новых финансовых стратегий поведения россиян.

Структурно-функциональный подход, он предполагает выстраивание новых объяснительных моделей поведения в меняющихся условиях, где каждый социальный институт, сообщество и отдельный человек выполняет свою функцию для поддержания всей системы.

Системно-символический подход, позволяет выявить символы, консолидирующие смыслы и ассоциации у россиян, возникающие в период внешнего давления, вызванного мобилизацией и экономическим кризисом. Данные символы выступают результатом внутреннего осмысления происходящих событий и одновременно реакцией на них.

Деятельностный подход, предполагает выработку новых стилей жизни, жизненных путей современников, с учетом мобилизации и экономического кризиса, которые меняют поведение на обычном повседневном уровне и на уровне мировоззрения. Результатом этого становятся новые формы финансового поведения, новые критерии социальной и экономической успешности, нашедшие свое отражение в экономических притязаниях.

Общий уровень социального напряжения и тревожности, неясности перспектив развития приводит к качественным сдвигам в установках разных социальных групп. Целью нашего исследования было выявление новых форм экономических притязаний, возникших под влиянием мобилизации. В нем приняли участие 1150 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающие в разных регионах РФ, 56% женщин и 44% мужчин, разных социально-экономических групп. Исследование проводилось на онлайн платформе опросов www.google.

¹ Оценки уровня дохода [электронный ресурс] URL: Левада-Центр: Оценки уровня дохода (levada.ru)

ги. В основной опросник были включены вопросы шкалы тревожности Спилберга-Ханина, позволившие выявить уровень тревожности россиян и проследить его влияние на формирование новых моделей экономического потребления.

В результате исследования мы выявили несколько общих условий изменения экономических притязаний у россиян.

Ориентация на внешнюю оценку. И ориентир на иллюзию стабильности. Около 70% опрошенных сегодня совершают покупки для того, чтобы их окружение оценило то, что они могут это сделать, из желания показать свою состоятельность, стабильность, уверенность в себе и завтрашнем дне. Для них на психологическом уровне – потребление выступает защитой от неуверенности в себе и страхе (34%), который наполняет их повседневность. Страх за близких, что мобилизуют мужа, сына, брата или отца (39%). Страх не справиться с экономическими обязательствами перед банками (33%), но при этом ничего для того, чтобы себя экономически обезопасить большей частью опрошенных не делается (только 31% говорит о новых способах заработка, новых точках опоры). И то, это больше свойственно более молодым респондентам (от 18 до 35 лет), чем старше, тем меньше готовы осваивать новое, чтобы быть более уверенными в себе и своем будущем. Но больше готовы потреблять, чтобы создать иллюзию стабильности.

Ориентация на надежду на то, что случится что-то хорошее в будущем. Настоящее пугает (мобилизация, экономическая нестабильность, неясные перспективы) – 88%. И это приводит к нежеланию опираться на реальность, на объективные факты – россияне надеяться на то, что все само образуется, станет лучше (63%). И изменится к лучшему без их личного участия, без их воли и действий.

Нежелание показывать собственный страх. У 64% нет готовность говорить о своих страхах, нет желания показывать свой страх и поэтому они создают иллюзию стабильности, уверенности и на-

личия хороших перспектив, готовы тратить больше, чем зарабатывают, активно берут кредиты, входят в сомнительные предприятия и стартапы, опираются на чужие пустые слова и обещания. Делают в два раза больше покупок более высокого социального класса, нежели тот, к которому они сами принадлежат.

Неготовность признавать неэффективность старых моделей экономического поведения. Чем младше респонденты, тем больше они допускают то, что необходимы новые модели экономического поведения (18–35 лет – 49%, 35–55 лет – 32%, 56 лет и старше – 19%). Но при этом они же в обыденной практике действуют так, как поступали их родители, т.е. придерживаются старых моделей экономического поведения. Это также является косвенным показателем внутренней напряженности, неготовности решать актуальные задачи и желание спрятаться.

Шкала тревожности Спилберга-Ханина позволила выявить высокий уровень ситуативной или реактивной тревожности (33%), средний у 43%, низкий у 24%; тогда как личная тревожность значительно реже встречается и высокий ее уровень имеется только у 8% респондентов, средний у 12%, низкий у 80%.

Таблица 1. Причины в изменениях финансового и экономического поведения (в %)

Причины	Мужчины	Женщины
Мобилизация	31	29
Экономический кризис	22	26
Личные желания	18	8
Уровень образования	6	7
Возможные перспективы	14	20
Реальные возможности	4	5
Поддержка родственников	5	5

Отвечая на вопрос, что способствовало изменению финансового поведения и экономических притязаний мужчины и женщины, отвечали не одинаково,

но были солидарны только в вопросах мобилизации (31% мужчины и 29% женщины) и экономического кризиса (22% мужчины и 26% женщины) (см. таблицу 1).

При анализе изменения экономического поведения и экономических притязаний под влиянием уровня тревожности, вызванной мобилизацией нами выявляется несколько групп факторов, определяющих формы и векторы развития экономического сознания россиян, при описании 77,4% общей дисперсии (таблица 2).

Таблица 2. Факторный анализ изменения экономического поведения и экономических притязаний под влиянием уровня тревожности, вызванной мобилизацией

Фактор	Переменные	Коэффициент
Военная операция Вес фактора – 17,7. Объяснительная дисперсия – 23,2%	Защита российских границ	0,746
	Защита россиян на других территориях	0,732
	Активная защита государственных интересов	0,712
Идеологический Вес фактора – 15,2. Объяснительная дисперсия – 21,5%	Интересы Родины	0,726
	Защита прав человека	0,711
	Гуманизм для россиян	0,689
Социально-экономический Вес фактора – 12,8. Объяснительная дисперсия – 17,1%	Экономические ограничения	0,698
	Импортозамещение	0,654
	Новые модели экономического развития	0,623
Социально-психологический Вес фактора – 9,2. Объяснительная дисперсия – 15,6%	Психологическая уверенность	0,631
	Социальное моделирование будущего	0,622
	Личная опора на будущие перспективы	0,587

Фактор «военной операции» больше всего распространен среди представителей среднего возраста (36–55 лет) – 47%, так как для них он выступает угрозой разрушения их привычного мира. Это касается как их самих, так и членов их семьи – детей. Поэтому уровень тре-

вожности и фактор ответственности достаточно высоко нагнетается. Военная операция вызывает тревогу так как там возможна реальная гибель, и аргументы патриотизма и выполнения долга срываются далеко не для всех.

На экономическом поведении это отражается в виде необдуманных трат, новых кредитов и надежде на выплаты от государства.

Фактор «идеологический» наиболее распространен среди молодежи (18–35 лет) – 38%, немного меньше у представителей среднего возраста (36–55 лет) – 33%. Но он активен у тех, кто активно поддерживает политику власти, разделяет ценности и убеждения, формат коммуникаций с внешним миром. По нашему мнению, на эту группу можно опираться при консолидации патриотического сообщества, способного сформировать новую идеологию для России.

На экономическом поведении это отражается в виде потребления военной амуниции, готовности помогать военнослужащим – посылая вещи и отправляя деньги для закупки всего необходимого. Вектор смещения ценностей находится в стороне милитаристского восприятия реальности и поддержания данного формата коммуникации.

Фактор «социально-экономический» наиболее распространен среди всех групп населения, так как начал активно менять стандарты и формы финансового мышления россиян задолго до мобилизации (среди младшей группы – 32%, среднего возраста – 35%, старшего возраста – 33%). Это усиленная модель общества потребления (чем больше вещей – тем больше уверенности в себе и завтрашнем дне).

В экономическом поведении он опирается на стратегии запасаться «прозапас», оберегать себя от лишних волнений и беспокойства путем замещения чувства тревоги новыми вещами, услугами (чаще всего купленными в рассрочку или в кредит).

Фактор «социально-психологический» также присутствует во всех рассматриваемых группах (среди младшей группы – 38%, среднего возраста – 34%,

старшего возраста – 28%). Он консолидирует страхи и тревожности, опирается на неосознаваемые и осознаваемые угрозы из психологических защит в виде нежелания замечать проблемы, не желая адекватно оценивать себя, свое поведение и т.д.

В экономическом поведении он выражается формулой: казаться, а не быть, пускать песок в глаза и формировать образ успешных и привлекательных людей за счет «красивой жизни» и постоянного потребления.

Таким образом, выявленные нами изменения экономических притязаний россиян в условиях пандемии опираются на желание получить положительную внешнюю оценку (даже если для ее нет реальных оснований), надежда на то, что случится что-то хорошее в будущем (нет желания опираться на то, что есть сейчас), нежелание показывать собственный страх, неготовность признавать неэффективность старых моделей экономического притязаний и экономического поведения. Это те процессы, которые подняла в общественном сознании мобилизация. Тревога и страх за будущее не дает рационально и трезво оценивать настоящее (у большей части респондентов ситуативная или реактивная тревожность). Этим пользуются маркетологи – предлагая товары по завышенным ценам, давая надежду на получение уверенности и стабильности через пользование определенными товарами или услугами. По истечении времени переоценка данных притязаний и трат приведет к адекватному их переосмыслению, но в настоящий момент новые ценности потребления выступают спасительным кругом для многих россиян разных социальных групп.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
2. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного

сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.

3. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 193–197.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 112–115.
5. Ардашев Р.Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке. Сборник материалов XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020». Москва, 2020. С. 13–15.
6. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 125–128.
7. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
8. Иванов Р.В. Иррациональность общественного сознания россиян: реальность постпандемического общества // Социология. 2021. № 3. С. 148–149.
9. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
10. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.

11. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2021. С. 20–23.
12. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
13. Полюшкевич О.А. Трансформация публичного пространства в городской среде после пандемии // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 177–180.
14. Полюшкевич О.А. Управление конфликтами через просоциальные практики // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 265–267.
15. Полюшкевич О.А. Формы просоциальных практик в виртуальном мире // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 121–123.
16. Скуденков В.А. Динамика экономических притязаний в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 90–97.
17. Скуденков В.А. Экономические и социальные притязания в условиях виртуализации образа жизни молодежи // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 168–173.
18. Скуденков В.А. Экономические притязания в период социального напряжения (на примере пандемии COVID-19) // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 316–318.
19. Скуденков В.А. Экономические притязания: эффекты трансформаций в современном обществе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 104–109.
20. Скуденков В.А. Экономические притязания в городской среде (на примере Иркутска) // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XVI Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. 2018. С. 165–170.
21. Скуденков В.А. Экономические притязания в кризисном обществе // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований. Материалы XV Межрегиональной научной конференции молодых ученых. 2017. С. 171–173.
22. Скуденков В.А. Особенности формирования социально-экономических притязаний в условиях социальной дезинтеграции // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы X Всероссийской научной интернет-конференции. 2018. С. 31–40.

ECONOMIC CLAIMS IN THE CONTEXT OF MOBILIZATION

Skudenkov V.A.
Irkutsk State University

The article examines the current conditions of mobilization, provoking Russians to change their economic aspirations. The author explains from the position of economic sociology how the effects of new financial thinking work in conditions of instability and the general level of anxiety. The results of an empirical study (n=1150) of

changes in financial thinking and new forms of economic claims in the new framework of external pressure are presented.

Keywords: economic aspirations, mobilization, Russians, economic crisis, economic sanctions, social opportunities, social aspirations, economic sociology.

References

1. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2021. No. 12. S. 85–90.
2. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
3. Ardashev R.G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality // Civilizational shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2021. S. 193–197.
4. Ardashev R.G. The irrationality of public consciousness: an analysis of everyday practices // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. S. 112–115.
5. Ardashev R.G. The conflict of the irrationality of the consciousness of modern man // Traditional and new social conflicts in the XXI century. Collection of materials XIV International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2020". Moscow, 2020. S. 13–15.
6. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Third regional scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 125–128.
7. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
8. Ivanov R.V. The irrationality of the public consciousness of Russians: the reality of a post-pandemic society // Sociology. 2021. No. 3. S. 148–149.
9. Ivanov R.V. Mobilization solidarity during a pandemic // Sociology. 2021. No. 4. S. 92–105.
10. Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2021. V. 46. No. 3. S. 605–609.
11. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in a post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2021. S. 20–23.
12. Polyushkevich O.A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space // Sociology. 2021. No. 4. S. 129–135.
13. Polyushkevich O.A. Transformation of public space in the urban environment after the pandemic // Civilizational shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2021. S. 177–180.
14. Polyushkevich O.A. Conflict management through pro-social practices // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. S. 265–267.
15. Polyushkevich O.A. Forms of prosocial practices in the virtual world // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021, pp. 121–123.
16. Skudonov V.A. Dynamics of economic claims in a pandemic // Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, 2022. S. 90–97.
17. Skudonov V.A. Economic and social claims in the context of youth lifestyle virtualization // Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference. Irkutsk, 2022, pp. 168–173.
18. Skudonov V.A. Economic claims in a period of social tension (on the example of the COVID-19 pandemic) // Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020. S. 316–318.
19. Skudonov V.A. Economic claims: the effects of transformations in modern society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of

- O. A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 104–109.
20. Skudenkov V.A. Economic claims in the urban environment (on the example of Irkutsk) // Actual problems of humanitarian and social research. Proceedings of the XVI All-Russian scientific conference of young scientists in the field of humanities and social sciences. 2018. S. 165–170.
21. Skudenkov V.A. Economic claims in a crisis society // Actual problems of humanitarian and social research. Materials of the XV Interregional scientific conference of young scientists. 2017. S. 171–173.
22. Skudenkov V.A. Features of the formation of socio-economic claims in the conditions of social disintegration // Culture and Explosion: Social Meanings in a Transforming Society. Materials of the X All-Russian Scientific Internet Conference. 2018. S. 31–40.

Оценка развития институтов малого бизнеса в России и Китае (по материалам качественного исследования)

Журавлева Анастасия Андреевна,

преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: irlend@list.ru

В статье рассматриваются социальные условия, механизмы и последствия развития институтов малого бизнеса в России и Китае. На материалах качественного социологического исследования проводится экспертное сравнение используемых программ и стратегий двух государств, выделяются общие векторы и особые условия для российской стратегии социального развития малого бизнеса.

Ключевые слова: социальное моделирование, малый бизнес, качественное исследование, экспертный опрос, качество жизни, социология управления

Кризис 2020 года, на фоне распространения нового коронавируса, будоражит умы теоретиков – исследователей, пытающихся понять и объяснить происходящее, простых граждан, ощущающих существенное падение доходов, предпринимателей, ищущих возможности избежать банкротства, государственных чиновников, стоящих перед сложной дилеммой – кого и в какой мере необходимо поддерживать в этих условиях.

Социальное управление [11, 12], развитие человеческого капитала и иных форм развития предпринимательства способствует развитию институтов малого бизнеса разных государств [13, 14]. На этот процесс также влияет и общественное мнение и другие формы социального регулирования и оценки предпринимательства [2–4].

Несмотря на кризис, существуют страны, в которых бизнес «крепко стоит на ногах». Ниже представлен рейтинг стран, в которых созданы наиболее благоприятные условия для предпринимательства: Новая Зеландия; Сингапур; Гонконг; Дания; Южная Корея.

В данном рейтинге Россия занимает 28 место, Китайская Народная Республика 31, именно поэтому, правительство этих двух стран серьезно работает над поддержкой малого и среднего предпринимательства.

В соответствии с Федеральным законом от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к субъектам малого предпринимательства (далее – СМП) относятся:

1. Хозяйственные общества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, внесенные в Единый государственный реестр юридических лиц;
2. Индивидуальные предприниматели, сведения о которых содержатся

в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей [9].

Законом КНР от 29.06.2002 «О стимулировании развития малого и среднего предпринимательства» определено, что «под малыми предприятиями понимаются предприятия различной организационно-правовой формы и различных форм собственности, созданные согласно закону на территории Китайской Народной Республики и способствующие удовлетворению потребностей общества, увеличению количества рабочих мест, отвечающие требованиям государственной отраслевой политики и относящиеся к малым и средним по масштабам хозяйственной деятельности» [7].

Критерии, по которым определяется размер предприятий, устанавливает ведомство Государственного Совета Китайской Народной Республики либо тот, кто несет непосредственную ответствен-

ность за осуществление той или иной работы, относящейся к предприятиям. Так, ключевыми основаниями выступают: количество работающих на предприятии людей, объем продаж, размер активов и иных показателей, обобщающих характерные особенности отрасли. Данное обстоятельство отразилось во временном регламенте о критериях малого и среднего предпринимательства.

Важно отметить, что в настоящее время поддержка малого предпринимательства – одна из важных задач обоих государств.

Нельзя не сказать, что определение мер государственной поддержки малого и среднего бизнеса зависит от критериев отнесения хозяйствующих субъектов к категории малых предприятий, которые имеют свои особенности в разных странах. Так, в Таблице 1 приведены обобщенные критерии малого и среднего предпринимательства в России, Китае и в среднем по Европе.

Таблица 1. Критерии отнесения хозяйствующих субъектов к категории малого и среднего предпринимательства

Критерии	Китай	Россия	Европейские страны
Выручка от реализации товаров, млн долл. в год	До 12 млн долларов	До 10,7 млн долларов	До 42,64 млн долларов
Средняя численность работников	Численность персонала не более 300 человек	Численность персонала не должна превышать 100 человек	Численность персонала не должна превышать 250 человек
Доля других коммерческих фирм в уставном капитале	Не предусмотрено	Лимит 49%	Не предусмотрено
Стоимость активов	7,5 млн долларов	Не предусмотрено	Не предусмотрено

Рассмотрев таблицу 1 можно сделать вывод, что согласно нормативно-правовой базе в сфере малого и среднего бизнеса, в категорию малого и среднего предпринимательства попадает больше всего компаний в Европе, так как предельно допустимый объем выручки от реализации товаров превышает российский почти в 4 раза, а средняя численность работников в 2,5 раза больше в Европе, чем в России. Что касается китайских законов, максимальная выручка от реализации товаров малого и среднего предпринимательства оста-

ся примерно той же, что и для российского бизнеса, превышая лишь на 11%. Кроме этого, стоимость активов субъектов малого и среднего бизнеса имеет лимит только в Китае и равен 7,5 млн долларов. Согласно закону Китайской Народной Республики от 29.06.2002 «О стимулировании развития малого и среднего предпринимательства», максимальная средняя численность работников на предприятии не должна превышать 300 человек, эта цифра в три раза больше российской и на 17% больше европейской. Это обусловлено высоким уровнем демографии

Китайской Народной Республики. Также стоит обратить внимание на то, что только в Федеральном законе от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» есть лимит доли других коммерческих фирм в уставном капитале малого предприятия и он составляет 49%.

Приоритетность развития малого предпринимательства в России подтверждается законодательным закреплением основных целей и принципов политики государства в соответствии со статьей номер 6 Федерального закона от 24.07.2007 No 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и проведением многочисленных мероприятий федерального уровня в сфере малого бизнеса [1].

Таким образом, в качестве ключевых мероприятий выступают:

1. Создание Федеральной корпорации по развитию малого бизнеса;
2. Разработка стратегии развития субъектов малого и среднего бизнеса;
3. Формирование Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства;
4. Контроль над резким ростом налоговой нагрузки на малый бизнес;
5. Недопустимость анонимных жалоб, что вызывает необходимость обязательной идентификации и аутентификации заявителя;
6. Борьба с коррупцией в рассматриваемом секторе, в частности повышение пороговых показателей по экономическим преступлениям;
7. Доступное кредитование для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Во исполнении данных мероприятий был создан Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» – один из национальных проектов в России на период с 2019 по 2024 годы. В феврале 2020 года куратором проекта назначен первый вице-премьер Андрей Белоусов. Руководителем стал министр

экономического развития Максим Решетников [10].

Согласно паспорту проекта на сайте Правительства РФ, общий бюджет реализации нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» составит 481,5 млрд рублей, из которых 416,2 будут направлены из федерального бюджета, еще 11,4 из региональных, а 53,9 будут привлечены из внебюджетных источников.

Федеральные проекты в составе национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»:

- «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства»
- «Популяризация предпринимательства»
- «Расширение доступа субъектов МСП к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию»
- «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации»
- «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности».

Планируемым итогом данного национального проекта к 2024 году является реализация механизма снятия барьеров для малого бизнеса. Число занятых в сфере малого и среднего предпринимательства составит 25 млн человек. Сектор будет давать 32,5% ВВП страны и 10% несырьевого экспорта. Объем закупок крупнейших заказчиков у малых предпринимателей составит 5 трлн руб., а число самозанятых – 2,4 млн человек [там же].

При реализации данного национального проекта не стоит забывать о внешних факторах, возникающих незапланированно. Таким примером является пандемия COVID-19, которая изменила планы всего мира. Также не стоит забывать, что 7 марта 2022 года Россия стала мировым лидером по количеству наложенных санкций, обойдя Иран. К 22 марта число российских физических и юридических лиц, находящихся под санкциями, достигло 7116. Данный факт остро

демонстрирует важность работы российского малого и среднего бизнеса, потому что только с помощью него Россия может осуществить импортозамещение.

В России малый и средний бизнес не играют такой существенной роли в экономике, как в странах с уже сформировавшимся и развитым рынком. В последние годы китайское правительство, в соответствии с принципами социализации, специализации и рыночной ориентации, энергично создаёт различные системы поддержки, информационного и иного обеспечения деятельности МСП, предоставляя МСП государственные услуги и сопровождение по ряду направлений [8].

Прежде всего, правительство Китая активно осуществляет поддержку малого и среднего бизнеса в вопросах финансирования и создания кредитных гарантий, что упрощает вход не только на внутренний, но и на внешний рынки. В вопросе косвенного финансирования, Народный банк Китая выпустил ряд документов, упрощающих процедуру получения банковских кредитов малым и средним предприятиям Китая. Например, комиссия по банковской деятельности Госсовета Китая направляет и поощряет финансовые учреждения банковского сектора, осуществляющих финансирование малого и среднего бизнеса и доведение новых финансовых продуктов и услуг, с целью ускорения продвижения инноваций. Эта политика поспособствовала увеличению дол кредитов для малого и среднего бизнеса. Аналогично была сформулирована соответствующая система кредитных гарантий для поощрения малого и среднего бизнеса.

Для увеличения занятости населения за счет создания нового бизнеса, правительство КНР оказывает следующую поддержку нового бизнеса: поощрение «стартапа бизнеса». Государство активно поддерживает программы обучения персонала. Посреднические сервисные агентства предоставляют услуги сатрапам. В настоящее время существуют более 500 инкубаторов, организованных по всей стране, которые позволили соз-

дать большинство удачных предприятий последних лет. Всекитайское собрание народных представителей приняло закон «О содействии занятости», определяющий ответственность правительства в вопросах содействия занятости и совершенствования соответствующей политики содействия занятости. В этом случае руководство страны просто обязано использовать МСП как своеобразный резерв для решения проблем безработицы роста занятости населения КНР.

Государство заинтересовано в усилении экспансии малого и среднего бизнеса на рынки, ведь это «оздоравливают» конкурентную среду. Фонд развития международного рынка малого и среднего бизнеса был запущен в 2000 году. Он поддерживает малые и средние предприятия при участии их в зарубежных выставках и ярмарках. Китайская международная ярмарка малого и среднего бизнеса проводится ежегодно с 2003 года, предоставляя платформу малым и средним предприятиям для расширения их рынка и укрепления торгово-экономического сотрудничества. Предприятиям малого и среднего бизнеса предлагаются разные формы сотрудничества (кооперация, субподряд, аутсорсинг) с крупными предприятиями. Было предпринято решение об увеличении доли продукции и услуг малого и среднего бизнеса в государственных закупках.

Стоит обратить внимание, что Китайское государство делает особый акцент на дополнительном образовании и профессиональной подготовке руководителей бизнеса. Была разработана учебная база для прохождения курсов менеджмента. В этих учебных центрах моделируются все процессы, происходящие в реальных условиях во внутренней и внешней среде предприятия: получение и использование финансовых средств, мобилизация ресурсов, производственные процессы, реализация товаров, расчёты с бюджетом и др. Учитывая заинтересованность всех сторон в подобных курсах, к их проведению привлекаются ведущие специалисты университетов и институтов Китая,

с финансированием этих программ обучения из нескольких (в том числе и государственных) источников. Программа обучения представителей малого и среднего бизнеса «Galaxy», например, стала реализовываться с 2003 года. Она предлагает обучение в области делового администрирования, производства и промышленной политики.

Развитие современных IT технологий не осталось незамеченным со стороны государства. Веяние последнего времени – активизация работ по прокладке информационных сетей и обеспечению всех видов бесплатной информации для начинающих бизнесменов. Правительство создало информационный портал для представителей малого и среднего бизнеса с отдельными страницами для различных провинций и муниципалитетов. Предоставляются информационные услуги для МСП в ознакомлении политики, регулировании, ориентировании выхода на рынки и возможностях сотрудничества.

Пандемия COVID-19, которая началась в феврале 2020 года в Китае сильно повлияла на экономику страны. В короткий период времени в стране закрылись все производства и МСП, как один из главных секторов экономики Китая также пострадал. Тем не менее, правительство Китая оказало следующие меры поддержки:

- Финансовая поддержка: путем повышения квоты Центральным банком, понижения соотношения требований к резервам вклада, РВРС (Народный банк Китая) поощряет банки предлагать кредиты МСП с низкой процентной ставкой;
- Налоги и сборы сокращаются: правительство помогает МСП снижая уровень налогов и сборов;
- Поощрение занятости: правительство поощряет работодателей не увольнять работников или, по крайней мере, увольнять меньше работников и набирать новых;
- Помощь повышению производительности: правительство помогает МСП преуспеть в цифровом преобразовании и повысить их производи-

тельность посредством специальных кампаний цифрового включения, облучных вычислений, больших данных и искусственного интеллекта.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что развитие сектора малого и среднего бизнеса Китая является одной из главных задач Китая. Правительство оказывает должные меры поддержки, как в период кризиса, так и в период стабильной экономики.

Власти любой страны, особенно такой как Китай, понимает, что в условиях кризиса и становления экономики страны, обойтись бизнесу без грамотной помощи государства невозможно. Чтобы регион показывал хорошие результаты в развитии бизнеса страны необходима его всесторонняя поддержка.

Особенности исследования

Летом 2022 года мы провели экспертный опрос российских предпринимателей, занимающихся бизнесом с Китаем (n=22) и китайских, занимающихся бизнесом с Россией (n=22). Предприниматели из обеих стран занимаются данным бизнесом более трех лет (от трех и до тридцати лет), знают и пользуются государственной поддержкой своей страны по развитию малого бизнеса. В их компаниях от 10 и до 1000 человек работающих по найму.

Социально-стратификационная характеристика экспертов: 60% мужчин и 40% женщин, в возрасте от 30 до 70 лет. Российские предприниматели, работающие с Китаем, проживают в России (80%) и 20% в Китае. Китайские предприниматели, работающие с Россией, проживают в Китае – 100%.

Экспертный опрос проводился в программах Skype и zoom. Все предприниматели говорят на русском языке. Экспертное интервью проходило в виде полуструктурированного опроса 1,5–2 часа.

Анализ результатов исследования

Анализируя ответы экспертов, мы пришли к выводу о том, что есть несколько приоритетных направлений развития малого бизнеса, которые характерны как

для России, так и для Китая, но есть и отличия в приоритетах развития.

Схожими чертами выступают следующие векторы развития.

Сглаживание колебаний экономической конъюнктуры посредством особого механизма сбалансирования спроса и предложения (35% российских экспертов и 40% китайских отметили это).

Нужно всегда учитывать то, на что направлена внешнеэкономическая ситуация, какие приоритеты есть у государства и тогда становится понятно какие сферы будут в приоритете по государственной поддержке, субсидиям, возможности построения государственно-частного партнерства и т.д. (М.Н., предприниматель, 53 года, Россия).

Отслеживая вопросы спроса и приложения, политику нашей страны и России – всегда понимаешь, а что будет дальше, что последует за этим шагом и последующим – вот так и рождается личная инвестиционная стратегия, которая согласуется с политикой государств, развитие которых позволяет тебе процветать. (О.Д., предприниматель, 49 лет, Китай).

Развитие здоровой конкурентной среды экономики, создающее систему сильных мотивационных стимулов для более полного использования знаний, умений энергии и трудолюбия населения, что в свою очередь позволяет более активно разрабатывать и использовать имеющиеся материальные, кадровые, организационные и технологические ресурсы (22% российских экспертов и 36% китайских).

Использовать все возможные ресурсы, начиная от человеческих, заканчивая технологиями – это путь развития и процветания предприятия, его сотрудников, города и региона нашего присутствия. Это, наверное, одна из приоритетных сфер развития предпринимательства как социального явления. (Л.Л., предприниматель, 45 лет, Россия).

Здоровая конкуренция рождает развитие социальной среды и самого бизнеса. Без этого нет понимания о приоритетах развития. Задача любого предпринимателя использовать любые ресур-

сы для процветания своего дела. (С.А., предприниматель, 46 лет, Китай).

Формирование диверсифицированной и качественной системы бытовых, организационных и производственных услуг (15% российских экспертов и 24% китайских отметили это).

Качественная продукция и услуги – одно из приоритетных условий выживания. Времена халтуры прошли. Сейчас есть время только для добросовестного выполнения взятых на себя обязательств. Это и этика бизнеса, и возможность войти в определенные круги, что возможно только при определенном имидже и репутации. Перспектива предпринимательства в социальной ответственности и корпоративном развитии, время разворовывания прошло, сейчас время созидания. (Н.Н., предприниматель, 43 года, Россия).

Современная экономика создает возможность выбора для потребителя. А при прочем равном, только качество продукции и ее доступность может стать залогом успеха. Быть предпринимателем в Китае не одно и тоже что, быть предпринимателем в России – есть свои нюансы, но это не значит, что уровень ответственности и социальных обязательств отсутствует, наоборот – ложится двойная нагрузка. Качественные услуги и товары – наша перспектива развития. (В.М., предприниматель, 40 лет, Китай).

Российские эксперты также отмечают следующее.

Создание значительного количества новых рабочих мест, формирование важнейшей прослойки общества – среднего класса (18% российских экспертов).

Новые рабочие места – это социальный долг любого предпринимателя, так как его миссия не только в зарабатывании денег, но и формировании социальной среды, способной воспроизводить структуру. (Т.А., предприниматель, 35 лет, Россия).

Благодаря развитию малого и среднего предпринимательства формируются базовые условия для укрепления среднего класса. А без него сложно говорить о стабильности социальной сис-

темы. (В.М., предприниматель, 30 лет, Россия).

Развитие инновационного потенциала экономики, внедрение новых форм организации, производства, сбыта и финансирования (10% российских экспертов).

Инновационные формы управления, производства и в целом развития предприятий создают для них подушку безопасности и устойчивости развития. Без внедрения новых технологий нет перспективного развития. (В.М., предприниматель, 36 лет, Россия).

Инновационный потенциал любой территории развивается благодаря людям и технологиям, которые также должны обладать инновационными чертами, чтобы реализовывать по максимуму все перспективы развития. Жизненные условия определяют технологиями, которые упрощают жизнь и системной инфраструктурой, которая ее упрощает и организует. (В.М., предприниматель, 47 лет, Россия).

Необходимо отметить, что малый и средний бизнес в России развивается неоднородно, причинами этого являются диспропорции социально-экономического развития регионов, различный уровень доходов населения и платежеспособного спроса, различный уровень развития бизнес – инфраструктуры, что определяет состояние малого и среднего бизнеса в регионах страны. В Китае ситуация более стабильна, но также требует дополнительного государственного контроля и участия.

Выводы

На сегодняшний день вопрос поддержки малого и среднего предпринимательства стоит особенно остро. Для малых и средних предприятий доступны финансовые и нефинансовые меры, реализуемые в том числе региональными организациями, образующим инфраструктуру поддержки предпринимательства.

Малый и средний бизнес имеет огромное значение в экономике любой страны. Этот сектор создает конкурентную среду, способен быстро реагировать на любые изменения рыночной конъюнктуры,

заполняет новые ниши в потребительской сфере, создает дополнительные рабочие места и является основным источником формирования среднего класса. Возникновение и развитие малых и средних предприятий в Китае подчёркивает этот тезис и свидетельствует о необходимости более пристального рассмотрения вопроса государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

Для успешной акселерации и поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, имеющих существенный потенциал роста, необходимо формирование продуктивной региональной инфраструктуры поддержки. Целесообразно выстраивать все меры поддержки вокруг потенциально наиболее быстро растущих компаний. Обязательно привлечение федеральных инвесторов и экспертов в сфере развития малого и среднего бизнеса.

Для успешного взаимодействия с партнерами из других стран, например из Китая, руководителям и менеджерам российских компаний необходимо быть компетентными в сфере кросс-культурных коммуникаций. Сотрудники могут воспользоваться как образовательной формой поддержки государством, так и изучить культуру контрагентов самостоятельно.

Опыт Китая показывает нам, что развитие молодых стартапов с уникальными товарами оказывает позитивное влияние на экономику и социальное развитие страны. В современных условиях импортозамещения немаловажно развитие инновационных предприятий и стартапов.

Устойчивая система поддержки бизнеса в нашей стране все еще формируется в силу сравнительно короткой истории современного российского предпринимательства. Результатом этого является низкая вовлеченность населения в предпринимательство и отсутствие устойчивого интереса к ведению собственного бизнеса. Немалую роль играет низкое доверие государству, так как на сегодняшний день очень мало успешных примеров становления бизнеса при

поддержке государства с нуля. Отношение к предпринимательству меняется медленно.

Невзирая на немалые усилия властей, роль малого бизнеса в экономике России довольно скромная, и это во многом связано с высокой долей государственного сектора. В целом ситуация в России в сфере малого и среднего предпринимательства неизменна уже несколько лет – основные показатели существенно не меняются, в то время как китайская политика развития малого и среднего бизнеса приносит большие плоды.

Фактически актуальными остаются целевые ориентиры, национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Вероятность достижения целей национального проекта по малому и среднему предпринимательству по численности занятых, доле СМСП в ВВП и доле экспорта малого и среднего бизнеса в общем объеме несырьевого экспорта тесно связана с реализацией входящих в него федеральных проектов.

Таким образом, требуется четкая адресность и социально-экономическая обоснованность оказания государственной поддержки с целью выявления наиболее перспективных субъектов малой предпринимательской деятельности, а также эффективного распределения государственных финансовых ресурсов.

Также как и правительство Китая, наше государство осуществляет проекты по содействию развития систем финансирования и системы кредитных гарантий, оказания административной поддержки бизнесу, создания конкурентной среды для выхода предприятия на внутренние и внешние рынки, создает систему дополнительной подготовки кадров управления, обеспечения получения бесплатной информационной помощи.

Литература

1. Rogerson R., Valentyni A. Data about China comes from the State Statistics Bureau, and data about other countries

and territories comes from Herrendorf "Growth and structural transformation"// Handbook of Economic Growth. 2014. Vol. 2. Elsevier. С. 855–941.

2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч.. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, ВолРАН, 2021. С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Монография. М.: РГСУ, 2021. 184 с.
4. Ардашев Р.Г. Трансформация мышления россиян в цифровую эпоху // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты. Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вологда, ВолРАН, 2021. С. 367–369.
5. Ассоциация молодых предпринимателей России. [Электронный ресурс]: Фонд социальных программ: <https://www.nb-fund.ru/about-the-fund/partners/assotsiatsiya-molodykh-predprinimateley-rossii/> (дата обращения: 04.09.2022).
6. Бесценный Д.С. Роль субъектов малого и среднего предпринимательства в экономиках развитых стран// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2009. № 4. С. 56–58.
7. Галочкина О.А. Свобода предпринимательства как форма взаимоотношений общества и предпринимательства// Сборник материалов научно-практической конференции «Царскосельские чтения». 2013.
8. Кулик И.В., Чжан Хунцзян. Политика развития малого и среднего предпринимательства в Китае // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2014. Том 5, № 4. С. 199–203.
9. Курочкин Н.С. Проблемы финансирования малого и среднего предпринимательства в России: учебник//

Вопросы науки и образования. 2018. № 9 (21). С. 25–30.

10. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». [Электронный ресурс]: Википедия: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальный_проект_«Малое_и_среднее_предпринимательство_и_поддержка_индивидуальной_предпринимательской_инициативы» (дата обращения: 04.09.2022).
11. Полюшкевич О.А. Введение в социальную антропологию управления. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2012. 124 с.
12. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 195–199.
13. Пружинин А.Н. Моделирование развития человеческого капитала в современном бизнесе // Социология. 2022. № 2. С. 59–68.
14. Пружинин А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.

ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS INSTITUTIONS IN RUSSIA AND CHINA (BASED ON A QUALITATIVE STUDY)

Zhuravleva A.A.

Irkutsk State University

The article examines the social conditions, mechanisms and consequences of the development of small business institutions in Russia and China. Based on the materials of a qualitative sociological study, an expert comparison of the programs and strategies used by the two states is carried out, general vectors and special conditions for the Russian strategy for the social development of small businesses are identified.

Keywords: social modeling, small business, qualitative research, expert survey, quality of life, management sociology.

References

1. Rogerson R., Valentinyi A. Data about China comes from the State Statistics Bureau, and data about other countries and territories comes from Herrendorf “Growth and structural transformation”//Handbook of Economic Growth. 2014. Vol. 2 Elsevier. pp. 855–941.
2. Ardashev R.G. Change of consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, VolRAN, 2021, pp. 76–79.
3. Ardashev R.G. The irrationality of the public consciousness of Russians. Monograph. M.: RGSU, 2021. 184 p.
4. Ardashev R.G. Transformation of the thinking of Russians in the digital age // Strategy and tactics of socio-economic reforms: national priorities and projects. Materials of the IX All-Russian scientific-practical conference with international participation. Vologda, VolRAN, 2021, pp. 367–369.
5. Association of Young Entrepreneurs of Russia. [Electronic resource]: Fund for Social Programs: <https://www.nb-fund.ru/about-the-fund/partners/assotsiatsiya-molodykh-predprinimateley-rossii/> (date of access: 09/04/2022).
6. Priceless D.S. The role of small and medium businesses in the economies of developed countries // Bulletin of the Omsk University. Series “Economics”. 2009. No. 4. S. 56–58.
7. Galochkina O.A. Freedom of Entrepreneurship as a Form of Relations between Society and Entrepreneurship// Collection of Materials of the Scientific and Practical Conference “Tsarskoye Selo Readings”. 2013.
8. Kulik I.V., Zhang Hongjiang. Policy for the development of small and medium-sized businesses in China // Electronic scientific publication “Scientific notes of the PNU”. 2014. Volume 5, No. 4. pp. 199–203.
9. Kurochkin N.S. Problems of financing small and medium-sized businesses in Russia: textbook// Voprosy nauki i obrazovaniya. 2018. No. 9 (21). pp. 25–30.
10. National project “Small and medium-sized businesses and support for individual en-

- trepreneurial initiatives.” [Electronic resource]: Wikipedia.: https://ru.wikipedia.org/wiki/National_project_”Small_and_medium_business_and_support_of_individual_entrepreneurial_initiative” (date of access: 09/04/2022).
11. Polyushkevich O.A. Introduction to the social anthropology of management. Tutorial. Irkutsk, IGU, 2012. 124 p.
 12. Polyushkevich O.A. Social management through the prism of norms // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 195–199.
 13. Pruzhinin A.N. Modeling the development of human capital in modern business // Sociology. 2022. No. 2. S. 59–68.
 14. Pruzhinin A.N. Features of the strategic development of human capital // Sociology. 2020. No. 2. S. 306–313.

Организационная культура и трудовая этика в советских и российских организациях: преемственность и различия

Гавриленко Ольга Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой социальных технологий
социологического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова
E-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

На протяжении последних ста лет в России наблюдается трансформация организаций (государственных и коммерческих), их организационной культуры, модели управления, изменение системы ценностей, норм, трудовых установок, ритуалов, традиций, верований, отношения к работе. При этом можно диагностировать как сходство, так и различия организаций советского периода и современных по ряду параметров, которые используются в классических моделях диагностики организационной и деловой культур (Г. Хофштеде, К. Камерона – Р. Куинна, Ф. Тромпенаарса – Ч. Хэмпден-Тёрнера, Э. Холла и др.). Советским организациям был свойственен коллективизм, высокая дистанция власти, приоритет общего над частным, централизация власти и ответственности, важность межличностных отношений, отношение к персоналу как к «винтику», долгосрочный наем персонала, доминирование нематериального стимулирования. Некоторые элементы «советской» организационной культуры сохраняются и в современных российских компаниях, придавая определенный «оттенок» российской деловой культуре. Сегодняшние вызовы внешней среды требуют перехода организационной культуры современных компаний от традиционной кланово-иерархической, доминировавшей в советский период, к рыночной или адхократической культурам, стержневыми ценностями которых являются конкурентоспособность (в том числе, за счет усиления внутренней конкуренции между сотрудниками или подразделениями), эффективность, предприимчивость, агрессивность, индивидуализм.

Ключевые слова: социальная инженерия, трудовая этика, организационная культура, деловая культура, модель управления, приверженность и вовлеченность персонала.

Социальная инженерия и её влияние на советскую модель управления

Идеология, господствовавшая в советское время, способствовала построению своеобразной модели управления на всех уровнях, показавшей свою высокую эффективность в условиях закрытости экономики и необходимости выстроить новую систему общественного устройства. Рациональная формализованная система управления повлияла на советские организации, их трудовую этику и организационную культуру. В СССР доминировала административно-командная система управления, а этика советского общества определялась коммунистическими идеалами и нормами социалистического общежития. Советским организациям была свойственна достаточно двойственная организационная культура – часто декларировалось одно, а наблюдалось совсем другое. Так, на уровне лозунгов и деклараций заявлялось о необходимости проявления инициативы и выдвижения новых идей, о ценности каждого сотрудника, о важности проявления лояльности к организации и чувстве гордости за своё предприятие или учреждение. Реально же можно было наблюдать беспрекословное подчинение руководству и следование «линии партии», отсутствие связи между результатами работы и получаемым вознаграждением («уравниловка»), проявление формализма в отношениях и акцент на соблюдении формальных требований (главное вовремя прийти на работу и не уйти раньше времени, и не так важно, чем работник занят в течение рабочего дня), невнимание к индивидуальным особенностям и способностям работников («незаменимых у нас нет»).

В советских организациях с самого начала образования СССР в качестве новой парадигмы социального управления стала внедряться система научной ор-

ганизации труда (НОТ). Идеи Ф.У. Тейлора с их акцентом на формализацию, стандартизацию, рационализацию производственного процесса, научный подход к организации производства нашли горячий отклик среди советских управленцев. Научная организация труда преобразовалась в социальное движение, подхваченное организациями разных отраслей народного хозяйства.

В 20 веке большую роль в развитии теории и практики социального управления играла социальная инженерия, понимаемая как деятельность по проектированию и изменению социальных институтов и систем. Социальная инженерия в России получила активное развитие начиная с 20-х годов 20 века. Программы рационального экономического и социального планирования идеально вписывались в технократическую логику управления молодым советским государством. Рациональное управление обществом и государственное регулирование политической, культурной, экономической сфер являются примером осуществления социальной инженерии в СССР. Согласно подходу К. Поппера, само создание советского государства и ряд крупных проектов того периода (например, НЭП, первые пятилетки, освоение целинных земель) являются примерами «утопической» социальной инженерии, при которой осуществляются не частичные и постепенные реформы, а радикально меняется основа построения общества и государства. В 20-е годы в СССР проблемами организации труда и управления занимались несколько научно-исследовательских институтов (Центральный институт труда (ЦИТ) и др.). Большой вклад в развитие социальной инженерии и движения НОТ (научной организации труда) внесли А.К. Гастев и Н.А. Витке. А.К. Гастев выступал за то, чтобы наука об организации труда базировалась на взаимодействии социальных наук и естественных, а экспериментальные методы и опорой на факты социальные науки должны заимствовать из точных естественных наук [1]. Он настаивал на применении математических методов в психофизи-

ологии для возможности оперирования, например, коэффициентами возбуждения, усталости работников при принятии управленческих решений и распределении трудовой нагрузки. Н.А. Витке рассматривал человека в качестве активного фактора производственного процесса, а не пассивного элемента, он разделял научную организацию производственного процесса (базирующуюся на физиологии и психологии) и научную организацию управления (основанную на социальной психологии).

А.К. Гастев, будучи руководителем Центрального института труда (ЦИТ), говорил о необходимости преобразования предприятий в определенного рода социальные лаборатории, а социальная инженерия рассматривалась им как научно-прикладная технология изменения прежней системы «человек-машина». Гастеву А.К. приписывают концепцию «трудовых установок», согласно которой рабочий человек должен постоянно совершенствовать свой труд, применяя более сложные орудия труда. В рамках социоинженерной деятельности и при проведении анализа трудового процесса необходимо внедрять инновационные, научно обоснованные технологии улучшения производства и управления, запуская новые «научно отобранные» образцы в серийное производство. Важно не просто обучить прогрессивным методам работников, но создать условия для совершенствования ими применяемых методов и технологий. Фактически научная организация труда стала не просто парадигмой управления, но и императивом для работы сотрудников всех уровней организации, приведя в дальнейшем к развитию соцсоревнования и подъему ударничества.

В 20-е годы большое внимание уделялось исследованию психологических особенностей профессиональной деятельности при решении задач рационального распределения и использования трудовых ресурсов [1, с. 42]. Развивалось такое направление как профессиография, описывающее технические и психофизиологические характеристики разных профессий – «ученые, выявив

психофизиологические функции, которые нужно было изъять из конкретного вида работы, устанавливали оптимальные сочетания квалифицированных и малоквалифицированных операций с целью реконструкции состава професий, рационализации трудового процесса и реконструкции орудий труда» [1, с. 43]. В Казанском институте НОТ изучалась зависимость скорости работы индивида от его настроения, темперамента, мышечного напряжения; на заводе «Шарикоподшипник» проводились эксперименты по ритмизации трудового процесса (что позволило поднять в цехе производительность труда на 163%); на Горьковском автозаводе работала лаборатория, которая составляла физиологические паспорта рабочих мест, проводила рационализацию режима труда и отдыха; многие центры и институты разрабатывали технологии профориентации школьников, методы аттестации руководителей, укрепления трудовой дисциплины и др. [1, с. 43–46]. Ближе к 80-м годам 20 века в СССР стала активно разрабатываться проблематика социальных технологий, которые помогали, например, заводским социологам тиражировать отработанные стандартные алгоритмы для решения типовых задач социального управления. Советские заводские социологии накопили богатый опыт решения прикладных задач социальной инженерии и социального управления по снижению текучести кадров, повышению сплоченности коллектива, управлению конфликтами, по адаптации молодёжи на предприятиях, внедрению новых форм организации труда и т.п.

Трудовая этика и её формирование в советских и российских организациях

В процессе передачи от поколения к поколению опыта и трудовых установок воспроизводятся и закрепляются трудовые и социальные практики, формируются императивы трудовой этики. Трансляция «правильных» трудовых установок в советский период была важным элементом процесса социализации лич-

ности. Рассматривая Россию в разные периоды её развития – дореволюционный, советский, современный – можно наблюдать естественный процесс трансформации системы ценностей, норм, трудовых установок, ритуалов, традиций, верований, отношения к работе и жизни россиян. Но в то же время некоторые базовые элементы сохраняются, позволяя говорить о типичных чертах представителя российской культуры – склонность к коллективизму, нелюбовь к ритмичной работе (авральность), фатализм, терпение, иррациональность поведения, ориентация на краткосрочный результат, двойственность системы ценностей (сочетание несочетаемого), негативно окрашенные коммуникации («как дела? Да как у всех, кому сейчас легко»), важность межличностных отношений и др. Ряд указанных черт наблюдался и в советский период, имея другую идеологическую окраску, но по сути не меняясь – коллективизм, приоритет общего над частным, «работа важнее всего», солидарность, «уравниловка», понимание «своего места» и др.

В современных организациях очень большое значение придается приверженности (лояльности) персонала и формированию его вовлеченности. Вовлеченность демонстрирует общий уровень развития организационной культуры и потенциал развития организации за счет внутренней мотивированности сотрудников, равнодушного отношения персонала к своей компании и своей работе (делу). В советский период приверженности и вовлеченности персонала как элементам трудовой этики (хотя сами эти термины и не использовались) уделялось серьезное внимание. Советская культура – это культура коллективизма, где сложно плыть против течения («будь как все», «каждый сверчок знай свой шесток»). В то же время работа, «дело» всегда были на первом месте, все остальные аспекты жизни отодвигались ради «главного». Героями времени и фигурами для подражания были именно «люди труда» (стахановцы, герои социалистического труда и т.п.), праздность порицалась, в том числе

на уровне народного творчества – частушек, пословиц и др.

Гендерное равенство в советский период декларировалось на уровне государственной идеологии. Женщина должна была работать наравне с мужчиной, но при этом не забывать, что она дочь, мать, жена, хозяйка. Жене полагалось обеспечить своему мужу возможность эффективно работать, освободив его от быта, но при этом и самой трудиться полный рабочий день. Для того, чтобы не выпасть надолго из трудовой деятельности, рожать предписывалось как можно раньше, а после рождения ребенка как можно быстрее возвращаться к трудовой деятельности, поручив заботу о ребенке государству. Коллективизм и особая трудовая этика советского периода во многом наложили отпечаток на характеристику поколения российских беби-бумеров (преодоление трудностей, оптимизм, работа превыше всего, работа на общее благо), вырастивших поколение «людей с ключом на шее», поколение X (самостоятельные, полагающиеся на собственные силы, сочетающие коллективизм с индивидуализмом). Россию по доминирующим ценностям (сострадание, самопожертвование, взаимопомощь, душевная дружба и др.) и гендерным проявлениям (равенство между мужчиной и женщиной как сотрудниками, женский успех в бизнесе) можно отнести к «женственной» культуре (в понимании Г. Хофштеде), но в то же время мы можем четко видеть и проявления мужественной культуры: все большее стремление к лидерству, к материальным благам, сохранение на обыденном уровне традиционных взглядов на роли мужчины и женщины.

Сегодня стало модно рассуждать о «корпоративном патриотизме» как особой форме проявления лояльности организации. «Корпоративный патриотизм – это высшая степень приверженности работников организации, желание поступать личными интересами в интересах компании, эмоциональное сопереживание корпоративным проблемам, отвержение на подсознательном уровне предательства корпоративных интересов»

[2]. Это высшее проявление лояльности сотрудника по отношению к своей компании: индивид полностью ассоциирует себя со своей организацией, позиционирует себя как «часть тела» компании, чувствует себя даже в обыденной жизни носителем ее корпоративных ценностей, демонстрируя «желательное» (с позиции корпоративной культуры) поведение. Тренинги по формированию корпоративного духа и патриотизма часто напоминают «зомбирование» участников, снижая уровень критического восприятия ситуации у сотрудников. Существуют и страновые особенности данного процесса – так, высокий уровень приверженности и преданности фирме является абсолютно органичным для восточных культур (японской, корейской, китайской и др.), а в западных организациях, построенных на ценностях индивидуализма и личной свободы, корпоративный патриотизм сознательно формируется (а, возможно, и насаждается) как часть корпоративной культуры.

В советский период не использовалось понятие «корпоративный патриотизм», но само явление существовало и означало более глубокое понимание патриотизма советским человеком – это не просто лояльность и преданность, это фактически служение организации. Отдавая себя своей организации, работая без выходных на благо предприятия, работник тем самым проявлял патриотизм по отношению к своей стране, государству. Выйти работать в свой выходной, отработать две смены подряд (особенно ради какой-то значимой декларируемой цели, например, ради помощи угнетаемым трудящимся тех или иных стран) было нормой для ответственного советского работника. Это можно рассматривать как проявление особой трудовой морали советского человека, отношения к работе и «делу» как главному приоритету жизни.

В советское время культивировалось отношение к организации как к «работе всей жизни», а если в трудовой книжке была только одна запись это рассматривалось как повод для гордости. Наличие в трудовой книжке большего числа за-

писей вызывало негативное отношение к работнику как к «летуну», ненадежному сотруднику. Придя молодым специалистом в компанию, работник потенциально рассчитывал проработать там до пенсии, но всё равно существовали опасения у «возрастных» работников, связанные с возможной потерей места (что выражалось и в обыденных установках – «лучше промолчу, мне надо доработать до пенсии»). Также серьезной привязкой сотрудника к организации в советское время был хороший социальный пакет: ведомственные детские сады и пионерские лагеря для детей работников, санаторное лечение, бесплатное питание, предоставление жилья и т.п.

Российская организационная и деловая культура

Важным инструментом регулирования трудовых отношений и поддержания социальных практик в организациях всегда были ритуалы. Организационные обычаи и ритуалы представляют собой действия и мероприятия с высокой степенью эмоциональной вовлеченности, осуществляемые по определенным правилам (формальным и неформальным). Назначением ритуалов является демонстрация и передача сотрудникам ценностей организации, обеспечение стабильности организации, содействие сплоченности персонала и формированию корпоративного духа. Т. Дил и А. Кеннеди настаивали, что понять культуру организации можно именно через традиции, обычаи и ритуалы компании [3, с. 69]. Ритуалы обеспечивают трансляцию ценностей, принятых образцов поведения, порядка выполнения процедур, стандартов этикета и т.д. Т. Дил и А. Кеннеди выделяют следующие виды организационных ритуалов: *ритуалы социальной коммуникации* (ритуалы, регулирующие отношения между начальством и подчиненными, между сотрудниками разного пола, возраста, социального статуса, между членами организации и внешними акторами), *рабочие ритуалы* (ритуализированные действия, которые члены организации совершают в своей повседневной

производственной практике), *ритуалы управления* (осуществление основных функций менеджмента по оперативному и стратегическому управлению), *ритуалы официального признания* (поощрение лучших сотрудников и создание ролевых моделей для воплощения тех ценностей, которые компания стремится поддержать и сохранить в своей деятельности).

Ритуализация организационной практики особенно ярко выражена в советских организациях. Большинство организаций в советский период была присуща иерархическая организационная культура с явными элементами клановой (по типологии К. Камерона и Р. Куинна) [4]. В иерархической культуре акцент делается на формализации и рационализации, соблюдении графиков и планов, следовании инструкциям, поддержании иерархии. В клановой культуре эффективность организации достигается за счет внимания к персоналу и поддержанию сплоченности, особого микроклимата в коллективе, формированию ощущения «единой семьи», восприятия руководства в качестве родителей/воспитателей. Сила клановых организаций в чувстве «мы», готовности вместе противостоять «врагу», разделении ответственности за общий результат.

Советским организациям были присущи коллективизм (коллективизм в России имеет культурные и исторические корни, связан с религиозными основами и ценностями – общинность, соборность, смирение, терпение, готовность «жизнь положить за други своя»), высокая дистанция власти, централизация власти и ответственности, опора на межличностные отношения (в советской системе активно поддерживались ритуалы взаимопомощи (деньгами, в натуральной форме (товарами), шефская помощь и т.д.)), отношение руководства к персоналу как к заменяемому «винтику», долгосрочный найм персонала, доминирование форм нематериального стимулирования. Некоторые элементы «советской организационной культуры» сохраняются и в современных российских организациях, придавая определенный «оттенок» российской деловой куль-

туре. Требования времени и специфика экономики требует сегодня от предпринимателей перехода от иерархической организационной культуры к рыночной (стержневые ценности которой – конкурентоспособность, продуктивность, предприимчивость, агрессивность, индивидуализм. Основная цель организации – победа в конкурентной борьбе, рыночное доминирование, отношение к персоналу как к средству для достижения цели. Кроме того, в такой организации поощряется соперничество и конкуренция внутри компании: и между подразделениями, и между отдельными индивидами). Несмотря на формирование таких, достаточно агрессивных с точки зрения корпоративной идеологии культур, элементы кланово-иерархической организационной культуры в российских компаниях сохраняются, особенно в государственных организациях.

В организациях иерархически/кланового типа большое значение придается ритуализации и соблюдению традиций. «Советским организациям были свойственны ритуалы самого разного типа: календарные (традиции и ритуалы, связанные с подготовкой и проведением государственных праздников: первомайские и ноябрьские демонстрации, новогодние утренники для детей с раздачей подарков, взаимное «одаривание» коллег во время «гендерных» праздников), ритуалы поощрения/наказания (заседания парткомов, выговоры, размещение на доске почета, присвоение разряда/понижение разряда, путевки в Артек детям сотрудников, приобретение без очереди холодильника, телевизора и др.), ритуалы интеграции (поездки на «картошку», спортивные соревнования, субботники, соревнования коллективов художественной самодеятельности), ритуалы инициации (посвящение в профессию, необходимость «проставиться» новичку, чтобы влиться в коллектив, «скинуться» на юбилей, рождение ребенка и др., «обмывание звездочек», выборы в народный контроль), воспроизводящие ритуалы (ритуалы обновления) (пятиминутки, совещания, политинформации, мероприятия в рамках общества знания, лекции

по новым специальностям в институте марксизма-ленинизма), ритуалы решения конфликтов (товарищеские суды, конфликтные комиссии – половина членов от профкома и половина от администрации), кризисные ритуалы (социалистические соревнования, приуроченные к важным датам, «догоним и перегоним Америку», работа по субботам перед сдачей объектов, аврал в конце квартала и квартальная премия)» [5, с. 346].

Ритуалы являются частью организационной культуры, согласно теории Э. Шейна [6] они относятся к уровню артефактов. Э. Шейн выделял три уровня организационной культуры: уровень артефактов, уровень провозглашаемых ценностей и уровень базовых предположений (верований). Э. Шейн изображает организационную культуру в виде айсберга, где доступной для наблюдения является лишь малая, «поверхностная», часть айсберга, а всё остальное скрыто «под водой». Уровень артефактов включает в себя такие видимые наблюдателю факты (артефакты) как здание организации, его местонахождение и архитектура, применяемые технологии (в том числе, технологии контроля), формальная организационная структура, использование пространства и времени, организационное поведение, язык, ритуалы, манера общения, истории, мифы и т.д. На этом уровне вещи и явления легко обнаружить, но сложно интерпретировать в терминах организационной культуры.

Второй уровень организационной культуры – это уровень норм и ценностей, как декларируемых, так и реально разделяемых сотрудниками. Эти ценности и представления выполняют нормативную функцию, регулируя организационное поведение. При этом реальное поведение сотрудников может не соответствовать провозглашаемым ценностям. Диагностика организационной культуры на данном уровне представляет затруднения, так как ценности не всегда артикулированы и понимаемы персоналом.

Третий, «глубинный», уровень включает верования и базовые предположения, которые не всегда осознают как рядовые сотрудники, так и руководящее

звено. Эти базовые представления принимаются на веру и слабо поддаются рефлексии. Э. Шейн пишет: «Культура как набор базовых представлений определяет, на что мы должны обращать внимание, в чем состоит смысл тех или иных предметов и явлений, какие действия следует предпринимать в той или иной ситуации. Разработав интегрированную систему таких представлений, которую можно назвать картой мира, мы будем испытывать комфорт рядом с людьми, разделяющими наше представление мира, и явный дискомфорт в тех ситуациях, когда будет действовать иная система представлений, т.к. мы не будем понимать происходящего или же, что еще хуже, будем искаженно воспринимать действия других людей и давать им ложную интерпретацию» [6, с. 40].

К глубинному уровню организационной культуры относят верования сотрудников, представления о природе времени (линейная или циклическая модели времени), об отношении к работе и личной жизни («живу, чтобы работать», «работаю, чтобы жить»), о понимании «движущей силы» происходящих жизненных событий (источник контроля над собственной жизнью может находиться внутри человека или быть внешним – «я – хозяин судьбы» или «я – заложник обстоятельств и воздействия высших сил»), об отношении к природе (подчинение природе, поиск гармонии, доминирование над природой). Чтобы понять культуру организации, необходимо исследовать уровень базовых представлений. На верования и базовые представления огромное влияние оказывает *национальная культура*, определяя наблюдаемые различия организационного поведения.

Российская модель управления

Российская деловая культура и модель управления во многом уникальны – ряд параметров и характеристик близки к западным деловым культурам, а другие ближе к восточным культурам. Исторический и социокультурный контекст придает своеобразие российской деловой культуре, которая определяет особенности организационного поведения и орга-

низационной культуры российских компаний. Большинство исследователей говорят о таких чертах российской модели управления как выраженная дистанция власти, доминирование авторитарного стиля управления в ситуации хаоса и неопределенности, опора на личные отношения, высококонтекстность, правовой нигилизм, патернализм. Согласно проекту GLOBE (Global Leadership and Organizational Behavior Effectiveness) у российского лидерства есть своя национальная специфика – высокая дистанция власти, краткосрочность ориентации, низкое избегание неопределенности, слабая ориентация в будущее, управление «методами строгого отца» [7]. Эксперты данного проекта описывают типичного российского руководителя как противоречивую личность с явно выраженным жестким авторитарным стилем поведения, обладающую способностью принимать индивидуальные решения и принимать на себя ответственность за эти решения. Лидеры действуют открыто, быстро и достаточно компетентно в нестабильной внешней среде, меньше нацелен на конечный результат деятельности, но более ориентирован на сам процесс, будучи в то же время очень внимателен к социальному статусу.

Зарубежные предприниматели и менеджеры выделяют особенности российских организаций, которые отличают их от иностранных (прежде всего, западных) компаний [8]: хаотичность организации бизнес-процессов и труда работников, неумение руководства позитивно оценивать хорошую работу персонала, ориентация на краткосрочный результат, внешний локус контроля и обвинение в неудачах не себя, а внешние обстоятельства, плохая информированность сотрудников по организационным вопросам и проблемам, дублирование функций, отсутствие четкой связи между результатом и вознаграждением.

Значительное влияние на российскую деловую культуру и модель управления оказало «маятниковое» развитие страны, т.е. периодическое изменение системы управления то в сторону усиления централизации и ограничения ис-

пользования зарубежного опыта (период «застоя»), то в сторону децентрализации и активного использования зарубежного опыта (период «реформ»). Отличительной чертой российской деловой культуры является *авральность*, умение собраться, мобилизовать все свои силы в экстремальных, кризисных ситуациях (или просто к концу квартала, года...), за неделю сделать то, что предполагалось сделать за месяц. Очень характерно поведение российского бизнеса после введения многочисленных санкций – мобилизация ресурсов, сплоченность, усиление взаимопомощи, даже появление «патриотической риторики». Авральность была свойственна и советским организациям – «пяtilетку за два года» и т.п. Авральность также часто связывают с географическими и климатическими особенностями России¹ – короткое лето, сжатые сроки уборки урожая, суровые зимы, плохие почвы и т.п. требовали от крестьян совершенства коллективных «подвигов», наваливаться всем миром (это очень хорошо отражено и в советском кинематографе). Многие зарубежные и отечественные исследователи говорят также о крайностях «русского характера»: переход от трудоголизма к безделью, от смирения к протесту. В «русском характере» сосуществуют миролюбие и воинственность, активность (готовность к риску, вера в собственные силы) и пассивность (фатализм, покорность судьбе).

У россиян особое *отношение к правовым нормам (правовой нигилизм)*, отсутствие установки строго соблюдать законы и правила (жесткость правил и законов компенсируется необязательностью их исполнения). Согласно теории Ф. Тромпенаарса и Ч. Чэмпден-Тёрнера [9] российской деловой культуре свойственен партикуляризм (обстоятельства и отношения важнее закона). Российскому бизнесу присуще доминирование *неформальных отношений в бизнесе*, очень высока роль личных связей и от-

ношений, обменов деловыми и личными услугами. В России государство является одним из главных регуляторов экономики, что во многом способствует рождению патернализма. *Отношения с властью* – это значимый фактор для успеха, так как велика зависимость бизнеса от решений власти (разрешений или запретов, порядка распределения ресурсов и льгот, квотирования и лицензирования). Российскому менеджменту свойственны *высокая степень адаптации и быстрота реакции на изменения внешней среды*. Привычка бороться за выживание, жить в постоянном напряжении порождает изобретательность и умение выходить практически из любых сложных ситуаций. Умение адаптироваться к ситуации и «правилам игры» способствует успешности деятельности российских предпринимателей как в России, так и за рубежом (ярким примером опять же является выживание российского бизнеса в условиях санкционного давления). *Повышенная склонность к риску* тоже считается характерной чертой российского менеджмента. Ситуация, в которой развивается российский бизнес, приучает предпринимателей к неизбежности повышенного риска. Зачастую масштабные проекты разворачиваются без детального планирования и подготовки. Российским предпринимателям и менеджерам свойственна достаточно большая самостоятельность в решении деловых проблем и умение брать на себя ответственность за принятые решения. Хотя на уровне населения в целом, согласно исследованиям Г. Хофштеде, определяется очень высокое избегание неопределенности и негативное отношение к риску.

Наличие высокой дистанции власти является, наверное, самой яркой и определяющей чертой российской деловой культуры. По Г. Хофштеде, Россия по данному параметру получает более 90 баллов из 100. В России доминирующий угол в отношениях между властью, бизнесом и обществом – это власть. Высокая дистанция власти проявляется в централизации, излишней зависимости подчиненных от начальника,

¹ См., например, Р. Льюис «Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию» – М.: 2011 или Смирнов Г.Н. «Российская деловая культура». – М.: 2010.

ожидании указаний от начальства, авторитарности власти, в значительной дифференциации заработной платы между уровнями иерархии, а также в послушании, смирении подчиненных перед руководством (боязнь высказывания собственного мнения, не совпадающего с мнением начальства) [10].

Заключение

Современные российские организации функционируют совсем в иной среде, нежели советские организации. Жесткая конкуренция, зависимость от рынка и клиентов, нестабильность внешней среды и др. заставляют современные компании быть гибкими, адаптивными, эффективными, быстро реагировать на внутренние и внешние вызовы. Советские организации функционировали в стабильной среде, где были понятны требования и к поведению персонала, и к модели управления, где сформировалась особая трудовая этика. Отношения в советской организации подразумевали коллективизм, наставничество и передачу опыта, взаимопомощь и поддержку друг друга, ответственность за общий результат, соблюдение норм трудовой дисциплины, формирование благоприятного морального климата. Воспитание в советский период подразумевало формирование особого типа человека – «советского человека» – для которого общее благо важнее частного, для которого важно созидание, самопожертвование, труд, служение Родине, который не боится трудностей, не спорит с руководством и т.п. Рассматривая организационную культуру советских предприятий и учреждений, можно отметить в качестве доминирующих характеристик высокую дистанцию власти, коллективизм, стремление избежать неопределенности, важность межличностных отношений, длительные гарантии занятости. Большинство организаций можно было отнести к иерархически/клановой организационной культуре.

Современные компании тяготеют к другим типам организационной культуры – рыночному, адхократическому, но клановые и иерархические типы так-

же сохраняются (особенно в государственных организациях). Ряд параметров деловой и организационной культуры в современных компаниях остаются схожи с советскими организациями – высокая дистанция власти, избегание неопределенности (на уровне персонала в целом, менеджеры же более спокойно воспринимают неопределенность и изменения), высококонтекстность, диффузность (важность межличностных отношений и размывание границ между работой и другими частями жизни). По другим параметрам организации явным образом претерпели изменения: большинство исследований показывают отход от коллективизма в сторону индивидуализма, атомизации, формально-деловых отношений, усиливается конкуренция внутри организации, снижается ощущение безопасности в связи с отсутствием гарантий длительной занятости, ощущим поворот к более жесткой маскулинной (по Г. Хофштеде) культуре, выраженной является ориентация на краткосрочный результат (слабая ориентация в будущее), на принятие индивидуальных управленческих решений (умение брать на себя ответственность за принятые решения).

Литература

1. Социальная инженерия. В 2-х ч. Часть 1. Теоретико-методологические проблемы: курс лекций – М.: Союз, 1994.
2. Управление человеческими ресурсами. В 2 ч. / Учебник под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. – М.: Юрайт, 2016.
3. Deal T., Kennedy A. Corporate Cultures. The Rites and Rituals of Corporate Life. London: Addison-Wesley, 1982
4. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб: Питер, 2001.
5. Виртуальные русские и их экономические реалии: коллективная монография / под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова, А.В. Маркеевой – М: Издательство у Никитских ворот, 2019
6. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. Пер. с англ. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2013

7. GLOBE 2020 // <https://www.globe-project.com/> (дата обращения: 05.08.2022)
8. Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организацией – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007
9. Тромпеннарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. 4 типа корпоративной культуры/ пер. с англ. – Минск, Попурри, 2012
10. Гавриленко О.В. Россия между западом и востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2014, № 3, С. 56–70

ORGANIZATIONAL CULTURE AND LABOR ETHICS IN SOVIET AND RUSSIAN ORGANIZATIONS: CONTINUITY AND DIFFERENCES

Gavrilenko O.V.

Lomonosov Moscow State University

Over the last hundred years, Russia has witnessed the transformation of organizations (State and commercial), their organizational culture, management models, values, work attitudes, labor ethics etc. It is possible to diagnose both similarities and differences between organizations of the Soviet period and modern in a number of parameters that are used in classical models of diagnostics of organizational and business cultures. Soviet organizations were characterized by collectivism, high distance of authority, priority of general over private, centralization of power and responsibility, importance of interpersonal relations, attitude to personnel as «screw», long-term employment of personnel, domination of intangible incentives. Some elements of the «Soviet» organizational culture are preserved in modern Russian organizations, giving a certain «tone» to the Russian business culture. Today's challenges from the external environment require a change in the or-

ganizational culture of modern companies from traditional clan-hierarchical, dominant during the Soviet period, to market or ad hoc cultures, the core values of which are competitiveness (including by increasing internal competition between employees or departments), efficiency, enterprise, aggressiveness, individualism.

Keywords: business culture, labor ethics, management model, organizational culture, social engineering, staff commitment and involvement.

References

1. Social engineering. In two parts. Part 1. Theoretical and methodological problems: course of lectures. M.: Soyuz, 1994. (In Russia)
2. Human Resource Management. / ed. by S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M.: Juryt, 2016. (In Russia)
3. Deal T., Kennedy A. Corporate Cultures. The Rites and Rituals of Corporate Life. London: Addison-Wesley, 1982.
4. Cameron K., Quinn R. Diagnosing and Changing Organizational Culture. SPb: Peter, 2001. (In Russia)
5. Virtual Russians and their Economic Realities: Collective Monograph / Ed. by S.A. Barkov, V.I. Zubkov, A.V. Markeev. M.: Publishing house at the Nikitsky Gate, 2019. (In Russia)
6. Shein E. Organizational Culture and Leadership. SPb.: Peter, 2013. (In Russia)
7. GLOBE 2020 // <https://www.globe-project.com/> (accessed: 05.08.2022)
8. Krasovskiy Y.D. Socio-cultural bases of business organization management. M.: UNITI-DANA, 2007. (In Russia)
9. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Four types of corporate culture. Minsk, Popurri, 2012. (In Russia)
10. Gavrilenko O.V. Russia between West and East: Organization, Culture, Management Practices and Relations of Inequality // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2014, 3. P. 56–70. (In Russia)

Экспертные коммуникации антикризисного управления

Силивеев Илья Михайлович,

преподаватель кафедры общегосударственных и общеспециальных правовых дисциплин Восточносибирского филиала Российского государственного университета правосудия
E-mail: siliveev@list.ru

В статье обосновывается необходимость экспертных коммуникаций при антикризисном управлении. Выявляются закономерности социального развития, способствующие эффективному антикризисному управлению. Приводятся результаты экспертного интервью антикризисных управляющих, оценивающих социальные эффекты, проблемы, риски, перспективы развития антикризисного управления и формирования новых стилей и форм социального управления.

Ключевые слова: антикризисное управление, экспертные коммуникации, социальное моделирование, общественное развитие, новые стратегии, управление, социология управления.

Современный мир усложняется. Стратегии эффективного управления, приемлемые в XX веке и ранее уже не работают, так как они опирались на один тип сознания (как руководителей, так и подчиненных), сейчас ситуация принципиально иная. Добиваются успеха (читай – используют эффективные управленческие решения), не те, кто много знает истории управления, методик системного менеджмента, а те, кто готов старые методики подвергать критике, конструктивно моделировать, выстраивая принципиально новую систему управления. Благодаря этому выстраивается новая система социального моделирования в сфере управления.

В этих процессах социальные связи и экспертные коммуникации играют ключевую роль. Так как помогают выстроить прозрачную модель обмена опытом, учитывать опыт коллег / конкурентов, достижения теоретиков и апробации практиков, использовать новаторские схемы управления, применимые в разных областях.

Особое пространство для отработки эффективных моделей и стилей управления находится в поле антикризисного управления. Антикризисное управление на предприятии начинается тогда, когда традиционная система управления перестает работать и это может выражаться как сложностях в производстве товаров или услуг, невозможности конкурировать выпускаемой продукцией или услугами с аналогичными, преградами в выплате заработной платы и социального обеспечения сотрудников и т.д.

Антикризисное управление может привести либо к ликвидации предприятия (при легитимном соблюдении прав сотрудников и обязанностей руководства, выполнении обязательств перед контрагентами и т.д.). Либо, антикризисное управление приводит к трансформации предприятия, выхода на новый уровень (обновления технического

и кадрового обеспечения, оптимизации процессов управления, выполнении старых обязательств и начале нового этапа развития).

Поэтому, мы можем говорить о необходимости конструирования пространства экспертных коммуникаций для формирования новых моделей социального управления. Так как эти процессы касаются не только сферы экономики и управления, но и психологии, так как зависят от восприятия, установок и оценок людей, от социологии, так как не одинаково реализуются в разных социальных группах и сообществах (объединённых в одно предприятие или проживающих в одном городе, регионе или стране).

Теоретическая основа исследования

Социально-экономический подход опирается на изменения в социальном устройстве, работе новых экономических закономерностей и взаимосвязей, способствующих изменению формы, качества, длительности, территориального нахождения при выполнении своих профессиональных обязанностей.

Информационно-технологический подход обусловлен появлением новых технологических и технических условий, качественному скачку научно-технического прогресса в начале XXI века, что привело к формированию новой среды для информационного и технического, а также технологического прорыва не только науки, но и основных бытовых сфер жизни.

Социокультурный подход предполагает учет новой волны миграционных процессов по всему миру, которые приводят в том числе и к социокультурному взаимодействию на новом уровне, что меняет оценку повседневного опыта, личные горизонты и ориентиры социального воспроизводства. Социокультурный подход связывает воедино разные стили антикризисного управления в сложных ситуациях.

Деятельностный подход опирается на наукоёмкости новых управленческих решений, определяется продуманным и последовательным внедрением, с кри-

тическим осмыслением и корректировкой на всех этапах принятия управленческих решений, с регулярной проверкой эффектов воздействия на социум и тем самым выбора оптимального управленческого вектора (с соблюдением этики, норм корпоративной культуры, принципов гуманизма и т.д.).

Социально-конструктивистский подход раскрывает условия и структуры конструирования новых моделей взаимодействия из-за возникновения принципиально новых форм социальных коммуникаций. Глобализация и виртуализация общества создали новые рамки развития для социальных институтов и поэтому конструируются новые формы, модели и методы управления и социального управления в том числе.

Сетевой подход характеризуется выходом на новый уровень социального взаимодействия через процессы цифровизации, которые позволяют более точно контролировать сотрудников (начиная от видеокamer, заканчивая следящими трекерами, отслеживающими не только место пребывания, частоту пульса, давление и температуру, но и то, на что направлена деятельность отдельного человека или целой социальной группы).

На основе выделенных нами подходов, мы сформулировали принципы развития новых управленческих решений: принцип эволюции, принцип системности, принцип взаимосвязи, принцип взаимодополнения, принцип множественности вариантов решения. На основе выделенных принципов, выделяются факторы, способствующие социальному моделированию общественных процессов в условиях антикризисного управления:

- фактор *социального капитала* (имиджа, репутации, публичности) как руководителя (лидера), так и целой организации, занимающейся антикризисным управлением;
- фактор *креативного прорыва*, способного создать не очевидные варианты решения проблемных ситуаций и угроз;
- фактор *социального моделирования*, помогающего апробировать разные

методы и модели управления в локальных условиях.

В этих процессах важным моментом выступают общественные настроения, как социальные установки и формы социального взаимодействия (Р.Г. Ардашев [1,2], О.А. Кармадонов [3]), управленческие опыты антикризисного управления (Л.П. Максакова [4], Ю.М. Осипов [5], О.А. Полюшкевич [6,7,8], Е.В. Шевчик [16]), особенности использования человеческого капитала (А.Н. Пружинин [9,10]), а также собственно социальные эффекты, стереотипы и общественная оценка антикризисного управления в работах автора (И.М. Силивеев [11–15]).

Особенности исследования

В 2022 году мы провели экспертный опрос среди антикризисных управляющих (n=35), в возрасте от 28 до 68 лет, занимающихся антикризисным управлением от трех лет и проживающих в таких городах как Иркутск, Якутск, Красноярск, Новосибирск, Челябинск, Хабаровск, Улан-Удэ. Среди них 70% мужчины и 30% женщины, 40% имеют юридическое образование, 30% экономическое, 20% управленческое и 10% другое.

Опрос проходил в виде полуструктурированного интервью длительностью 1,5–2 часа. Гайд вопросов был заранее отправлен участникам. Сам опрос проводился в программе zoom.

Обсуждение результатов исследования

Первым элементом реализации антикризисного управления, по мнению экспертов, выступают социальные эффекты. Интересным является тот факт, что социальные эффекты рассматриваются с разных сторон и формируют целую палитру социальной инфраструктуры, которая задействуется и реализуется в процессе антикризисного управления.

Социальные эффекты территориально-экономического развития. А именно – вывод предприятий из кризиса, сохранение рабочих мест, восстановление производства товаров и услуг. Или же реорганизация предприятий через их деление на два независимых, самосто-

ятельно функционирующих и обеспечивающих себя.

Экономика региона в результате только в выигрыше находится, когда в процессе антикризисного управления, удастся сохранить предприятие, ликвидировать долги, организовать новую структуру управления, возможно, и новое производство. Это креативные решения антикризисного управляющего и его команды, но помогающие не просто одному предприятию, а целому городу или даже региону остаться рычагом территориального развития. (С.В., антикризисный управляющий, Новосибирск, 45 лет).

Территориальное развитие опирается на разные механизмы экономического потенциала и управленческих решений. Недаром говорят, что рыба гниет с головы – порой достаточно поменять руководство, чтобы появились новые варианты развития, укрепления как предприятия, так и территории в целом. (Н.Г., антикризисный управляющий, Якутск, 53 года).

Социальные эффекты инфраструктурного взаимодействия. Эффективное антикризисное управление сохраняет возможность внутреннего и внешнего обмена, социальной динамики как на экономическом, так и на социально-бытовом уровне. Например, сохранение градообразующего предприятия в результате реструктуризации в процессе антикризисного управления приводит к сохранению функционирования больниц, школ, детских садов, спортивных комплексов, находящихся на балансе этого предприятия, обеспечивающих доброй половине жителей города как работу, так и возможность получать услуги по обучению детей, лечению детей и взрослых, поддержанию здоровья жителей города в результате спортивной деятельности и т.д.

У меня в практике было несколько крупных проектов антикризисного управления в моногородах. Я прямо физически чувствовал, что, если не смогу придумать схемы выхода из кризиса управления, не только предприятие рухнет, город станет городом-призраком,

прямо как в 90-е пустыли города... так вот – это был страшный сон для меня практически год, сколько мы занимались этим проектом. И смогли вырвать, что удивительно, занимаясь одним предприятием, попутно создали инфраструктуру для малого и среднего бизнеса, повысили социальную активность граждан. Так что, я и моя команда не просто антикризисные управленцы, но и активные гражданские активисты, так как для решения проблем, использовали и социальную рекламу, и привлечение инвестиций через участие в федеральных и региональных программах, причем сами писали проекты. И предприятие устояло, инфраструктуру сохранили, да еще создали задел для будущего воспроизводства социальной ресурсности и человеческого потенциала. (Л.А., антикризисный управляющий, Челябинск, 65 лет).

Сложно банкротить или пытаться спасти градообразующие предприятия, поскольку помимо экономического коллапса наблюдается социальный, человеческий. Так как если не удастся спасти то, что можно спасти – всегда пострададут рядовые жители города, потеряв рабочие места, потеряв возможность обеспечивать себя и семью. А параллельно с этим закрываются и не профильные предприятия (поликлиники и больницы, школы искусств и спортивные клубы) и по сути понимаешь, что фактически убиваешь будущее у детей, чьи родители работали на этом предприятии. Не раз себя на этом ловил. Но тем интереснее для меня задача, не просто легально все разрушить и распродать, а именно оптимизировать и предложить новый экономический эффект социального развития, подарив будущее городу и его жителям. (С.А., антикризисный управляющий, Красноярск, 52 года).

Социальные эффекты человеческого капитала и человеческого воспроизводства. Если использовать традиционную, формальную процедуру банкротства, то по факту человеческие ресурсы минимизируются и оптимизируются. Но системность антикризисного управления определяется эффективностью тогда,

когда имеющиеся человеческие ресурсы начинают иначе работать (буквально: более эффективно, более продуктивно, принимают другие решения, обучаются новым стандартам и прочее).

Я, как человек с опытом, понимаю, что кадры решают все. И самое простое что можно сделать – это всех уволить. Но не факт, что найдешь лучше. Поэтому, надо понимать, что каждому можно поручить, где его личная зона некомпетентности, а где пространство суперпрофессионала. И соответственно, задачи давать в той сфере, где он профессионал. Да, это требует времени, но зато и результат качественно другой – человеческие ресурсы сохраняются, усиливается их потенциал и конкурентоспособность. Только благодаря перераспределению трудовой нагрузки меняются шансы на выход из кризиса для любого предприятия. (О.Б., антикризисный управляющий, Иркутск, 56 лет).

Человеческие ресурсы восполнить нельзя. Поэтому, если стоит задача сохранения предприятия, то первое, что стоит сохранить – это профессионалов. Зачастую это касается работы по их мотивации, социальному обеспечению, социальному взаимодействию в новых условиях. Не делая этого, сохранить предприятие невозможно, так как полный штат в компанию, которая не стабильна набрать практически не реально, а вот сохранить старый – очень даже работающая технология. (Н.Н., антикризисный управляющий, Якутск, 34 года).

Следующим блоком, который выделили эксперты были проблемы. Проблемы также нескольких типов.

Первый тип проблем – противоречивость или неочевидность стратегических управленческих решений различных социальных институтов (власть, бизнес, НКО). Зачастую, несогласованность решений разных органов власти приводит к недопониманию и торможению реализации управленческих решений. Например, при банкротстве муниципальных предприятий – задача банкротства и сохранения предприятия путем изменения управления, привлечения инвестиций, реструктуризации и проч.

Работая с государственными или муниципальными предприятиями, я неоднократно сталкивался с тем, что нас заводят для банкротства, а в процессе – решения органов власти меняются и вместо ликвидации перед нами стоит задача восстановления предприятия. И как сами понимаете, это разные решения, разные стили и формы организации работы. И приходится подстраиваться в процессе работы, что занимает много сил. (Т.Т., антикризисный управляющий, 44 года, Улан-Удэ).

Предприятия, которые требуют антикризисного управления, но при этом находящиеся в долевой собственности между частным и государственным капиталом, на мой взгляд, самые трудные и проблемные. Государственно-частное партнерство только на бумаге хорошо выглядит, на практике, особенно когда имеются управленческие, экономические, технологические проблемы – принимать принципиально новые решения, способные спасти предприятие и людей, там работающих, при этом не ущемив интересы ни частных и государственных собственников практически невозможно. И это особая линия переговоров, подготовки легитимности принимаемых решений, которые бы не противоречили уже имеющимся нормам и могли эффективно вывести предприятие на новый уровень. (С.В., антикризисный управляющий, Новосибирск, 38 лет).

Второй тип проблем – отсутствие легитимного нормативного подкрепления действий антикризисных управляющих, действующих на основе общих принципов антикризисного управления. Но правовые казусы и противоречия выступают одним из главных моментов, через которые можно оспорить решения антикризисного управляющего.

Работая с каждым отдельным предприятием – необходимо подкреплять это своей особой нишей нормативно-правового регулирования. И сложности здесь в том, что в России не совершенное законодательство, есть множество законов и подзаконных актов, противоречащих конституции. Важно понимать – чем, как и когда можно воспользоваться

чтобы эффект от антикризисного управления был значимым и могут успешно вывести предприятие из кризиса. (Т.А., антикризисный управляющий, Красноярск, 33 года).

Антикризисный управляющий действует зачастую на свой страх и риск, так как в законодательстве полно противоречий, новых и старых каузальных ловушек и тут важно быть на чеку – что можно использовать, на что стоит опираться, а какие нормативные акты стоит обходить стороной. Это приходит с опытом, но я по первости совершил множество промахов именно в этом ключе. (Д.Е., антикризисный управляющий, Хабаровск, 37 лет).

Следующим блоком, в ответах экспертов стали перспективы развития антикризисного управления как системы и стратегии социального развития. То, что делают антикризисные управляющие является по факту – управленческим прорывом в социальной инженерии и социальном моделировании управленческих процессов. Этот опыт может стать новой вехой в развитии управления как такового.

Первая перспектива – это перспектива научного обоснования деятельности антикризисного управляющего.

Без научных экспериментов, имеющих обоснование, объяснение, логику нельзя представить развитие антикризисного управления как социального явления. Потому что интуитивный опыт, уникальные управленческие решения не могут быть легитимными, если не получили научного обоснования. Такова логика науки, поэтому социология управления может, используя эмпирические управленческие решения строить новые схемы социального управления в целом. (О.А., антикризисный управляющий, Иркутск, 30 лет).

Наукомерность – это критерий обоснованности принимаемых решений. Без теоретического осмысления и эмпирического подтверждения, принятые управленческие решения и ходы ничего не стоят. Поэтому, без ученых, изучающих не только экономические эффекты от управленческих решений, но и затра-

гивающие социальные показатели (социологи), психологическое самочувствие работников или населения (психологи) нельзя говорить о легитимности антикризисного управления. (Д.Д., антикризисный управляющий, Улан-Удэ, 29 лет).

Вторая перспектива – это перспектива формирования социального института антикризисного управляющего.

Антикризисное управление как независимый социальный институт – это перспектива развития новых моделей и методов социального моделирования и прогнозирования. Кризисы есть во всем, везде и всегда. Задача находить инструменты их решения и антикризисное управление как системный институт может это делать на системном уровне. (С.Я., антикризисный управляющий, Челябинск, 40 лет).

Антикризисное управление – это уже отработанная практика социального моделирования. Поэтому, следующий шаг его развития – это формирование социального института антикризисного управления. (М.А., антикризисный управляющий, Хабаровск, 46 лет).

Третья перспектива – формирование новых стилей и форм социального управления.

Антикризисное управление как проблемная зона априори порождает нетипичные формы и стратегии управления, что приводит к комплексу новых управленческих решений. Они вполне могут стать основой для новой науки принятия решений в условиях кризиса. Более того, новые стили управления не насаждаются сверху, а являются решением конкретных кейсов, реальных предприятий, нуждающихся в новых стилях управления, новых стилях мышления. (Р.Ю., антикризисный управляющий, Красноярск, 38 лет).

Без новых методов принятия решений, новых стилей управления, наверное, нельзя представить антикризисное управление. Поэтому, сама практика порождает новый формат регулирования и развития социальных коммуникаций, социального моделирования и общественного воспроизводства.

Итак, экспертное сообщество, в лице антикризисных управляющих обозначи-

ло основные эффекты, проблемы, риски и перспективы развития антикризисного управления. На наш взгляд, обозначенные сферы и векторы развития являются очень вероятными, хотя требуют детализации и углубленного изучения.

Выводы

Таким образом, выделенные экспертами социальные эффекты (территориально-экономического развития, инфраструктурного взаимодействия, человеческого капитала и человеческого воспроизводства), риски (противоречивость или неочевидность стратегических управленческих решений различных социальных институтов и отсутствие легитимного нормативного подкрепления действий антикризисных управляющих), а также перспективы развития антикризисного управления (научного обоснования деятельности и формирования социального института антикризисного управляющего, а также формирования новых стилей и форм социального управления позволяют очертить общий круг вопросов социального моделирования антикризисного управления, существующих на данный момент общественного воспроизводства).

Через принципы социологии управления и социальной антропологии управления, переосмысленные в новых социально-исторических условиях общественного развития, можно говорить о новой социальной парадигме управления. Это требует продолжительного лонгитюдного мониторинга процессов и механизмов, условий и задач антикризисного управления в новых условиях общественного развития.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
2. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
3. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как ус-

- ловие и фактор социальной конъюнкции // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.
4. Максакова Л.П. «Антикризис». Сценарий // *Ямальский вестник*. 2018. № 3 (13). С. 21–34.
 5. Осипов Ю.М. Российский антикризис как насущная актуальность (Семь значимых тезисов) // *Философия хозяйства*. 2014. № 6 (96). С. 9–12.
 6. Полюшкевич О.А. Введение в социальную антропологию управления. Учебное пособие / Иркутск, 2012. 124 с.
 7. Полюшкевич О.А. Социальное управление через призму норм // *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы*. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 195–199.
 8. Полюшкевич О.А. Управление конфликтами через просоциальные практики // *Глобальные и региональные взаимодействия в системе современных обществ*. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 265–267.
 9. Пружинин А.Н. Моделирование развития человеческого капитала в современном бизнесе // *Социология*. 2022. № 2. С. 59–68.
 10. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) // *Социология*. 2021. № 3. С. 114–125.
 11. Силивеев И.М. Представления горожан об антикризисном управлении // *Цивилизационные сдвиги в развитии современного города*. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 436–440.
 12. Силивеев И.М. Проявление консолидационных начал в антикризисном управлении в процедурах несостоятельности (банкротства) // *Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы*. материалы VII Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 314–318.
 13. Силивеев И.М. Социальная необходимость антикризисного управления и общественное развитие // *В поисках социальной истины*. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 297–300.
 14. Силивеев И.М. Социальное напряжение при реализации антикризисного управления // *Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке*. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 466–469.
 15. Силивеев И.М. Социальные эффекты антикризисного управления в виртуальном пространстве // *Социальная реальность виртуального пространства*. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 191–193.
 16. Шевчик Е.В. Управление инфраструктурными коридорами развития как антикризис // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2016. № 4 (56). С. 92–97.

EXPERT COMMUNICATIONS OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT

Siliveev I.M.

Russian State University of Justice

The article substantiates the need for expert communications in anti-crisis management. Regularities of social development that contribute to effective anti-crisis management are revealed. The results of an expert interview of anti-crisis managers who assess social effects, problems, risks, prospects for the development of anti-crisis management and the formation of new styles and forms of social management are given.

Keywords: anti-crisis management, expert communications, social modeling, social devel-

opment, new strategies, management, sociology of management.

References

1. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2021. No. 12. S. 85–90.
2. Ardashev R.G. Features of the development of the consciousness of citizens in a pandemic society // *Sociology*. 2022. No. 1. S. 79–86.
3. Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. 2021. V. 46. No. 3. S. 605–609.
4. Maksakova L.P. "Anti-crisis". Scenario // *Yamal Bulletin*. 2018. No. 3 (13). pp. 21–34.
5. Osipov Yu.M. Russian anti-crisis as an urgent topicality (Seven significant theses) // *Philosophy of economy*. 2014. No. 6 (96). pp. 9–12.
6. Polyushkevich O.A. Introduction to the social anthropology of management. Textbook / Irkutsk, 2012. 124 p.
7. Polyushkevich O.A. Social management through the prism of norms // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 195–199.
8. Polyushkevich O.A. Conflict management through pro-social practices // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. S. 265–267.
9. Pruzhinin A.N. Modeling the development of human capital in modern business // *Sociology*. 2022. No. 2. S. 59–68.
10. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) // *Sociology*. 2021. No. 3. S. 114–125.
11. Siliveev I.M. Representations of citizens about anti-crisis management // Civilization shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2021, pp. 436–440.
12. Siliveev I.M. The manifestation of consolidation principles in anti-crisis management in insolvency (bankruptcy) procedures // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. materials of the VII International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 314–318.
13. Siliveev I.M. Social necessity of anti-crisis management and social development // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021. S. 297–300.
14. Siliveev I.M. Social Tension in the Implementation of Anti-Crisis Management // Spaces of Social Tension and Strategic Consensus Interactions in the 21st Century. collection of scientific papers. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020. S. 466–469.
15. Siliveev I.M. Social effects of anti-crisis management in virtual space // Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. S. 191–193.
16. Shevchik E.V. Management of infrastructural corridors of development as an anti-crisis // *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2016. No. 4 (56). pp. 92–97.

Направления решения проблемы безработицы выпускников вузов: социологический анализ

Албаков Ислам Умарович,

Аспирант, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: zlatogl_@mail.ru

Статья посвящена проблеме безработицы выпускников вузов. Автор приводит статистические данные по уровню безработицы за последний год. Автором представлены результаты опроса выпускников вузов города. Проблема безработицы выпускников вузов рассматривается как одна из составляющих социально-экономических проблем. Автором статьи уделяется внимание причинам и факторам, которые оказывают влияние на уровень занятости молодых специалистов, среди которых пандемия коронавируса, конфликт на Украине, социальные и экономические факторы, а также существующая система образования. По результатам исследования выявлены основные тенденции в трудоустройстве выпускников высших учебных заведений, определены проблемы, требующие решения. В статье описаны возможные направления работы по стабилизации ситуации с безработицей выпускников вузов, а также комплекс мер, направленных на трудоустройство молодых специалистов.

Ключевые слова: социальная проблема, проблема безработицы, безработица молодежи, безработица выпускников вузов, решение проблем безработицы.

Введение. Занятость и безработица – это концепции, которые объясняют производственные структуры экономики, их отраслевое развитие, региональное и национальное развитие, активные и неактивные человеческие ресурсы в зависимости от различных факторов. Эти концепции относятся к числу важнейших проблем всех стран от прошлого до настоящего. Таким образом, занятость и уровень безработицы являются главными проблемами, с которыми приходится бороться как развитым, так и развивающимся странам. Занятость и безработица были важными вопросами в экономической литературе в течение многих лет и рассматривались как важные индикаторы для реального сектора.

Увеличение занятости и сокращение безработицы позволяют повысить социальное благосостояние, а также экономическое благосостояние. Чтобы повысить социальное и экономическое благосостояние за счет использования различных инструментов политики в области занятости, время от времени на рынке труда предпринимаются интервенции. Такие вмешательства поддерживаются множеством секторов.

Цель данной статьи – изучение проблемы безработицы выпускников вузов и путей решения проблемы.

Основная часть. По данным Всемирного банка, рост мирового уровня безработицы с 4,8% до 6,5% за последние 30 лет (1991–2020 гг.) Показывает, насколько велика эта проблема, и может быть ведущим индикатором возможного кризиса, который может произойти в мире.

Анализ рынка труда в целом по России и по отдельным регионам позволяет утверждать о наличии существенного несоответствия количества и качества предлагаемой рабочей силы реальным потребностям экономики. Низкий уровень официальной безработицы, пу-

бликуемый в статистических изданиях, не является показателем благоприятной ситуации на российском рынке труда.

Меры, предпринятые правительством по регулированию данного рынка, создают лишь внешнюю картину благополучия: работодатели поставлены в условия, когда выгоднее становится сохранять избыточную рабочую силу, способствуя тем самым распространению неэффективной занятости.

Решение о получении университетского образования принимается, так как молодые люди рассчитывают получить в процессе обучения полезные знания и навыки, которые повысят их привлекательность на рынке труда.

Особое место занимает проблема безработицы молодежи, в частности выпускников вузов. Обусловлена проблема недостатками системы профессионального образования, где учреждения образования не успевают за трансформационными процессами рынка труда, наблюдаемых в современности.

Безработица выпускников воспринимается как падающая отдача от инвестиций страны в высшее образование. Безработица выпускников по-прежнему остается глобальной проблемой. Согласно годовому отчету Международной организации труда, доля молодых выпускников, которые трудоустраиваются сразу после получения диплома о высшем образовании, по-прежнему снижается.

Большая часть безработных в России относится к возрастной группе от 20 до 24 лет (611 тысяч безработных) в 2021–2022 годах. Возрастная группа 25–29 лет находится на втором месте по численности безработных (556 тысяч человек) [1]. Если просуммировать общую категорию молодого поколения по численности безработных, то получится 1,282 млн человек.

Для определения уровня безработицы выпускников вузов города Москва на городских страницах в социальных сетях был проведен онлайн-опрос. В опросе приняли участие 732 выпускника вузов в возрасте от 20 до 27 лет. В результате опроса выявлено, что 50% выпускников трудоустроились по специ-

альности в первый год после выпуска, 10% находятся в поиске работы в течение года после получения диплома, 13% трудоустроены не по специальности, 17% работают в формате удаленной занятости или фриланс, 6% находятся в поиске другой работы; 4% вынуждены совмещать работу в нескольких местах из-за невысокой оплаты труда.

Среднее время на поиск работы у опрошенных составил два месяца. Основными источниками трудоустройства выпускников являются интернет-сайты по трудоустройству (78%), знакомства (9%), предыдущее место практики (3%), ярмарки работодателей (4%), другое (6%).

На проблему трудоустройства выпускников высших учебных заведений влияют следующие факторы и обстоятельства:

- неудовлетворенность выпускниками текущего уровня оплаты труда, предлагаемой рынком;
- новые технологии, такие как системы автоматизации, также влияют на безработицу, поскольку они переводят деятельность из ручной системы в машинную;
- высокая конкуренция на рынке труда и как следствие трудоустройство не по полученной специальности;
- режим самоизоляции в период пандемии COVID-19. Точно так же безработица является глобальной проблемой, на безработицу среди выпускников также влияют глобальные проблемы;
- национальные модели занятости, уровень участия частного капитала в инвестициях и нормативно-правовая база, которые сами по себе влияют на создание и доступность рабочих мест;
- закрытие предприятий и организаций в период проведения специальной операции в Украине;
- частое несоответствие программ обучения вузов с фактически необходимыми знаниями, умениями и навыками на реальном рабочем месте – в высшем образовании основное внимание должно уделяться тому, как лучше подготовить студентов к неопределенностям, изменениям и про-

блемам, с которыми они столкнутся на протяжении всей своей карьеры. Важно помнить, что возможность трудоустройства – это способность человека адаптироваться к профессиональным требованиям и текущей динамике новых рынков труда, и она напрямую связана со способностью находить и поддерживать возможность трудоустройства.

- перенасыщение рынка труда определенными специалистами;
- несоответствие между стремлениями выпускников, требованиями к работе и имеющимися возможностями;
- динамичные технологические изменения и кризис концепции труда в высокоразвитом обществе;
- формальный подход к прохождению производственных практик;
- отсутствие программ обучения на рабочем месте для молодых сотрудников;
- стереотипное мышление работодателей по отношению к молодым специалистам – выпускников вузов воспринимают как неопытных низкоквалифицированных сотрудников;
- снижение репутации многих профессий и позиций у российской молодежи в целом, обусловленные социальными процессами, происходящими в современном обществе.

Кроме того, отсутствие навыков межличностного общения у выпускников усложняет их шансы на трудоустройство, ограничивая их результаты на собеседованиях и занимаемые ими должности. Работодатели ценят концептуальную основу высшего образования, опыт и интеллектуальный подход к работе, подчеркивая необходимость решения проблемы отсутствия у выпускников социальных навыков.

Следует отметить, что с наибольшими сложностями в трудоустройстве сталкиваются лица, нуждающиеся в особом режиме и условиях работы, – выпускники инвалиды. Наличие ограничений, связанных с проблемами со здоровьем, усугубляют сложности, связанные с поиском места работы после окончания высшего учебного заведения.

С целью решения актуальных проблем, которые приводят к росту молодежной безработицы в России необходимо активное участие государства. Его задача – обеспечение роста конкурентоспособности на рынке труда, чтобы молодежь являлась конкурирующим элементом в сравнении с трудовыми ресурсами других возрастных категорий.

Анализ научно-педагогической литературы показал, что при достаточной разработанности вопросов, затрудняющих вхождение молодых людей в трудовую деятельность, для дальнейшего изучения остается востребованной проблема формирования культуры трудоустройства выпускников вузов, решение которой определяет преодоление противоречия между традиционными целевыми ориентирами узкопредметного содержания профессиональной подготовки студентов и недостаточной актуализацией потенциала деятельности отделов трудоустройства выпускников с позиции реализации внеучебной программы формирования культуры трудоустройства студентов, определяющей оптимальные пути прогнозирования профессионального будущего и карьеры молодых людей с учетом смысловых ориентиров: фасилитации (своевременная помощь в движении по избранной траектории оптимального трудоустройства), субъектности (активизация субъектной позиции самоопределяющихся молодых людей), партнерства (выстраивание продуктивного социального партнерства с работодателями) [2,3].

Основными путями решения проблемы трудоустройства выпускников вузов могут следовать:

- законодательно закреплённая квота, процент ежегодного трудоустройства выпускников вузов в организации и предприятия;
- своевременная адаптация учебных программ высшего профессионального образования в соответствии с требованиями работодателей – основной причиной безработицы является несоответствие навыков молодых специалистов и требований работодателей;

- более тесное взаимодействие вузов с предприятиями и организациями – отсутствие сетей сотрудничества между высшими учебными заведениями и нанимающими работодателями является одной из причин, способствующих росту безработицы среди выпускников;
- необходимо уделять больше внимания качеству университетского и образования, которое должно быть направлено на компетенции и навыки, которые студенты приобретают за годы обучения. Должна быть связь между подготовкой кадров и потребностями общества.

Необходимо четко определить, что необходимо предприятиям и работодателям для достижения целей обучения. Обучение в вузах и колледжах должно быть практичным, избегая ситуации, когда после выпуска студенты еще имеют лишь определенный объем теоретических знаний, но не знают, как их применять;

- улучшение инвестиционного климата и ведение бизнеса помогут не только в создании рабочих мест, но и в устранении прошлых неудач и недостатков в привлечении инвестиций, что имеет ключевое значение для создания рабочих мест;
- во многих литературе, посвященной возможностям трудоустройства выпускников, говорится о необходимости наличия у выпускников дополнительных качеств, компетенций и навыков помимо знаний по предмету или направлению подготовки. Следует уделять больше внимания навыкам, качествам и компетенциям как факторам, влияющим на возможность трудоустройства выпускников, особенно в условиях нестабильности;
- вклад высших учебных заведений в содействие трудоустройству выпускников становится все более важным. Учитывая недавнюю конкуренцию на рынке труда, навыки трудоустройства становятся все более важными для выпускников университетов, и высшие учебные заведения обязаны предоставлять своим сту-

дентам лучшее образование и программы, чтобы способствовать экономическому росту и благосостоянию общества.

- помощь в трудоустройстве выпускникам, имеющим инвалидность.

Заключение. Таким образом, безработица выпускников вузов является глобальной проблемой, требующей комплексного подхода. В решении проблем безработицы должны быть задействованы потенциальные работодатели, вузы, выпускники и государство.

Литература

1. Баландина, Н.Г. Особенности и характеристика молодежной безработицы в России / Н.Г. Баландина, Д.А. Кирюшкина // Вектор экономики. – 2022. – № 6(72). – EDN OEHYSK.
2. Лузгина, Ю.В. Молодёжная безработица: проблемы и пути решения / Ю.В. Лузгина, Д.И. Панин // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 6. – С. 120. – EDN YRRQQP.
3. Пак Л. Г., Каменева Е.Г., Кочемасова Л.А. Формирование культуры трудоустройства выпускников вузов // Перспективы науки и образования. 2021. № 6 (54). С. 172–191. doi: 10.32744/pse.2021.6.12

DIRECTIONS FOR SOLVING THE PROBLEM OF UNEMPLOYMENT OF UNIVERSITY GRADUATES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Albakov I.U.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article is devoted to the problem of unemployment of university graduates. The author cites statistical data on the unemployment rate for the last year. The author presents the results of a survey of graduates of the city universities. The problem of unemployment of university graduates is considered as one of the components of socio-economic problems. The author of the article pays attention to the reasons and factors that affect the level of employment of young professionals, including the coronavirus pandemic, the conflict in Ukraine, social and

economic factors, as well as the existing education system. Based on the results of the study, the main trends in the employment of graduates of higher educational institutions were identified, and problems that needed to be addressed were identified. The article describes possible areas of work to stabilize the situation with the unemployment of university graduates, as well as a set of measures aimed at the employment of young professionals.

Keywords: social problem, unemployment problem, youth unemployment, unemployment of university graduates, solution of unemployment problems.

References

1. Balandina, N.G. Features and characteristics of youth unemployment in Russia / N.G. Balandina, D.A. Kiryushkina // *Vector of Economics*. – 2022. – No. 6(72). – EDN OEHYSK.
2. Luzgina, Yu.V. Youth unemployment: problems and solutions / Yu.V. Luzgina, D.I. Pannin // *International Student Scientific Bulletin*. – 2018. – No. 6. – P. 120. – EDN YRRQQP.
3. Pak L. G., Kameneva E.G., Kochemasova L.A. Formation of a culture of employment of university graduates // *Prospects of science and education*. 2021. No. 6 (54). pp. 172–191. doi:10.32744/pse.2021.6.12

Исследование трансформации «цифрового общества» и модернизации социального управления

Ван Бэйбэй,

студент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 519849494@qq.com

Социальное управление является важным аспектом национального управления, а модернизация социального управления – важным элементом модернизации национальной системы управления и потенциала управления. Твердое продвижение инноваций в области социального управления и стремление к повышению потенциала социального управления. В настоящее время способ социального управления переходит от одностороннего управления к двустороннему взаимодействию, от офлайн- к онлайн- и офлайн-интеграции, и от простого государственного надзора к большему акценту на совместном социальном управлении. Использование больших данных, искусственного интеллекта, Интернета вещей и других инструментов информационных технологий для поддержки принятия научных решений и выработки точной политики в социальном управлении является важным и неизбежным требованием для адаптации к новой ситуации в социальном управлении, построения новой модели социального управления и содействия модернизации социального управления. Проблемы, возникающие в сфере социального управления, многочисленны и сложны, а способность информационных технологий поддерживать социальное управление, особенно на низовом уровне, все еще нуждается в совершенствовании. В настоящее время социальная мобильность продолжает расти, социальная структура становится все более сложной, происходит интеграция и проникновение онлайн и офлайн, запросы масс становятся все более разнообразными, а социальные проблемы частыми и внезапными, выдвигая настоятельные требования к повышению уровня социального управления и потенциала управления. Однако существующая конструкция информационных технологий пока не способна сформировать эффективную поддержку социального управления.

Ключевые слова: цифровизация, развитие, управление, Китай, социальное управление.

Социальное управление – это сложный системный проект, и чем он сложнее, тем важнее уловить его ключевые моменты. Для инноваций и улучшения социального управления самое главное – придерживаться и укреплять общее руководство партии. Придерживаться руководства партийным строительством – значит в полной мере использовать политические преимущества создания партийных организаций, особенно низовых, и превратить их в рабочие преимущества в социальном управлении. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркнул, что ключ к укреплению и инновациям в области социального управления лежит в институциональных инновациях, в центре которых находится человек. Поэтому построение цифрового социального управления должно быть ориентировано на служение народу, придерживаться главной позиции народа в социальном управлении и играть главную роль народа. План предлагает сделать людей «самыми широкими участниками, самыми большими бенефициарами и высшими судьями социального управления».

Цифровое социальное управление – должно быть подкреплено солидными ресурсами. Помимо традиционных финансовых, технических и человеческих ресурсов, он также включает в себя ресурсы данных. Разрозненные ресурсы не могут эффективно поддерживать совместное участие нескольких сторон. Развитие предусматривает содействие интеграции и совместному использованию ресурсов данных на низовом уровне, содействие обмену и интеграции данных между низовыми органами власти и вертикальными департаментами, а также содействие открытию ведомственных данных для использования на низовом уровне по мере необходимости. Централизованная интеграция и эффективное распределение всех видов ресурсов, включая данные, могут в полной мере

реализовать институциональное преимущество централизации власти для совершения великих дел [1,34]. Основная ценность больших данных в цифровом социальном управлении в основном отражается в извлечении данных для оценки социальных проблем и прогнозирования социальных потребностей, чтобы достичь научного принятия решений в области социального управления и совершенствования услуг.

Верховенство закона является краеугольным камнем социального управления. Технологические инновации поддерживают как возможности, так и риски. Для того чтобы способствовать развитию технологий в направлении «добра», в полной мере использовать их положительную роль и ослабить их отрицательную роль, крайне важно настаивать на сочетании применения науки и техники с построением правового государства, использовать управление в соответствии с законом для обеспечения управления в соответствии с законом и продвигать цифровые инновации в социальном управлении на пути к правовому государству.

Цифровая система социального управления, включает пять основных направлений, а именно: создание трехмерной и интеллектуальной системы предупреждения и контроля социальной безопасности, создание интегрированной и интеллектуальной системы общественной безопасности, создание информационной системы чрезвычайных ситуаций, интегрирующей гражданскую войну, инновационное социальное управление на низовом уровне и содействие высококачественному развитию новых умных городов. Вокруг пяти направлений разворачиваются конкретные задачи и проекты, которые можно свести к двум измерениям [2,12].

Первое – это измерение времени, которое состоит из обыденности и внезапности. В сценарии «повседневного» социального управления цифровое социальное управление должно обеспечивать точное понимание оперативного состояния социального управления, делая услуги более совершенными, а управле-

ние более точным. Например, План развития предусматривает углубление сетевого взаимодействия видеоизображений общественной безопасности, ускорение углубленной интеграции и применения информационных технологий, таких как распознавание образов, Интернет вещей, большие данные и искусственный интеллект в области предотвращения и контроля безопасности, а также повышение целостности, синергии и точности предотвращения и контроля социальной безопасности; основное улучшение многосекторальной координации механизмов информирования о бедствиях и авариях, раннего предупреждения, обмена информацией и ликвидации чрезвычайных ситуаций к 2025 году, и основное к 2025 году мы в основном разработаем многоотраслевой механизм предоставления информации о бедствиях, раннего предупреждения, обмена информацией и реагирования на чрезвычайные ситуации. В сценариях «внезапного» социального управления цифровое социальное управление должно обеспечить эффективную поддержку для улучшения возможностей реагирования и ликвидации последствий, а также возможности совместного реагирования на чрезвычайные ситуации между различными ведомствами, между правительством и предприятиями и учреждениями [3,452]. Например, План предусматривает создание системы информации о чрезвычайных ситуациях, объединяющей гражданские и боевые функции, и всестороннее укрепление многосекторального мониторинга и возможностей раннего предупреждения; укрепление возможностей управления чрезвычайными ситуациями для всестороннего восприятия, быстрого удаления, точного надзора и материальной безопасности, эффективное укрепление мер по предотвращению бедствий, смягчению их последствий, сопротивлению и оказанию помощи, а также сдерживание серьезных аварий.

Второй – пространственное изменение, состоящее из региона, города и сельской местности. В своих целях развития План четко призывает к «коор-

динации развития городских и сельских территорий и углублению комплексного развития региональной информатизации». Проблемы социального управления, с которыми сталкиваются регионы, города и села, различны, и задачи цифрового социального управления также различны. Цифровое социальное управление может взять город в качестве центрального узла для реализации региональных связей и связей между городом и деревней, а также для обеспечения полного и сбалансированного развития информационных технологий между регионами и между городом и деревней. Некоторые задачи должны рассматриваться на макроуровне в силу их системного характера и могут быть поставлены на региональном или общегородском уровне для создания комплексных механизмов. Например, План предлагает продвигать ряд региональных синергий интеллектуальных приложений в таких ключевых областях, как общественный транспорт, экспресс-логистика, медицина и школьное образование, городская эксплуатация и управление, экология и защита окружающей среды, управление лицензиями, надзор за рынком, общественная безопасность и управление чрезвычайными ситуациями, а также содействовать скоординированному развитию региональной информатизации [4, 484]. Необходимо обеспечить, чтобы определенная работа реагировала на микроуровне, и подходит для размещения на низовом или сельском уровне, чтобы способствовать совместному строительству, совместному управлению и совместному использованию. Например, План предлагает ускорить строительство «умных» сообществ, полностью интегрировать низовые входы в системы гражданских дел, здравоохранения, жилищного строительства, реагирования на чрезвычайные ситуации, общего управления, правоохранительных органов и других ведомств, а также создать низовую платформу управления с сетевым управлением, уточненными услугами, информационной поддержкой и открытым обменом информацией.

Придерживаться принципа оптимизации, синергии и эффективности и все-сторонне укреплять четыре вида возможностей управления

Во-первых, повысить способность воспринимать функционирование сложных систем социального управления. Способность к восприятию – это базовая способность к точному пониманию функционирования сложных социальных систем, которая обеспечивает основные ресурсы для достижения оптимизации, синергии и эффективности цифрового социального управления. План предлагает построить городской центр восприятия и принятия решений, усилить восприятие и интеллектуальный анализ работы городских трубопроводных сетей, общественных пространств, автомобильного и железнодорожного движения, пожарной охраны, водоохранных сооружений, крупных портов въезда и крупных мероприятий; изучить возможность строительства цифрового города-близнеца, осуществить строительство и преобразование интеллектуальной муниципальной инфраструктуры, улучшить работу города и его экономики.

Вторая – повысить способность принимать решения по предотвращению и контролю рисков социального управления. Решения в области социального управления не могут просто полагаться на субъективные догадки, но должны «говорить с данными» и «спорить с наукой» для достижения оптимального социального управления. План предлагает построить научно-исследовательскую платформу для больших данных и моделирования социального управления и провести эксперименты по социальному управлению в условиях искусственного интеллекта; внедрить цифровое управление по модели «одной карты» и «одной сети» для городов; улучшить общественное здравоохранение, профилактику и контроль заболеваний, безопасность продуктов питания и лекарств, безопасность производства, безопасность городов и городское управление. Безопасность продуктов питания и лекарств, безопасность производства, безопасность городов, стихийные бедствия,

экспресс-логистика и другие ключевые области предотвращения и контроля рисков, а также возможности выявления, прогнозирования и раннего предупреждения рисков общественной безопасности.

В-третьих, это повышение способности многочисленных субъектов социального управления к совместной работе. Цифровое социальное управление требует совместного участия множества сил для достижения синергии между ведомствами и регионами, а также синергии между правительством, предприятиями и учреждениями и жителями сообщества. Для этого необходимо расширить каналы связи, унифицировать бизнес-процессы, разрушить ведомственные барьеры и совместно использовать информационные ресурсы для достижения совместного социального управления. План предлагает всесторонне усилить возможности мониторинга и раннего предупреждения, надзора и правоприменения, вспомогательного командования и принятия решений, спасения и борьбы, а также возможности социальной мобилизации в рамках многосекторного сотрудничества; усилить обмен данными и совместное применение данных между правительством, предприятиями, медицинскими и оздоровительными учреждениями; энергично расширять возможности участия социальных ресурсов в общественном благосостоянии и благотворительности в режиме онлайн, а также содействовать благотворному взаимодействию между государственным управлением, социальным регулированием и автономией жителей; содействовать созданию низовых организаций и информации. Мы также будем способствовать созданию низовых организаций и онлайн-работе по распространению информации, консультациям по вопросам политики, сбору общественного мнения, демократическим консультациям, общественным услугам и взаимопомощи по соседству, и создадим систему «Интернет + групповая профилактика и управление» [5, 10].

В-четвертых, необходимо повысить потенциал платформы для обмена ре-

сурсами и услугами в области социального управления. Платформинг помогает эффективно распределять ресурсы социального управления и добиваться эффективного социального управления. План предлагает полностью интегрировать низовые входы различных ведомственных систем и создать низовые платформы управления; неуклонно продвигать строительство систем городских ресурсов данных и мозговых центров данных, создавать взаимосвязанные, открытые и расширяющиеся возможности узлы мудрости, совершенствовать платформы городских информационных моделей и платформы услуг по эксплуатации и управлению; усилить интеграцию и обмен ресурсами данных для продовольствия и стратегических чрезвычайных поставок, а также продвигать информационные технологии для более эффективной поддержки строительства систем профилактики и контроля заболеваний и крупных эпидемий. системы профилактики, контроля и лечения и т.д.

«Социальное управление – это наука», а цифровое социальное управление – яркий пример этой науки [6, 11]. В ближайшие пять лет, по мере решительного прогресса в строительстве цифрового Китая, будет в основном сформирована модель цифрового социального управления, а потенциал цифрового социального управления значительно возрастет, что будет способствовать продвижению социального управления Китая от «управления большой страной» к «управлению сильной страной». Правительствам всех уровней следует, учитывая содержание Плана, оперативно разложить цели и задачи и разработать планы действий в соответствии с местными условиями, чтобы обеспечить реализацию различных политик и мер по цифровому социальному управлению.

Литература

1. Ши С. Экономика. Управление. Инновации // Экономика. – 2021. – № 2. – С. 34–37.
2. Исаева К.В. Management lag: успевают ли социальное управление за высокими технологиями? // Цифровая

- социология. – 2022. – Т. 5. – № 1. – С. 4–14.
3. Хайпэн Х., Чжици Ч. Цифровизация Китая: опыт институционального анализа // Управление бизнесом в цифровой экономике. – 2021. – С. 451–456.
 4. Чэнь Ц. Цифровизация социальной сферы в современном Китае // Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования. – 2018. – С. 684–690.
 5. Синьлин Ш., Паньшин Б.Н. О подходах к устранению «цифрового разрыва» в сфере социальных услуг в Китае. – 2021.
 6. Петров А.В. Глобальные социальные процессы и основные направления исследований цифрового общества в социологии // Глобальные социальные процессы 3.0: социальное управление и экономическое развитие в цифровом обществе. – 2022. – С. 5–12.

A STUDY OF THE TRANSFORMATION OF THE DIGITAL SOCIETY AND THE MODERNIZATION OF SOCIAL MANAGEMENT

Wang Beibei

Lomonosov Moscow State University

Social governance is an important aspect of national governance, and social governance modernization is an important element of national governance modernization and governance capacity. Firmly promoting social governance innovation and striving to improve social governance capacity. At present, the way of social governance is moving from one-way governance to two-way interaction, from offline to online and offline integration, and from simple government supervision to more emphasis on collaborative social governance. The use of big data, artificial intelligence, the Internet of Things, and other information technology tools to support scientific decision-making and precise policy making

in social governance is an important and inevitable requirement for adapting to the new social governance situation, building a new social governance model, and promoting social governance modernization. The problems encountered in social management are numerous and complex, and the ability of information technology to support social management, especially at the grassroots level, still needs improvement. At present, social mobility continues to grow, social structure is becoming more complex, online and offline integration and penetration are taking place, the demands of the masses are becoming more diverse, and social problems are frequent and sudden, making it imperative to improve social management and management capacity. However, the current design of information technology is not yet able to form an effective support for social management.

Keywords: Digitalization, development, management, China, social management.

References

1. Shi S. Economics. Management. Innovations // economics. – 2021. – № 2. – С. 34–37.
2. Isaeva K.V. Management lag: does social management keep up with high technology? // Digital Sociology. – 2022. – Т. 5. – № 1. – С. 4–14.
3. HIPEN H., Zhiqi C. Digitalization of China: Experience of Institutional Analysis // Business Management in Digital Economy. – 2021. – С. 451–456.
4. Chen Q. Digitalization of Social Sphere in Modern China // Modern Education: Vectors of Development. Digitalization of Economy and Society: Challenges for Education System. – 2018. – С. 684–690.
5. Xinlin Sh., Panshin B.N. On approaches to bridging the «digital divide» in social services in China. – 2021.
6. Petrov A.V. Global Social Processes and Main Directions of Research of Digital Society in Sociology // Global social processes 3.0: social management and economic development in digital society. – 2022. – С. 5–12.

Реализация жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Мартынова Евгения Васильевна,

кандидат социологических наук; кафедра социальной работы и педагогического образования, филиал ФГАУ ВО «Южный федеральный университет»

E-mail: evgeniya.martynova89@yandex.ru

Цель исследования заключается в оценке состояния и перспектив процесса реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях современного российского общества.

Методологическая база: в работе использованы системный и структурно-функциональный подходы к анализу мер социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в области реализации жилищных прав в условиях современной российской действительности. Автор рассматривает инструменты и результаты реализации жилищных прав с использованием компетентного и системно-деятельностного подхода к процессу подготовки к самостоятельной жизни выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей посредством методов социологического и социально-правового анализа.

Результаты: в статье представлены результаты мониторинга реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в Ростовской области. Исследование позволило выявить основные социально-правовые риски и трудности, существующие в сфере реализации жилищных прав сирот.

Перспективы исследования: Предложенная автором методика мониторинга реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей может использоваться социальными службами и органами исполнительной власти для разработки эффективных программ сопровождения выпускников сиротских учреждений и замещающих семей и создания условий для превенции нарушений в области реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: жилищные права детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпускники организаций для детей-сирот, выпускники замещающих семей, готовность к самостоятельной жизни, оценка эффективности, мониторинг реализации жилищных прав, системно-деятельностный и компетентностный подходы к подготовке сирот к самостоятельной жизни.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, традиционно являются одной из наиболее уязвимых категорий современного российского общества. Ситуация потери родительской заботы осложняется социально-психологическими последствиями сиротства и неготовностью выпускников сиротских учреждений и замещающих семей к полноценной защите своих прав [8, с. 34].

Рассмотрение сиротства через призму теории социальной мобильности П. Сорокина позволяет сделать вывод о том, в период выхода из учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или замещающей семьи ребенок диаметрально меняет свою социальную позицию с объектной на субъектную, что часто приводит к длительному и сложному процессу социальной адаптации. Согласно Т. Парсонсу адаптацией считают уравновешивание между системой и внешними условиями, т.е. для успешной адаптации лицу из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо эффективно применить знания, умения и навыки, полученные в результате подготовки к самостоятельной жизни на практике, в ходе реализации своих социальных прав. Важным аспектом и показателем успешной адаптации является принятие адаптантом новой социальной позиции. Выпускники учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и замещающих семей, как правило, выбирают конформную, т.е. пассивную модель поведения при реализации своих прав, нередко основанную на феномене прокрастинации, а потому априори неэффективную, ведь вся система социальной защиты носит заявительный характер и требует активности при ее получении.

Начиная с 2015 во всех регионах России были созданы службы сопровождения выпускников учреждений для детей-

сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Благодаря их функционалу социальная защита лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вышла на высокий уровень, в том числе и в плане реализации жилищных прав: реализуются программы подготовки к самостоятельной жизни, осуществляется помощь в оформлении документов при реализации жилищных прав выпускников сиротских учреждений, проводятся социально-правовые консультации и т.п. Мониторинг программ подготовки сирот к самостоятельной жизни, проведенный Меркуль И.А. и Волчанской В.О. показал, что наиболее характерными затруднениями являются несформированность знаний в сфере организации быта, неосведомленность в системе социальной и правовой грамотности, отсутствие стремления профессионального самоопределения и опыта защиты своих прав [10, с. 37–46]. Анализ содержания программ подготовки к самостоятельной жизни сирот позволяет выделить системно-деятельностный и компетентностный подходы. Компетентностный подход ориентирован на развитие у сирот способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах, формирование соответствующих компетенций. Системно-деятельностный подход ориентирован на результат, т.е. анализирует реальные действия и поступки, демонстрирующие степень адаптации. Наиболее ярко различие этих подходов проявляется при анализе социальной позиции выпускника: компетентностный подход предполагает наличие субъектности у выпускника как на этапе обучения самостоятельности, так и после выпуска из учреждения или замещающей семьи, а системно-деятельностный подход рассматривает ребенка как объект научения и делает акцент на последующем активном сопровождении, предполагая, что переход на субъектную позицию потребует времени и дополнительных усилий выпускника и специалистов.

Таким образом, эффективность реализации социальных прав сирот можно определить, как способность

систем социальной защиты и социального сопровождения своевременно реагировать и отвечать на потребности [9] детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Система социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, включает в себя льготы, гарантии, пенсии, действия по взысканию алиментов, обеспечение дополнительных прав и т.п. Порядок оформления и выплаты мер социальной поддержки четко регламентирован законодательством РФ, а в реализации дополнительных прав периодически возникают социально-правовые коллизии, которые требуют повышенного внимания к данным вопросам и перманентно нуждаются в разработке новых механизмов и уточнений.

Главным критерием оценки эффективности реализации жилищных прав детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, правомерно признать полноту удовлетворения интересов отдельного ребенка и всей категории сирот в целом [9]. С точки зрения проблемно-ориентированного подхода право на жилье является самым сложным с позиций реализации, так как здесь возникают проблемы в консолидации бюджетов разных уровней, при закупке жилья, его сосредоточенности в одном многоквартирном доме, микрорайоне, подтверждении закрепленности жилья, разного юридического статуса закрепленного жилья, перепродажи жилья, оплаты коммунальных услуг и т.п.

По данным на 2021 год в России, в очереди на получение жилья находились 289,8 тыс. детей-сирот, при этом 199,7 тыс. из них не могут реализовать свое право, несмотря на то что им уже исполнилось 18 лет [5].

По оценке Счетной палаты РФ, даже если очередь не будет увеличиваться, то потребуется примерно девять лет, чтобы обеспечить жильем всех нуждающихся. Однако численность детей-сирот, ожидающих получения жилья, растет: за 2020 год она возросла на 8,5 тыс. человек, за семь месяцев 2021 года – еще на 6,6 тыс. Объем средств, которые

требуются для исполнения накопившихся обязательств государства, Счетная палата оценивает в 321 млрд рублей, а к 2024 году эта сумма, по прогнозам ведомства, может составить уже 490 млрд [5].

Обеспечение жильем детей-сирот регламентируется ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159. Согласно его положениям, предоставляемые сиротам жилые помещения должны соответствовать социальным нормам, быть пригодными и благоустроенными для проживания. Право на получение жилья детьми сиротами возникает в том случае, если они соответствуют следующим критериям:

- на момент достижения 14 лет законный представитель ребенка-сироты или ребёнка, оставшегося без попечения родителей обязан подать заявление о постановке его подопечного на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении в орган опеки и попечительства по месту жительства;
- на момент достижения 18 лет ребенок-сирота или ребенок, оставшийся без попечения родителей, обеспечивается жильем помещением в результате заключения договора найма специализированного жилищного фонда [18, с. 374].

Предоставление жилых помещений детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, носит заявительный характер, то есть включение в список осуществляется исключительно по заявлению, а не происходит по факту сиротства или нуждаемости [14, с. 1046]. В целях признания граждан, относящихся к указанной категории нуждающимися в жилых помещениях, и включения в список детей-сирот, законные представители несовершеннолетнего гражданина (попечители, руководители организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей) в течение 30 календарных дней со дня достижения подопечными возраста 14 лет или возникновения по достижении подопечными

возраста 14 лет обстоятельств, свидетельствующих о нуждаемости в жилом помещении, представляют в муниципальный или районный орган исполнительной власти письменное заявление о признании несовершеннолетнего нуждающимся в жилом помещении и включении его в список подлежащих обеспечению жилыми помещениями детей-сирот. Далее организуется размещение заказа на приобретение благоустроенных жилых помещений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по результатам размещения заказа орган исполнительной власти заключает муниципальные контракты [12].

Жилье предоставляется на условиях заключения договора найма специализированного жилищного фонда сроком на 5 лет, если за этот срок не возникает нареканий и представитель данной категории социализировался, то с ним заключается договор социального найма на это же жилое помещение, условия данного договора гласят, что ребенок-сирота и ребенок, оставшийся без попечения родителей, имеет право участвовать в приватизации, и после данных мероприятий имеет возможность распоряжаться жильем как ему угодно, так как оно перестает быть муниципальным и переходит в полное его распоряжение [18, с. 374].

В Ростовской области порядок обеспечения жилыми помещениями детей-сирот определен постановлением Правительства Ростовской области Ростовской области от 25.06.2012 № 539 «Об обеспечении жилыми помещениями и расходовании субвенций на осуществление полномочий по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [12]. Согласно данному документу жилыми помещениями обеспечивают сироты и лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по дого-

вору социального найма либо собственниками жилых помещений, а также те, кто имеет закрепленное за ними жилое помещение, но проживание там признано невозможным [12].

В Ростовской области в 2022 году поставлены на жилищный учет 1111 человек, а должны быть обеспечены жильем уже в этом году 425 человек [15]. Для комплексной оценки эффективности реализации жилищных прав было проведено визуальное обследование 199 жилых помещений, предоставленных сиротам с 2016 по 2020 годы в разных муниципалитетах Ростовской области. Осмотр осуществлялся по следующим критериям:

- состояние стен, полов, выявление их дефектов;
- наличие и состояние входных и межкомнатных дверей;
- наличие и состояние оконных блоков ПВХ;
- наличие, исправность и пригодность для эксплуатации сантехнического оборудования;
- наличие, исправность и пригодность для эксплуатации приборов учета водоснабжения (водоотведения), газоснабжения, электроснабжения;
- наличие, исправность и пригодность для эксплуатации кухонного оборудования;
- наличие, исправность и пригодность для эксплуатации системы отопления;
- доступность для текущего ремонта, обслуживания, уборки нагревательных приборов;
- наличие, исправность, соответствие требованиям санитарной противопожарной безопасности внутренней электрической разводки, подключение электрических розеток, электрических выключателей и электрических патронов;
- наличие естественного освещения в жилых комнатах и кухне.

Осмотр позволяет сделать следующие выводы:

- техническое состояние 148 обследованных жилых помещений по всем критериям удовлетворительное;
- в пяти обследованных жилых помещениях отличное состояние пола

- и потолков, по остальным критериям – состояние удовлетворительное;
- в восьми жилых помещениях стены имеют дефекты оклейки, вследствие неудовлетворительного режима эксплуатации помещений, требуется текущий ремонт, а именно, подклейка обоев. По всем остальным критериям – состояние удовлетворительное;
- в семи жилых помещениях стены, напольное покрытие (линолеум), потолки в хорошем состоянии, без дефектов, все остальное – в удовлетворительном состоянии;
- в 21 обследованном жилом помещении стены имеют дефекты оклейки вследствие неудовлетворительного режима эксплуатации помещений, требуется текущий ремонт, а именно, подклейка обоев, напольное покрытие (линолеум) имеет повреждения, порезы, разрывы, данные дефекты возникли вследствие ненадлежащего обращения с напольным покрытием, потолки в удовлетворительном состоянии, в одном жилом помещении, в оконном блоке повреждено остекление, по остальным критериям – состояние удовлетворительное, но выявлено несоблюдение санитарно-гигиенических норм гражданами, проживающими в данных квартирах. Жилые помещения загромождены личными вещами проживающих в них граждан;
- в 10 обследованных жилых помещениях стены имеют дефекты оклейки вследствие неудовлетворительного режима эксплуатации помещений, требуется текущий ремонт, потолки имеют следы плесени, вследствие плохой работы вентиляции в жилых помещениях, отопительные котлы работают с нарушениями (системные ошибки), отсутствует нормативное водоснабжение (не поддерживается уровень давления воды в системе водоснабжения).

Осмотр показал, что из 199 обследованных жилых помещений, которые были выданы в период с 2016 по 2020 годы, только в 12 со стороны хозяев не было нареканий, а в неудовлетворительном

состоянии по одному из критериев оказались – 39 жилых помещений.

Для того, чтобы оценить эффективность реализации прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей с точки зрения удовлетворенности полученным жильем, в результате обследования был также осуществлен опрос лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые уже реализовали свое право на жилье. Выборка сплошная, опрос осуществлялся параллельно с осмотром квартир. Опрос проводился методом формализованного интервью, принимали участие выпускники учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (48%), и выпускники замещающих семей (52%):

35% респондентов отметили, что они проходили обучение по программе подготовки к самостоятельной жизни, но только 3 человека считают эту подготовку успешной и даже сохранили методические материалы;

58% считают, что они знают все о своих жилищных правах и смогут их отстаивать, при этом только 15% из них уже сталкивались с проблемами и имеют позитивный опыт их решения;

90% респондентов вполне удовлетворяет внешний вид жилого помещения;

85% довольны состоянием жилого помещения, из них лишь 20% проверяли работу технических средств и оборудования при сдаче объекта, остальные ограничивались визуальным осмотром или вообще не проверяли предоставляемое жилье;

70% в целом довольны предоставленным жильем, но считают неудобным его местоположение, 10% считают неудовлетворительным состояние придомовой территории;

42% не проживают в настоящее время в предоставленных жилых помещениях постоянно и не собираются проживать в ближайшее время, а потому не считают необходимым оплачивать счета за коммунальные услуги, 30% из них не знают, что должны это делать уже сейчас, так как пока не трудоустроены;

10% не знают, что по условиям договора найма специализированного жилищного фонда при наличии задолженности по оплате коммунальных услуг через 5 лет жилье не может быть передано им в собственность;

24% не знают есть ли у них задолженность по оплате коммунальных услуг;

54% респондентов не знают, где находится та или иная коммунальная служба, в которую можно обратиться в случае необходимости;

48% при возникновении проблем с жильем придут за помощью в службы сопровождения или к замещающим родителям, 30% попытаются решить проблему самостоятельно, а остальные ничего не предпримут.

При анализе ответов выпускников учреждений для сирот и выпускников замещающих семей принципиальной разницы не выявлено. Преимущественной формой замещающих семей у респондентов было попечительство со стороны престарелых бабушек и дедушек, которые в некоторых случаях даже не участвовали в осмотре предоставляемого их внукам жилья по состоянию здоровья.

В целом опрос показал, что программами подготовки к самостоятельной жизни охвачены только выпускники учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а для воспитанников замещающих семей таких программ нет. Потребность в программах подготовки к самостоятельной жизни есть у всех категорий респондентов. Выявлено отсутствие знаний по ряду специфических проблем, которые требуют консультаций специалистов разных служб, в т.ч. коммунальных.

В открытом доступе, на сайтах учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находятся 7 программ подготовки к самостоятельной жизни и во всех из них использован либо традиционный подход к обучению, основанный на знакомстве с законодательством о дополнительных правах сирот, либо компетентностный, что не позволяет говорить об их эффективности, однако сам факт их наличия позволяет сделать вывод о том, что про-

блема обозначена, доказана и уже приняты шаги по ее решению.

Большинство респондентов считают, что достаточно осведомлены о своих правах, но не обладают достаточными бытовыми навыками, чтобы осуществить проверку их реализации, как правило ими оценивается факт предоставления жилья и его внешний вид.

В большинстве своем, выпускники учреждений благодаря службам сопровождения быстрее разбираются в документах на жилье, чем бывшие подопечные дети. Это объясняется тем, что выпускники учреждений не перекладывают ответственность на родственников и понимают, что сопровождение будет не всегда, а выпускники замещающих семей надеются на поддержку родственников и до последнего откладывают решение проблем. Однако, навыки ухода за жилым помещением и самообслуживания у выпускников замещающих семей сформированы на порядок лучше, чем у их сверстников их сиротских учреждений. Состояния жилья второй категории продемонстрировал нередко полное игнорирование самых элементарных санитарно-гигиенических процедур.

Таким образом, в Ростовской области в плане реализации жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проделана большая работа, результаты которой могут тиражироваться для других регионов как эффективный и перспективный опыт. В целом, проблема эффективной реализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, носит комплексный характер и требует финансовых, временных затрат, активного межведомственного взаимодействия, привлечения специалистов соответствующей квалификации. Но начинать работу можно уже на этапе подготовки к самостоятельной жизни выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Она должна осуществляться на основе системно-деятельностного подхода, при котором ответственность на период действия договора найма специали-

зированной жилищного фонда должна передаваться сироте постепенно с учетом его личных ресурсов и ресурсов муниципалитета, в котором ему предоставлено жилое помещение. Сами программы подготовки к самостоятельной жизни необходимо доработать с учетом особенностей детей, воспитывающихся в замещающих семьях и сделать их обязательными для них. Также необходимо осуществлять централизованную координацию и мониторинг реализации жилищных прав сирот, в том числе с привлечением общественности. Для предотвращения нарушений жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и минимизации случаев невостробованности жилых помещений данной категорией необходимо рассмотреть возможность разработки жилищных сертификатов, которые получатели могут использовать в необходимом им населенном пункте и в то время, когда будут готовы выполнять обязанности по коммунальным платежам и т.п.

Литература

1. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 52. – Ст. 5880.
2. О формировании списка детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Постановление Правительства РФ от 04.04.2019 № 397 (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 15. – Ст. 1764 (Часть IV).
3. Об утверждении Комплекса мер по предоставлению детям-сиротам, детям, оставшимся без попечения родителей, и лицам из их числа жилых помещений на 2019–2021 годы: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2019 г. № 656-п – URL: <https://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-06.04.2019-N-656-r/>

4. Об обеспечении жилыми помещениями и расходовании субвенций на осуществление полномочий по обеспечению жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ред. от 01.08.2019): Постановление Правительства Ростовской области от 25.06.2012 г. № 539 // Гарант: – URL: <https://base.garant.ru/19515338/> (дата обращения: 17.05.2022).
5. Айвазовская Э.С. Социализация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / Э.С. Айвазовская // Моя профессиональная карьера. – 2020. – Т. 2. – № 13. – С. 171.
6. Анна Кузнецова: для решения проблем детей-сирот необходима комплексная программа. – URL: <http://duma.gov.ru/news/53065/>
7. Бурдельный П.П. Социальная политика в сфере защиты детей сирот / П.П. Бурдельный, С.Н. Харченко, Е.Н. Клочко // Научный электронный журнал Меридиан. – 2020. – № 5(39). – С. 16–17.
8. Жилье для детей-сирот в 2022 году: как получить и что для этого нужно – 30 марта 2022 – URL: <https://ria.ru/20220330/kvartiry-1780947846.html> (дата обращения: 30.05.2022).
9. Мартынова Е.В. Функционирование социального института приемной семьи в условиях современного российского социума: автореферат диссертации на соискание уч.ст.к.с.н., 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы / Е.В. Мартынова. – Ростов-н/Д, 2008.– – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rs101003446600?page=1&rotate=0&theme=black>
10. Меркуль И.А., Волчанская В.О. Оценка готовности выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и выпускников замещающих семей к самостоятельной жизни: обзор и анализ региональных практик / И.А. Меркуль, В.О. Волчанская // Социальные науки и детство. – 2021. – Том 2. – № 2. – С. 47–58. – URL: https://psyjournals.ru/files/126070/ssc_2021_n2_Merkul_Volchanskaya.pdf
11. Мищенко В. И. О проблеме обеспечения жильем детей – сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / В.И. Мищенко, А.И. Гудков, А.В. Красильщиков // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 1–2(59). – С. 135.
12. Осмонова А.Ж. Правовые основы защиты прав и свобод детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / А.Ж. Осмонова, М.Б. Татенов, К. Сейитбек Кызы // Вестник филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет» в г. Ош Киргизской Республики. – 2021. – № 1(23). – С. 108.
13. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
14. Пелипейченко О.В. Правовое обеспечение социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей / О.В. Пелипейченко // Вестник науки. – 2019. – Т. 4. – № 9(18). – С. 58–59.
15. Поквартальный план-график закупок на приобретение жилых помещений для детей-сирот Ростовской области: официальный текст
16. Прозорова Р.М. Проблемы предоставления жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей / Р.М. Прозорова // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 47. – С. 1046–1048.
17. Ракина Т.Н. Обеспечение жилым помещением детей, оставшихся без попечения родителей, детей-сирот / Т.Н. Ракина // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. – 2021. – № 22. – С. 110–118.
18. Русинов П.В. Актуальные проблемы защиты жилищных прав детей-сирот в Российской Федерации / П.В. Русинов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 21

- (363). – С. 279–282. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81457/> (дата обращения: 30.05.2022).
19. Скороходова Е.А. Специфика формирования правовой культуры детей-сирот / Е.А. Скороходова // Педагогические исследования. – 2020. – № 1. – С. 36.
 20. Сорокин П. Социальная мобильность / П. Сорокин. – М.: Академия, 2005. – 588 с.
 21. Федотов Д.А. Проблемы осуществления государственных закупок по приобретению жилых помещений для детей-сирот / Д.А. Федотов // Вектор экономики. – 2021. – № 1(55). – С. 38.

IMPLEMENTATION OF THE HOUSING RIGHTS OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Martynova E.V.

Branch of the Federal State Autonomous Institution of Higher Education «Southern Federal University»

The purpose of the study is to assess the state and prospects of the process of realizing the housing rights of orphans and children left without parental care in the conditions of modern Russian society.

Methodological base: the work uses systematic and structural-functional approaches to the analysis of measures of social support for orphans and children left without parental care in the field of housing rights in the conditions of modern Russian reality. The author examines the tools and results of the implementation of housing rights using a competency-based and systemic-activity approach to the process of preparing graduates of institutions for orphans and children left without parental care for independent living through the methods of sociological and socio-legal analysis.

Results: the article presents the results of monitoring the implementation of the housing rights of orphans and children left without parental care in the Rostov region. The study made it possible to identify the main social and legal risks and difficulties that exist in the sphere of realizing the housing rights of orphans.

Research prospects: The method proposed by the author for monitoring the implementation of the housing rights of orphans and children left without parental care can be used by social services and executive authorities to develop effective support programs for graduates of orphan-

ages and foster families and create conditions for preventing violations in the implementation of housing rights orphans and children left without parental care.

Key words: housing rights of orphans and children left without parental care, graduates of organizations for orphans, graduates of foster families, readiness for independent living, performance evaluation, monitoring of the implementation of housing rights, system-activity and competence-based approaches to preparing orphans for independent life.

References

1. On additional guarantees for social support for orphans and children left without parental care: Federal Law of December 21, 1996 No. 159-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 52. – Art. 5880.
2. On the formation of a list of orphans and children left without parental care: Decree of the Government of the Russian Federation of 04.04.2019 No. 397 (as amended on 12.31.2014) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 15. – Art. 1764 (Part IV).
3. On the approval of the Set of Measures for the Provision of Orphans, Children Left Without Parental Care, and Persons Among Them with Residential Premises for 2019–2021: Decree of the Government of the Russian Federation of April 6, 2019 No. 656-r – URL: <https://rulings.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-04/06/2019-N-656-r/>
4. On the provision of living quarters and the expenditure of subventions for the exercise of the powers to provide living quarters for orphans and children left without parental care, persons from among orphans and children left without parental care (as amended on 08/01/2019): Resolution Government of the Rostov region dated June 25, 2012 No. 539 // Garant. – URL: <https://base.garant.ru/19515338/> (date of access: 05/17/2022).
5. Aivazovskaya E.S. Socialization of orphans and children left without parental care / E.S. Aivazovskaya // My professional career. – 2020. – Т. 2. – No. 13. – P. 171.
6. Anna Kuznetsova: a comprehensive program is needed to solve the problems of orphans. – URL: <http://duma.gov.ru/news/53065/>
7. Burdel'naya P.P. Social policy in the field of protection of orphans / P.P. Burdel'ny,

- S.N. Kharchenko, E.N. Klochko // Scientific electronic journal Meridian. – 2020. – No. 5 (39). – S. 16–17.
8. Housing for orphans in 2022: how to get and what you need for this – March 30, 2022 – URL: <https://ria.ru/20220330/kvartiry-1780947846.html> (date of access: 05/30/2022).
 9. Martynova E.V. The functioning of the social institution of the foster family in the conditions of modern Russian society: abstract of the dissertation for the competition of an academic article. PhD, 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes / E.V. Martynov. – Rostov-n/D, 2008.– – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003446600?page=1&rotate=0&theme=black>
 10. Merkul I.A., Volchanskaya V.O. Assessment of the readiness of graduates of organizations for orphans and children left without parental care, and graduates of foster families for independent living: a review and analysis of regional practices / I.A. Merkul, V.O. Volchanskaya // Social sciences and childhood. – 2021. – Volume 2. – No. 2. – P. 47–58.– – URL: https://psyjournals.ru/files/126070/ssc_2021_n2_Merkul_Volchanskaya.pdf
 11. Mishchenko V.I., Gudkov A.I., Krasilshchikov A.V. On the problem of providing housing for orphans and children left without parental care // Eurasian Scientific Association. – 2020. – No. 1–2 (59). – S. 135.
 12. Osmonova A. Zh. Legal basis for the protection of the rights and freedoms of orphans and children left without parental care / A. Zh. Osmonova, M.B. Tatenov, K. Seyitbek Kyzy // Bulletin of the branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian State Social University» in the city of Osh, the Kyrgyz Republic. – 2021. – No. 1 (23). – S. 108.
 13. Parsons T. On the structure of social action / T. Parsons. – M.: Academic project, 2000. – 880 p.
 14. Pelipeychenko O.V. Legal support of social protection of orphans and children left without parental care / O.V. Pelipeychenko // Bulletin of Science. – 2019. – T. 4. – No. 9 (18). – S. 58–59.
 15. Quarterly plan-schedule of purchases for the purchase of residential premises for orphans of the Rostov region: official text
 16. Prozorova R.M. Problems of providing housing to orphans and children left without parental care / R.M. Prozorova // Innovations. The science. Education. – 2021. – No. 47. – S. 1046–1048.
 17. Rakina T.N. Providing housing for children left without parental care, orphans / T.N. Rakina // Uchenye zapiski Tambovskogo otdeliya Rosmu. – 2021. – No. 22. – P. 110–118.
 18. Rusinov P.V. Actual problems of protecting the housing rights of orphans in the Russian Federation / P.V. Rusinov. – Text: direct // Young scientist. – 2021. – No. 21 (363). – S. 279–282. – URL: <https://moluch.ru/archive/363/81457/> (date of access: 05/30/2022).
 19. Skorokhodova E.A. The specificity of the formation of the legal culture of orphans / E.A. Skorokhodova // Pedagogical research. – 2020. – No. 1. – P. 36.
 20. Sorokin P. Social mobility / P. Sorokin. – M.: Academy, 2005. – 588 p.
 21. Fedotov D.A. Problems of public procurement for the acquisition of residential premises for orphans / D.A. Fedotov // Vector of the economy. – 2021. – No. 1 (55). – S. 38.

Формирование образовательного пространства реализации инклюзивных образовательных практик: оценка готовности профессорско-преподавательского состава вуза

Машанова Анна Сергеевна,

старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной антропологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»

E-mail: Mashanova_as@mail.ru

Мельникова Мария Сергеевна,

старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной антропологии, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»

E-mail: Metill@yandex.ru

В статье рассматриваются инклюзивные образовательные практики в контексте институционализации и формирования инклюзивной образовательной среды образовательных организаций высшего образования. Определяются этапы институционализации инклюзивных образовательных практик, а также условия успешного прохождения всех этапов. Одним из значимых условий авторы определяют готовность профессорско-преподавательского состава вуза к работе в инклюзивной группе, при этом операционализируя данное понятие через родовые категории. Однако отмечается, что процесс институционализации не возможен без создания условий, создаваемых образовательной организацией на макро-, мезо-, микроуровне. Авторами в статье представлены результаты социологического исследования готовности профессорско-преподавательского состава образовательной организации высшего образования к работе в инклюзивных студенческих группах. На основе проведенного исследования предлагаются практические рекомендации по формированию готовности.

Ключевые слова: инклюзивные образовательные практики, инклюзивное образование, готовность к инклюзивному образованию, институционализация, студент с инвалидностью.

В условиях нарастающей инвалидизации общества и перспектив интеграции инвалидов в социум в настоящем остро стоит вопрос о необходимости поиска валидных теоретико-методологических и методических оснований проектирования инклюзивных образовательных сред в логике инклюзивного/универсального дизайна.

Современная образовательная политика предъявляет требования к различным социальным институтам по обеспечению права граждан с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья на получение образования, в том числе и высшего. Процессы институционализации инклюзивных образовательных практик в предъявляемой логике требуют не просто нормативно-правового закрепления принципа равенства и доступности образования для такой категории лиц, а что важнее, влияют на закрепление повседневных инклюзивных социальных практик как типовых, а не уникальных. Так или иначе, очевидной является необходимость создания оптимальной образовательной среды для человека с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.

История развития образования людей с ограниченными возможностями здоровья в России имеет несколько этапов, начинается сегрегации и через интеграцию приходит к социальной и образовательной инклюзии на современном этапе.

Интеграция (от лат. «integratio» – восполнять, дополнять) характеризуется созданием специальных условий для обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью в рамках уже существующей системы без существенных изменений самой системы. Термин «социальная интеграция» вошел в научный оборот в XX в. в США и использовался в контексте обсужде-

ния проблем расовых и этнических меньшинств. В Европе термин нашел свое применение уже в контексте проблем людей с ОВЗ и инвалидностью в 60-е гг. XX века. Сегодня интеграция в широкое социально-философском смысле рассматривается как возможность совместной жизни и обучения детей с нормой здоровья и детей с ограниченными возможностями здоровья при поддержке и сопровождении этого процесса мерами экономического, организационного, дидактического и методического характера [1].

В международной практике термин «интегрированное образование», описывающий процесс обеспечения доступа к образованию лиц с ОВЗ и инвалидностью, был заменен термином «инклюзивное образование». Официально данный термин был закреплен в 1994 году в Саламанкской декларации «О принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями». Инклюзивное образование, согласно этому документу, – это единственно приемлемый способ обучения детей с ОВЗ и инвалидностью, в рамках которого для обучающихся должны быть созданы специальные условия в образовательной среде.

В Российской Федерации термин «инклюзивное образование» впервые появился в ФЗ РФ «Об образовании в РФ» (от 29 декабря 2012 года); он означает «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [2].

Инклюзия в образовательной сфере рассматривается «как динамический метод позитивного реагирования на отношение к индивидуальным особенностям учащихся не как к проблеме, а как к возможностям для обеспечения учебного процесса» [3, С.234]. Это означает, что вуз обеспечивает право на образование индивида с различными образовательными потребностями. Субъект образовательного пространства, человек с ОВЗ и инвалидностью, признается как равноправный субъект. Этот тезис ука-

зывает на социокультурное измерение нетипичности, и связывает задачи развития инклюзивного образования с необходимостью формирования, прежде всего, толерантной среды профессионального обучения.

В настоящий момент мы можем наблюдать разный опыт реализации инклюзивного образовательного процесса, который с точки зрения социологической теории может трактоваться как инклюзивные образовательные практики. Для определения смысла инклюзивных образовательных практик были рассмотрены теории, которые способствовали концептуализации понятия социальных практик: структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса, этно-методология Г. Гарфинкеля, феноменология А. Шюца, так же были изучены труды П. Бергера и Т. Лукмана. В отечественной науке проблема обыденного существования и типизированных действий нашла свое отражение в научных работах О.М. Божкова, В.В. Волкова, И.В. Глушко, Вал. А. Лукова, А.А. Дьякова, Н.А. Селиверстовой, О.В. Хархордина и др.

Для объяснения содержания инклюзивных образовательных практик наибольший интерес представляют, прежде всего, идеи П. Бурдьё. Он описывал социальные практики с точки зрения способности агентов оценивать собственные поведенческие акты в соответствии с существующими представлениями о социальной реальности. Согласно его концепции, сами практики предопределяют образ жизни, мышления, чувств, действий агента, заставляя его неосознанно выбирать жизненную стратегию или социальную траекторию, ориентируясь при этом на показатели «приемлемо или нет», «для нас или не для нас», «доступно или не доступно».

Любые социальные действия индивидов при прохождении стадии «оприличивания» закрепляются в социальных практиках, а после, достигают наивысшего уровня – инситуализации, становясь институтами. Шюц пишет: «То, что вначале было лишь результатом повторяющихся действий группы индивидов,

следующим поколением воспринимается уже как данность, подлежащая лишь повторению, настолько же естественная для индивида в окружающем пространстве, как и физические объекты, присутствующие в нем» [4].

В нашем понимании, инклюзивные образовательные практики представляют собой ряд опривыченных социальных действий индивидумов и групп, сформированных в процессе передачи, приобретения и усвоения знаний, умений и навыков, включающих в себя типичные механизмы работы с информацией, а также типичные способы и механизмы взаимодействия со всеми участниками инклюзивного образовательного процесса. Отсюда следует, что инклюзивные образовательные практики отражают не только привычные действия, выполняемые индивидумами для получения определенных знаний, но также отражают некие привычки или типизированные действия в общении, поведении, взаимодействии между всеми участниками инклюзивного образовательного процесса.

Когда мы говорим об инклюзивных образовательных практиках, то безусловно в современных социально-правовых реалиях рассматриваем их в контексте институционализации. В нашем понимании, итогом процесса институционализации инклюзивных образовательных практик будет преобразование или реформирование института образования.

Методологическое обоснование исследования институционализации инклюзивных образовательных практик заключаются в выборе некоторых компонентов и изучении их места, роли, связей, которые приведут к созданию новых компонентов, их частей, что влечет обновление, видоизменение или рождение новой системы. Наибольший интерес на наш взгляд представляют работы социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана, в работе «Социальное конструирование реальности. Трактат по «социологии знания» [5] они указывают на то, что институционализация предшествует процессу хабиитуализации, то есть процессу «опривычивания» обыденных действий,

которые формируют образцы поведения, впоследствии воспринимаемые, как естественные для конкретного вида деятельности. Вследствие взаимной типизации опривыченных действий различными субъектами происходит институционализация. Основой для формирования социальных институтов являются образцы действий, их типичность и взаимность между разными субъектами социального взаимодействия, а также типичность не только действий, но и деятелей в социальных институтах.

Институционализация инклюзивных образовательных практик как любой продолжающийся во времени процесс проходит через ряд этапов:

1. Появление социальной потребности в формировании нового института или реформировании существующего.

Социально-политическая конъюнктура определила вектор изменения образовательной политики в Российской Федерации в сторону инклюзии в образовании. Появилась потребность в формировании новых смыслов. Государство выступило гарантом и нормативно закрепило новые векторы образовательной политики, что изначально нашло отражение в ФЗ РФ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов». В настоящий момент потребности государства в создании инклюзивного образовательного пространства стали более операционны: это поиск моделей, механизмов, алгоритмов для реализации инклюзивного образования.

2. Создание условий для обеспечения процесса институционализации инклюзивных образовательных практик. И здесь мы можем выделить разные уровни условий.

Макроуровень:

- Сформированность на государственном и региональном уровне нормативно-правовых основ, методов и технологий профессионального обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.
- Наличие системы мониторинга для создания и сопровождения базы данных о студентах с ограниченными

- возможностями здоровья и инвалидностью в специализированных и обычных школах, ведения специализированного учета обучающихся с инвалидностью на всех этапах подготовки к профессиональной деятельности и формирования контингента будущих абитуриентов.
- Наличие механизмов взаимодействия со структурами власти; образовательными, медицинскими, спортивными, социокультурными организациями, реабилитационными центрами, органами службы занятости и т.д.
 - Сформированность в обществе идеи о равенстве прав и возможностей.
Мезоуровень:
 - Наличие в вузе образовательной среды, доступной для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью по разным нозологиям.
 - Наличие локальных нормативных актов в вузе, регламентирующих порядок разработки и утверждения основных образовательных программ, в том числе адаптированных, порядок приема и обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.
 - Наличие в вузе служб академической поддержки (академический тьютинг, институт кураторства, волонтерская служба и др.) со штатом специалистов, обученных сопровождать лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, наличие служб специальной технической и информационной поддержки.
 - Наличие средств комплексного реабилитационного сопровождения, обеспечивающих доступность услуг (материальных, методических, технических, технологических и информационных).
 - Разработанность коррекционно-компенсационных и адаптационных курсов и модулей, дающих возможность выбора индивидуальной образовательной траектории.
 - Обеспечение доступа студентов к электронной образовательной среде и электронным образовательным ресурсам в формах, адаптированных для лиц с с ОВЗ и инвалидностью различных нозологий.
- Функционирующее методическое сопровождение в системе инклюзивной образовательной среды (постоянно действующие методические семинары, стажировки, инклюзивные консилиумы).
 - Организация в вузе структуры, обеспечивающей помощь в трудоустройстве выпускников с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.
 - Организация в вузе социокультурной среды, адаптированной для участия студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью в секциях, клубах, самостоятельных студенческих коллективах и органах студенческого самоуправления.
Микроуровень.
 - Активность студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, их психологическая готовность к обучению в инклюзивной группе высшей школы.
 - Принятия новой инклюзивной образовательной культуры. Готовность студентов с нормой здоровья обучаться в инклюзивной группе совместно со студентами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.
 - Готовность профессорско-преподавательского состава вуза работать со смешанной группой, в том числе, способность и готовность соблюдать профессиональные этические нормы, а также готовность разрабатывать адаптированные образовательные программы, использовать современные технические и методические средства и технологии в обучении.
3. Определение новых целей функционирования и развития института образования в контексте институционализации инклюзивных образовательных практик. Целью реформированного института образования (т.е. инклюзивного образования) является создание условий для обеспечения доступности, качества образования

- и полноценной социализации всех обучающихся, в том числе с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Достижение цели обеспечивается в процессе формирования инклюзивной культуры участников образовательного процесса.
4. Появление системы норм, ценностей, образцов поведения и деятельности людей. Институт образования должен транслировать систему социальных ценностей и отношений к людям с ограниченными возможностями здоровья в целом. Такой институт должен создавать условия для полноценного социального участия через преодоление практик маргинализации, дискриминации и стигматизации данной категории граждан. Обучение студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью должно строиться на понимании инвалидности как социально-конструируемого феномена [6] и стремиться к преодолению такой номинации посредством создания специальных условий обучения. Это касается доступности образовательного процесса, а также формирования готовности всех участников образовательного процесса к совместным образовательным практикам.
 5. Формирование специальных организационных структур, организаций в различных формах, что предполагает создание системы сопровождения образовательного процесса, внедрение современных ассистивных технологий, специального оборудования для обучения и сопровождения, введение в штат факультетов и иных подразделений тьюторов и кураторов.
 6. Установление системы статусов и ролей, и их иерархической структуры. Все участники образовательного процесса принимают равный статус. Это означает, что сущностная трансформация статусов происходить не будет, изменится лишь функционал деятельности субъектов, а статусы и роли каждого участника останутся неизменными.
 7. Дифференциация и специализация направлений и видов деятельности. На этом этапе должно произойти приращивание совместных практик в образовании, общении и взаимодействии участников образовательного процесса, таким образом, речь идет о формировании нового габитуса.
 8. Завершение формирования инклюзивного образовательного пространства, интернализация или интериоризация обществом в целом и отдельными представителями норм, правил, стандартов идеи инклюзии. Воспроизводство и тиражирование реформированной модели образования.
- Переход от существующей модели высшего образования к новой модели образования с расширением спектра и улучшением качества образовательных услуг, в том числе, с внедрением инклюзивных образовательных практик в учреждения высшего образования и работе с лицами с ОВЗ и инвалидностью, предъявляет повышенные требования ко всем участникам образовательного процесса. Стоит отметить, что одной из ключевых фигур в этом процессе является профессорско-преподавательский состав вуза. Seriously стоит проблема формирования понятия готовности работы в инклюзивных студенческих группах и готовности управления процессом обучения студентов с ОВЗ и инвалидностью, что, несомненно, связано с повышением профессиональной компетентности в вопросах инклюзии.
- Понятие «готовность к реализации инклюзивных образовательных практик» нами было операционализировано посредством следующих показателей:
- Во-первых, информационная готовность или информированность о нормах права, закрепленных в отношении инклюзии в образовании;
- Во-вторых, аксиологическая готовность или наличие установок обыденного сознания адекватно воспринимающих человека/студента с ограниченными возможностями здоровья и идею инклюзии в целом;

В-третьих, технологическая готовность или готовность к осуществлению повседневных статусно-ролевых практик образовательной деятельности в условиях инклюзивной образовательной среды;

В-четвертых, организационная готовность или готовность к изменениям в образовательном процессе в связи с внедрением инклюзивных образовательных практик.

В исследовании приняли участие представители профессорско-преподавательского состава вузов закрепленной территории Ресурсного учебно-методического центра по обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью НГТУ-НЭТИ. В исследовании приняли участие 310 респондентов, среди которых 37% – представители гуманитарных и экономических кафедр и 63% респондентов – представители технических кафедр. Из числа респондентов 55% – женщины, 45% – мужчины. Средний возраст опрошиваемых – 52 года, на момент опроса, средний стаж – более 20 лет.

Оценивая *информационную готовность* результаты исследования показали, что 80% респондентов из числа профессорско-преподавательского состава осведомлены о существующих законодательных нормах относительно обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью. Однако при ответе на вопрос о необходимости учета мнения преподавателей при внедрении инклюзивной формы обучения для 77% респондентов это условие является обязательным.

Оценивая *аксиологическую готовность* респондентов к реализации практик инклюзивного образования, мы видим следующие данные:

- 23% респондентов не имели опыта взаимодействия с лицами с ОВЗ и инвалидностью, 15% общались на улице, оказывали помощь и 38% респондентов имели опыт работы со студентами с ОВЗ и инвалидностью в рамках своей основной деятельности.

- Большинство респондентов считают, что при реализации модели инклюзивного обучения имеет место нежелание студентов с нормой здоровья

обучаться совместно со студентами с ОВЗ и инвалидностью. Однако, оценивая перспективность совместного участия студентов в научных, досуговых, рекреационных, волонтерских мероприятиях, более 50% респондентов говорят о перспективности и необходимости данных мероприятий.

Оценивая *технологическую готовность*, мы можем сделать следующие выводы:

На вопрос относительно возможности попробовать работать с инклюзивной группой 14% респондентов ответили, что полностью готовы к работе, 57% респондентов оказались готовы попробовать, но при помощи коллег и специалистов и 25% респондентов отказались бы от работы с группой студентов, состоящих из студентов с нормой здоровья и студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Оценивая успешность модели инклюзивного образования, лишь 23% респондентов считают возможным данное обучение; 25% респондентов отрицают данную возможность и 40% респондентов не полностью согласны или не до конца отрицают эту идею. Сложнее всего работать, с точки зрения респондентов, со студентами с ограничениями здоровья по слуху (20%), и со студентами с особенностями поведения и психики (38%).

Основную проблему преподавания в группе, где обучаются студенты с нормой здоровья и студенты с ограниченными возможностями здоровья, по мнению респондентов, может составлять: сложность в организации лекционных и практических занятий – 31% выбора, незнание возможностей ассистивных технологий в обучении – 21% выбора, длительность подготовки преподавателя к лекционным и семинарским занятиям по адаптации учебного материала и проблемы общения между всеми участниками – по 14% выбора соответственно. Большинство респондентов готовы работать с однородной по составу группой, то есть, либо с группой студентов с нормой здоровья, либо с группой студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.

Оценивая *организационную готовность*, мы видим, что для эффективной реализации инклюзивного подхода в образовании 27% респондентов считают, что необходимо современное материально-техническое и программное обеспечение. Для 26% важно наличие в образовательных организациях узких специалистов для работы с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья. 21% респондентов отметил необходимость совершенствования системы повышения квалификации с целью подготовки педагогических кадров для работы со студентами с инвалидностью, 14% респондентов отметили повышение заработной платы профессорско-преподавательского состава, 12% считают, что необходима разработка программ для обучающихся по преодолению негативного отношения к совместному образованию.

Более 80% респондентов считают необходимой специальную подготовку кадров для работы со студентами с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Однако такую подготовку имеет лишь 24% респондентов.

При возникновении трудностей в ходе работы с инклюзивной группой 31% респондентов обратились бы к узким специалистам и службам сопровождения в университете, 19% – к коллегам, более опытным в данном вопросе, а 40% респондентов не считают возможным начало подобной профессиональной деятельности без специальной подготовки.

Таким образом, очевидно, что эффективность внедрения инклюзивных процессов в систему российского образования в значительной степени зависит от уровня готовности к нему участников образовательного процесса. В свете этого формирование готовности педагогов к профессиональной деятельности в условиях инклюзии должно представлять собой долгосрочную стратегию, включающую, в том числе, комплекс мероприятий, направленных на формирование необходимых личностных и профессиональных качеств у всех участников образовательного процесса. Во-первых, курсы повыше-

ния квалификации для профессорско-преподавательского состава и для других сотрудников вузов. Несмотря на то, что курсы повышения квалификации по вопросам организации инклюзивного образования каждый год массово проводятся во многих образовательных учреждениях, данные исследования указывают на то, что подавляющее большинство респондентов знакомо с философией инклюзивного образования лишь в общих чертах, что подчеркивает необходимость более детальной проработки тем, раскрывающих особенности различных нозологических групп, особенности взаимодействия, установления контакта, а также вопросы методического характера, касающиеся организации образовательного процесса, подготовки к занятиям, преподавание материала и т.д. Стоит отметить, что большинство опрошенных чувствуют необходимость участия в курсах повышения квалификации и готовы проходить дополнительное обучение.

Во-вторых, поскольку одной из главных проблем для профессорско-преподавательского состава вузов является разработка адаптированных программ и адаптированных учебно-методических материалов с учетом требования универсального дизайна, целесообразно будет проведение методических семинаров, создание методических пособий, различных справочников, инструкций по разработке таких программ.

В-третьих, разработка специализированных справочников для профессорско-преподавательского состава вуза с «правилами» поведения с лицами с ОВЗ и инвалидностью. В них могут войти разделы, содержащие этические нормы и правила, позволяющие избежать конфликтных или «неудобных» ситуаций, способствующие созданию комфортной обстановки.

Литература

1. Специальная педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [Л.И. Аксенова, Б.А. Архипов, Л.И. Белякова и др.]; под ред. Н.М. Назаровой. – 10-е изд., стер. –

- М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 400 с.
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012, N 273-ФЗ (последняя редакция) // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Дата обращения 15.01.2018).
 3. Дзоз В.А., Трифанов С.И., Чеснокова Г.С. Организация инклюзии в системе непрерывного образования/ В.А. Дзоз, С.И. Трифанов, Г.С. Чеснокова // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 2. – С. 234.
 4. Шютц Альфред. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научи, ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
 5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
 6. Ярская – Смирнова, Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности / Е.Р. Ярская-Смирнова. – Саратов: Саратов. Гос. Тех.Ун-т, 1997–272 с.

FORMATION OF THE EDUCATIONAL SPACE FOR THE IMPLEMENTATION OF INCLUSIVE EDUCATIONAL PRACTICES: ASSESSMENT OF THE READINESS OF THE TEACHING STAFF OF THE UNIVERSITY

Mashanova A.S., Melnikova M.S.
Novosibirsk State Technical University

The article considers inclusive educational practices in the context of institutionalization and formation of inclusive learning environment of educational organization of higher education. The stages of institutionalization inclusive educational practices, as well as the conditions of their successful passage are determined. One of the

important conditions, defined by the authors, is the readiness of the university teaching staff to work in an inclusive group. At the same time, this concept is operationalized by generic categories. However, it is noted the process of institutionalization is impossible without the formation of conditions created by an educational organization at the macro-, mezo- and microlevel. The authors present the results of sociological research of the readiness of the teaching staff of epy educational organization of higher education to work in inclusive student groups. Based on the results of the study, practical recommendations for the formation of readiness are offered.

Keywords: inclusive educational practices, inclusive education, readiness for inclusive education, institutionalization, student with disabilities.

References

1. Specialized pedagogy: ucheb. posobie dlya stud. remote. triangle. education/[L.I. Akse-nova, B.A. Arkhipov, Belyakovai, etc.]; pod red. Nazarova N.M. – 10th ed., cter. – М.: Izzatelsky center “Academy,” 2010. – 400 s.
2. Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 No. 273-FZ// Reference Legal System “Consultant Plus.” URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Date of formation 15.01.2018).
3. Dzoz V.A., Trifanov S.I., Chesnokova G.S. Organization of Inclusion in the Continuing Education System/V.A. Dzoz, S.I. Trifanov, G.S. Chesnokova//Siberian Pedagogical Journal. – 2013. – № 2. – S. 234.
4. Schütz Alfred. Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology/Comp. A. Ya. Alkhasov; Per. with English A. Ya. Alkhasova, N. Ya. Mазlumyanova; Teach, ed. Translation by G.S. Batygin. М.: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. – 336 s.
5. Berger P, Lookman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – М.: “Medium,” 1995. – 323 s.
6. Yarskaya – Smirnova, E.R. Sociocultural analysis of atypicity/E.R. Yarskaya-Smirnova. – Saratov: Sarat. State. Tekh. Un-t, 1997–272 p.

Цифровая социология высшей школы

Осмоловская Светлана Михайловна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет (МГПУ)
E-mail: svetlas99@list.ru

В статье на основе анализа публикаций рассмотрены риски, связанные с цифровизацией высшей школы. Исследование системы цифровизации в высшей школе, путей и методов ее совершенствования, является одной из наиболее важных задач социологической науки. Технологии, инструменты, онлайн обучение, применяемые в быстроразвивающейся цифровой среде, изменяют подход к управлению образовательными организациями. С одной стороны, цифровизация способствует повышению гибкости образования, доступности, с другой стороны она приводит к созданию новой образовательной ситуации, включению в систему образования новых акторов, что изменяет конфигурацию отношений между основными ее участниками.

Особое внимание уделено необходимости совершенствования цифровой грамотности профессорско-преподавательского состава. Анализируются проблемы воздействия информационных технологий в образовании. В статье раскрываются проблемы создания онлайн курсов, дистанционного образования, программного обеспечения высшей школы и предлагаются практические рекомендации по их реализации в социальной практике. Выявлены достижения и перспективы применения преподавателями высшей школы возможностей социальных сетей в учебном процессе. Проанализированы возможности информатизации на предмет использования при обучении студентов.

Исследования играют большую роль в понимании того, какие требования необходимо предъявлять студентам и преподавателям высшей школы.

Ключевые слова: высшая школа, цифровизация, технологии, инструменты, цифровые данные, дистанционное образование, социология, социальные сети, интеллектуальные услуги.

Цифровая социология охватывает большое количество проблем, связанных с осмыслением цифровизации и влияния новейших цифровых технологий на все сферы жизнедеятельности цифрового общества.

Цифровая трансформация образования идет во всем мире. Задачей высшей школы является формирование у обучающихся способностей самостоятельно управлять своим обучением, внедрение информационных технологий в образование. Цифровизация социума привела к тому, что исследования новых форм обучения и коммуникации выделались в отдельное поле научных исследований.

Как отмечает Бехтерева Л.Г.: «В условиях открытости высшего образования, внешним запросам важное значение имеет его информатизация, которая создает возможность сбора, анализа и переработки больших объемов данных. Это служит основой для повышения качества интеллектуальной деятельности, разнообразия образовательных услуг. Социология, связанная с цифровой эпохой, с новыми методами сбора и обработки информации, формирует основу для искусственного интеллекта в общественных науках» [1, с. 576].

Возможность использования социальных сетей в образовательном процессе обозначает установленные взаимодействия. В социальных сетях все равны, нет заранее установленных правил и эту особенность должен учитывать преподаватель. Для социальной сети характерен принцип равенства и диалога. Разрабатывая онлайн курсы, программное обеспечение стоит это учитывать.

Исследователи в области образования считают перспективными направлениями работу с большим объемом данных, с обработкой и анализом данных, с использованием социальных сетей для повышения качества образования. С помощью аналитики можно оптимизировать учебный процесс. Так, например, в ходе исследования Гостевой Л.З. и Плиевой М.С. выявлен высокий уро-

вень мотивации использования социальных сетей в учебном процессе, высокий уровень самораскрытия. Эти технологии являются потенциалом для внедрения в практическую деятельность [2, с. 167].

Информатизация образования, цифровая трансформация в этой сфере представляет собой область научно-практической деятельности, направленной на освоение новых специальностей, новых технологий, умения работать с ними. Цифровизация – масштабный процесс, затрагивающий в том числе и образование, где требуется построение нового образовательного контента, обеспечения системы теорией и практикой разработки и использования информационных технологий, организации смешанного обучения, навыков цифровой педагогики.

Савочин С.М. указывает: «Процесс цифровизации высшей школы включает в себя оснащение учреждений образования программными средствами информационных технологий, создание и размещение в сети интернет информационных ресурсов образовательного назначения, формирование информационной культуры преподавателей и студентов, создание системы непрерывного обучения цифровым технологиям» [10, с. 130]

Горбунов Д.А. в научной статье «Влияние интернета на потребительские поведения пользователей социальных сетей» выделяет положительные стороны цифровизации в высшей школе: диагностику качества образования, создание цифровых копий, перевод учебного материала в цифровой формат, доступность информации к электронной образовательной среде, анализ оценки степени освоения материала, создание онлайн платформ на всей территории страны [3, с. 65].

Малюшонок Н.Г. обосновал взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью и сформулировал плюсы цифровизации системы образования: отсутствие бумажного документооборота, экономию средств, экономию времени, переход образовательного процесса

в электронный формат. Цифровое общество расширяет сферу общения, устраняя физические границы между людьми, меняется традиционное социальное общение [4, с. 59].

Что касается проблем цифровой грамотности, о которых в своей работе «Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм» говорит Ракитов А.И., то предлагается повышать свои навыки посредством курсов компьютерной грамотности. По мнению автора, полностью заменить традиционную систему образования цифровым не получится, хотя компьютерная система дает преимущества в скорости, в обработке, в эффективном решении задач [8, с.41].

Зарубежный опыт демонстрирует благотворное влияние использования цифровизации и социальных сетей в учебном процессе. Заинтересованность в применении цифровых технологий в образовании возникла в странах запада по причине стремительного развития электронных технологий. К плюсам данного процесса можно отнести развитие системы дистанционного образования, дополнительного образования, переквалификации. Многие авторы говорят о новой модели высшей школы – цифровом университете, основным элементом которого должны стать большие данные, при помощи которых высшая школа сможет управлять образовательными траекториями обучающихся.

Цифровизация образования является глобальной тенденцией – это использование цифровых ресурсов, электронного обучения, развитие образовательных технологий. Цифровизация образования стремительно развивается и приобретает все большие масштабы обновления. Медиа контент в сети, а также интерактивные цифровые учебники приобретают все большую популярность. Наблюдается переход из количественного состояния (увеличение цифровых платформ, типа Zoom, Teams, Discort, Clubhouse, массовая компьютеризация, оцифровка различных процессов) в качественное (внедрение искусственного интеллекта, типа AR и VR- технологий, работа с боль-

шим объемом данных). Подобные сервисы станут ключевыми для организации цифрового обучения [11, с.3420].

Суть цифровой трансформации в том, чтобы гибко и эффективно применять новейшие информационные технологии в образовании [7]. Для этого необходимо развивать материальную инфраструктуру, обновлять каналы связи и устройства цифровых кабинетов, внедрять цифровые программы с использованием технологий машинного обучения, искусственного интеллекта, развивать онлайн обучение, развивать новые системы управления обучением.

«Цифровизация приводит и к созданию новых моделей высшей школы. Чтобы понять, куда должно двигаться университетское образование в плане технологий нужны примеры платформ и ресурсов, инструментов, цифровых направлений обучения. Цифровизация не ограничивается классическими методами и средствами обучения, сам процесс обучения становится шире», – уточняет Минина В.Н. [5, с. 84].

Никонова М.А. затрагивает практики внедрения цифровых технологий как модернизацию направлений научно-исследовательской деятельности, для этого необходимо перестроить и программы обучения, и весь подход к обучению. Использование цифровых технологий позволит обучать новым программам, обмениваться знаниями и опытом, вовлекать обучающихся эффективнее [6, с. 31]

Все указанные выше авторские научные направления находятся в поле зрения исследовательского комитета Российского общества социологов «Социология цифрового общества».

В университетах будущего важную роль играют цифровые библиотеки, имеющие электронные копии учебников, научной литературы. Медиконтент в сети, а также интерактивные цифровые учебники заменяют постепенно классические источники знаний. Разработка и апробация цифровых комплексов необходима в проектировании искусственного интеллекта, который подстраивается под нужды конкретного обучающегося. Здесь

уместны система видеонаблюдения, система WiFi, Smart TV, системы-фильтры для поисковых служб, цифровые стимуляторы [9, с.11].

Итак, последствия цифровизации высшей школы обуславливают глобальные изменения структуры образования и общества. Цифровое образование может всем желающим ориентироваться в обилии данных. Мир технологий эффективен в реалиях современного общества. Российская социология, обогащенная новыми техническими и технологическими средствами, которые дала цифровизация, может изучать новые формы формирования мировоззрения, выражения мнений для того, чтобы понять, что происходит в мире.

Литература

1. Бехтерева, Л. Г. (2015) Возможности использования социальных сетей в современном образовательном процессе в вузах / Л.Г. Бехтерева, Н.Ю. Марголис, В.А. Никитенко // Молодой ученый. – 2015. – № 6 (86). – С. 575–578.
2. Гостева Л. З., Плиева М.С. Интернет зависимость у современных детей как актуальная проблема XXI века (обзор литературы) // Основные парадигмы современного социально-гуманитарного знания. Материалы заочной межрегиональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2013. С. 167–172.
3. Горбунов Д.А. Влияние интернета на потребительские поведения пользователей социальных сетей. В книге: Университет в глобальном мире. Тезисы научно-практической конференции. 2018. С. 65–67
4. Малошенок Н.Г. (2016) Взаимосвязь использования Интернета и мультимедийных технологий в образовательном процессе со студенческой вовлеченностью // Вопросы образования. 2016. № 4.С. 59–83
5. Минина В.Н. (2020) Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.

6. Никонова М.А. Социальная адаптация российской молодежи в условиях трансформации общества. В книге: Социология молодежи. Тезисы научно-практической студенческой конференции. 2018. С. 31–34.
7. Осмоловская С.М. (2019) Коммуникационные практики высшей школы: социологический анализ. Коммунология. Т. 7. № 3. С. 47–56.
8. Ракитов А.И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал. 2018. № 6. С. 41–49
9. Сакович С.М. (2018). Высшее образование в информационном обществе. Москва. В книге: Университет в глобальном мире. Тезисы научно-практической конференции. 2018. С. 10–11
10. Сакович С.М. (2012). Некоторые аспекты развития социологии в современной России. Системная психология и социология. 2012. № 5. С. 130–132.
11. Ryabov V.V., Ananishnev V.M., Fursov V.V., Tkachenko A.V., Os-molovskaya S.M., Frolova T.N. THE POSSIBILITY OF INCLUDING MEDICAL INSTITUTIONS INTO GLOBAL RANKINGS (2020). Talent Development and Excellence. Т. 12. № S2. С. 3420.

DIGITAL SOCIOLOGY OF HIGHER EDUCATION

Osmolovskaya S.M.

Moscow City Pedagogical University (MGPU)

Based on the analysis of publications, the article examines the risks associated with the digitalization of higher education. The study of the digitalization system in higher education, ways and methods of its improvement, is one of the most important tasks of sociological science. Technologies, tools, online learning applied in a rapidly developing digital environment are changing the approach to the management of educational organizations. On the one hand, digitalization helps to increase the flexibility of education, accessibility, on the other hand, it leads to the creation of a new educational situation, the inclusion of new actors in the education system,

which changes the configuration of relations between its main participants.

Special attention is paid to the need to improve the digital literacy of the teaching staff. The problems of the impact of information technologies in education are analyzed. The article reveals the problems of creating online courses, distance education, higher school software and offers practical recommendations for their implementation in social practice. The achievements and prospects of using the capabilities of social networks by higher school teachers in the educational process are revealed. The possibilities of informatization for use in teaching students are analyzed.

Research plays an important role in understanding what requirements should be imposed on students and teachers of higher education.

Keywords: higher school, digitalization, technologies, tools, digital data, distance education, sociology, social networks, intellectual services.

References

1. Bekhtereva, L. G. (2015) Possibilities of using social networks in the modern educational process in universities / L.G. Bekhtereva, N.Y. Margolis, V.A. Nikitenko // Young Scientist. – 2015. – № 6 (86). – Pp. 575–578.
2. Gosteva L. Z., Plieva M.S. Internet addiction in modern children as an actual problem of the XXI century (literature review) // Basic paradigms of modern socio-humanitarian knowledge. Materials of the correspondence interregional scientific and practical conference. Blagoveshchensk, 2013. pp. 167–172.
3. Gorbunov D.A. The influence of the Internet on consumer behavior of users of social networks. In the book: University in the Global World. Abstracts of the scientific and practical conference. 2018. pp. 65–67
4. Maloshonok N.G. (2016) The relationship of the use of the Internet and multimedia technologies in the educational process with student involvement // Questions of education. 2016. No. 4. pp. 59–83
5. Minina V.N. (2020) Digitalization of higher education and its social results // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2020. Vol. 13. Issue 1. pp. 84–101.
6. Nikonova M.A. Social adaptation of Russian youth in the conditions of transformation of society. In the book: Sociology of Youth. Abstracts of the scientific and practical student conference. 2018. pp. 31–34.

7. Osmolovskaya S.M. (2019) Communication practices of higher education: a sociological analysis. *Communicology*. Vol. 7. No. 3. pp. 47–56.
8. Rakitov A.I. Higher education and artificial intelligence: euphoria and alarmism // Higher education in Russia. *Scientific and pedagogical journal*. 2018. No. 6. pp. 41–49
9. Sakovich S.M. (2018). Higher education in the information society. Moscow. In the book: *University in the Global World. Abstracts of the scientific and practical conference*. 2018. pp. 10–11
10. Sakovich S.M. (2012). Some aspects of the development of sociology in modern Russia. *Systems psychology and sociology*. 2012. No. 5. pp. 130–132.
11. Ryabov V.V., Ananishnev V.M., Fursov V.V., Tkachenko A.V., Osmolovskaya S.M., Frolova T.N. THE POSSIBILITY OF INCLUDING MEDICAL INSTITUTIONS IN GLOBAL RANKINGS (2020). *Talent development and excellence*. P. 12. No. S2. p. 3420.

Молодежный суицид в период пандемической самоизоляции

Чагин Владимир Сергеевич,
преподаватель кафедры тактико-специальной
подготовки Краснодарского университета МВД
России
E-mail: chagin-vs@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению взаимосвязи между пандемийными ограничениями и суицидальным поведением молодых людей и подростков. Отмечается, что пандемию следует рассматривать в качестве суицидогенного феномена, особенно в молодежной среде. Подростки и молодые люди вынужденно оказались в замкнутом пространстве, впервые в своей жизни столкнулись с ослаблением общественных связей, с систематическими стрессами. Самоизоляция привела к проблеме снижения витальности и, соответственно, к учащению попыток суицида и росту случаев завершённых самоубийств. Рассматриваются типы суицидогенных социальных сфер: (1) семейная среда; (2) внешняя социальная среда; (3) академическая среда, (4) внутренняя психическая среда; (5) социально-экономическая среда. Пандемия COVID-19 привела к интенсификации контактов с членами семьи, что нередко становилось болезненным для молодых людей. Данная проблема усугубилась введением массовой практики дистанционного обучения, избыточным общением в Сети и проблемами финансового характера.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, самоизоляция, молодежь, молодежная среда, суицид, суицидальное поведение, общественное здоровье.

Пневмония, распространявшаяся в течение 2,5 лет колоссальными темпами, прямо или косвенно затронула каждого жителя планеты. Во время пандемийного периода это заболевание стало ведущей причиной смертности народонаселения. Подростки и молодежь при этом оказались наиболее устойчивой к пневмонии группой людей. Известно, что уровень смертности детей и подростков до 18 лет, которым была диагностирована пневмония COVID-19, составил не более 0,18%. Данный показатель позволяет заключить: влияние пандемии COVID-19 на уровень смертности подростков и молодежи оказалось незначительным, даже с учетом постковидных осложнений. При этом последствия пандемии для исследуемой нами группы лиц проявились в ином аспекте: согласно многочисленным правительственным и частным исследованиям, проводимым в различных странах мира, пандемия и связанные с ней ограничения привычных паттернов жизнедеятельности послужили рычагом для возникновения и усугубления развития депрессивных и тревожных симптомов подростков и молодежи в период пандемии и после нее. Масштаб данных девиаций настолько значителен, что множество авторитетных источников стали говорить о суицидогенности пандемии и пандемийных ограничений для лиц молодого возраста [3, с. 22]. Молодых людей из разных частей мира объединила проблема снижения витальности – тяги к жизни – что привело к проблеме учащения попыток суицида и случаев завершённых самоубийств.

Отметим, что лица молодого возраста зачастую сталкиваются с антивитальными переживаниями; они еще не имеют четкого представления о смерти, но, при этом, отрицают саму ценность жизни [11, с. 152]. Продолжительные и системные антивитальные переживания могут сформироваться в оформленный

и осознанный паттерн суицидального поведения.

Основными научными отраслями, которые занимаются проблемами суицидальных настроений и суицидов в среде молодых людей, можно назвать психологию и социологию. Исследователи-психологи при анализе факта суицида или его попытки исходят из свойств конкретной личности, пытаются определить, какое событие и какое личностное качество могли привести к суицидальным настроениям. Социологи, в свою очередь, склонны рассматривать самоубийства и их попытки как дефект в функционировании общественной системы, как тренд, закономерность, динамический показатель, обусловленный социальной обстановкой и деструктивным влиянием данной обстановки на психоэмоциональный фон молодого человека. Безусловно, в анализе данного аспекта развития социальных систем будет полезным опираться и на психологию, и на социологию, а также привлекать данные, методологию, принципы и постулаты ряда прочих дисциплин – экономики, геополитики, медицины, истории, философии и многих других. Подобная междисциплинарность, собственно, и породила необходимость выделения отдельного научного вектора – суицидологии.

В рамках социальных наук суицидальное поведение молодых людей и подростков рассматривается, помимо прочих, в контексте идеи об общественном здоровье. Ранее общественное здоровье включало в себя ряд медицинских и экономических показателей качества и продолжительности жизни населения, тогда как сегодня структура общественного здоровья подразумевает еще один компонент – психологическое (духовное) здоровье людей; отмечается, что оценка общественного здоровья не может считаться полноценной без учета фактора психологического здоровья людей как обязательного, системообразующего атрибута благосостояния социума [10, с. 14]. Поворот к рассмотрению психологического статуса населения вполне закономерен, ведь именно в подобном контексте можно понять причины, фак-

торы и обстоятельства, ведущие к распространенной практике самоубийств среди молодого населения.

Самоубийства уже достаточно давно привлекают к себе внимание ученых-социологов, причиной чего является, безусловно, значимые количественные параметры смертности в связи с суицидами. Самоубийства, как указывают Я.А. Лещенко и А.А. Лисовцов, – «крайняя саморазрушительная форма выхода из стрессового и депрессивного состояния» [Лещенко, с. 18]. Самоубийство есть результат системных сбоев в трех аспектах функционирования индивида – биологическом, психологическом и социальном. Самоубийство в молодежной среде – особенно острая проблема во многих странах, что, в свою очередь, отражается на законодательном, программном, стратегическом уровнях управления государственной социальной системой. В социальной среде подростков и молодых людей, где, как указано выше, зачастую доминируют антивитальные ценности, наблюдается хаотическое нагромождение ценностных установок, трендов, мировоззренческих «ловушек», которые становятся барьерами для формирования самооценки человеческой жизни. Р.Г. Ардашев указывает на то, что «сбивать» молодого человека могут такие социальные явления и тенденции, как романтизация суицидального поведения, юмор и ирония в рассуждениях о жизни и смерти, псевдонаучные или религиозные сообщения и прочие иррациональные векторы построения мировосприятия [1, с. 43]. Все это существенно искажает смысловые доминанты целых поколений и, к сожалению, нередко результирует в суицидальное поведение или даже самоубийство. Суицидальное поведение – важный показатель «социального самочувствия» (или, следуя представленной нами выше терминологии, общественного здоровья).

В среднем по всем странам мира самоубийства являются второй по распространенности причиной смертности лиц с 16 до 25 лет. Данный факт обуславливает широкий научный интерес

к социальному анализу данной проблемы и рассмотрению общественных явлений, которые выступают предпосылками к росту числа суицидов среди молодежи.

В ряде зарубежных социологических исследований причины суицидов и их попыток в молодежной среде анализируются на основании критериев относимости к той социальной сфере, проблемы в которой выступают «триггером», импульсом к развитию суицидальных паттернов, росту количества попыток самоубийств и завершенных самоубийств. Один из таких подходов представляют, помимо прочих, Р. Гото, Ю. Окубо и Н. Скокаускас, которые в рамках новейшей публикации в журнале «Ланцет» дифференцируют причины суицидов согласно «суицидогенным» социальным сферам: (1) семейная среда (*family-related domain*), формирующая суицидальное поведение вследствие абьюзивного поведения членов семьи, разногласий с родителями и другими родственниками, а также по причинам излишне строгой дисциплины и применения жестоких наказаний; (2) внешняя социальная среда (*social concerns domain*), формирующая суицидальное поведение, связанное с разногласиями с друзьями, буллингом и издевательствами сверстников, с трудностями в построении романтических отношений и в области иных социальных связей; (3) академическая среда (*academic concerns domain*), формирующая суицидальное настроение по причине стрессов, связанных с прохождением экзаменационных испытаний, оценок, рейтингов. В целом исследователи выделяют четыре суицидогенные среды (представленный выше перечень дополняется внутренней психической средой (*mental illness domain*), связанной с протеканием психических заболеваний и девиаций – тяжелых и затяжных депрессий, шизофрении и проч.) [15, с 4]. Как видим, три из четырех сред имеют ярко выраженную ориентацию на социальный аспект бытия личности, и только одна из них укореняется во внутренних личностных особенностях работы нервно-психической системы.

В отечественных исследованиях приводятся, в целом, аналогичные данные. Р.Г. Ардашев, изучивший подростков с документально зафиксированным суицидальным поведением, отмечает, что ключевой причиной формирования антивитальности выступают детско-родительские конфликты (33%). Склонности к отрицанию самооценности жизни и к обдумыванию путей самоубийств в 22% развиваются вследствие неудач в построении романтических отношений (при этом данная причина имеет четко выраженную гендерную вариабельность – она имеет место у 68% девушек и 32% юношей) [1, с. 41]. Суицидогенность академической и профессиональной сред имеет место в 19% случаев. Исследователь выделяет также психологические расстройства (14%) и психические заболевания, генетические мутации (2%) в качестве суицидогенных факторов. В контексте исследуемой нами проблемы особое значение имеет пятая группа факторов, обозначенная Р.Г. Ардашевым – социально-экономические трудности: отсутствие работы, нехватка денежных средств, новые вынужденные паттерны поведения, сложности социальной адаптации (10%) [1, с 42], ведь именно эта группа факторов, как можно предположить, актуализируется в связи с ограничениями и последствиями пандемии.

Обратимся непосредственно к исследуемому нами – пандемийному – этапу. Как известно, пиковым в плане распространения инфекции и сопутствующим им ограничением принято считать 2020 г. Согласно официальной статистике, в 2020 г. в Российской Федерации в результате самоубийств погибло 16546 человека (13731 мужчин и 2815 женщин) [6]. Доля самоубийств в структуре смертности от внешних причин смерти в 2020 г. составила 12,1%. Официальная статистика, можно сказать, не всегда дает истинное представление о масштабах молодежных суицидов в стране в пандемийный период; к примеру, очевидно, что в любой стране пандемия привела к росту количества самоубийств среди молодых людей, тогда как документация

Росстата свидетельствует о сокращении данного показателя на 4,1% в сравнении с допандемийным периодом. Это связано с тем, что суицида как причина гибели человека не всегда доказательна и, следовательно, официальные органы не всегда способны констатировать, наступила ли конкретная смерть от руки самого человека или же это стало результатом, к примеру, убийства или несчастного случая. Всемирная организация здравоохранения в данной связи всегда делает поправку на подобные расхождения документальной картины и фактического состояния дел. Текст отчета *Suicide worldwide in 2019: global health estimates* [16], в частности, содержит предположение о том, что данные о самоубийствах в России могут быть, по изложенным выше причинам, занижены в два раза. Представители Организации Объединенных наций также говорят о российской «проблеме недоучета смертности от суицидов» [12].

Суициды среди подростков и молодежи – весьма актуальная проблема для России. При этом анализ статистики и динамики годовых показателей в этом отношении демонстрирует одну тенденцию, которую можно условно описать «благополучный Запад – неблагоприятный Восток». Речь идет о том, что статистика по суицидам среди молодежи обнаруживает колоссальную территориальную гетерогенность. Зона повышенных рисков подростковых суицидов формируется в трех географических кластерах – Северо-Запад, Дальний Восток и Восточная Сибирь.

Р.М. Садыков и Н.Л. Большакова также говорят об суицидальной уязвимости российской молодежи. Возрастной диапазон 18–29, по мнению исследователей, – пик суицидальной активности в стране [14, с. 38]. Мысли о завершении жизни характерны для 30% молодых людей в возрасте 14–24 лет. Кроме того, глубокое изучение проблемы позволяет говорить, что молодой российский суицидент, «совершивший неудачную попытку, обязательно ее повторит» [14, с. 38].

В 2020 и 2021 гг. повседневной реальностью миллионов подростков и мо-

лодых людей в России стала вынужденная изоляция, продлившаяся, как казалось изначально, не недели, а многие месяцы [13, с. 18]. Параллельно с пандемией, но при этом – практически незаметно – начала формироваться важнейшая социальная тенденция, сокрытая борьбой с распространением коронавируса – эпидемия одиночества. Только спустя год после введения пандемийных ограничений социологи и психологи начали обращать внимание общественности на нарастание проблем общественного здоровья; к 2021 г. в СМИ и научной периодике начали впервые упоминаться фразы «глобальная ситуация одиночества», «самый масштабный на планете психологический эксперимент», «новый период социальной боли» и др.

Подростки и молодые люди вынужденно оказались в замкнутом пространстве, впервые в своей жизни столкнулись с ослаблением общественных связей, с систематическими стрессами. Безусловно, переход значительной части жизнедеятельности молодежи в онлайн-режим – дружеское и романтическое общение, учеба и работа, хобби и спорт – априори не способен удовлетворить потребность молодых людей в «живой» коммуникации, необходимой для преодоления негативных переживаний и создания чувства причастности [13, с. 18].

Как отмечено выше, наиболее суицидогенной средой, как по мнению российских, так и по мнению зарубежных исследователей, для лица подросткового или молодого возраста выступает семья. Пандемия COVID-19, как очевидно, не только ограничила коммуникацию молодых людей со сверстниками, но и интенсифицировала контакты с членами семьи [3, с. 16]. В случае, если подобные контакты и ранее были болезненными, при вынужденной изоляции семейные проблемы на порядок обостряются. По сути детско-родительские конфликты как общенациональная проблема и фактор увеличения смертности из-за самоубийств не изменились по своим причинам и механизмам, но интенсифицировались по причине нахождения

участников конфликтогенной обстановки в замкнутом пространстве.

Дистанционное обучение, несмотря на все его плюсы и в целом оптимистичное отношение к нему со стороны педагогов-новаторов, имеет, тем не менее, ряд недостатков. Студентам пришлось в экстренном режиме адаптироваться к новой учебной обстановке, многие «радости» студенческой жизни – общение с одногруппниками, групповая работа, внеурочное времяпрепровождение и др. – оказались недоступными в период пандемии. Это, безусловно, привело к эскалации тревоги и напряжения, связанным с ситуацией изменения режима обучения, организации быта, что, как можно предположить, усугублялось тревогой за собственную жизнь и жизнь своих близких [8, с. 439]. Многие современные исследования доказывают обеднение социальных взаимодействий студентов поколения COVID, обусловленное самоизоляцией, пребыванием в домашней среде, интенсификацией общения в Сети.

Функцию «заменителя» живой социальной среды, как представляется, должен был сыграть Интернет. Возможно, в определенной степени подобное утверждение правдиво, однако, существуют и «темные» стороны тотального перехода подростков и молодежи в Сеть. Неконтролируемая подача информации, по мнению О.Е. Коханой, способна разрушительно влиять на формирования морально-нравственных ценностей подростков и молодежи [9, с. 32]. Неоспоримым является и тот факт, что современная Интернет-медиасреда «воспитывает» девиации, что в результате выражается в проявлении жестокости к окружающим людям или к себе – в форме суицидального поведения. В публикации Е.А. Даниловой и Е.В. Щаниной содержится схожий тезис: «опасность цифрового флуда заключается в том, что старшие поколения, имеющие устоявшуюся систему ценностных ориентаций, определяют его содержание <...> в отличие от молодого поколения, у которого <...> интериоризируется навязанный образ реальности как единственно достовер-

ный» [5, с. 27]. Молодой человек, получивший в Сети искаженные ценностные установки, находясь в изоляции, не имеет возможности скорректировать их в процессе реального социального взаимодействия.

Более того, актуализировался суицидогенный фактор, связанный с социально-экономическим благополучием людей. В случае подростков данный фактор влияет на психоземotionalный статус опосредованно – через снижение доходов домохозяйства. Утрата трудоустройства родителями, вынужденные неоплачиваемые производственные каникулы или снижение уровня занятости определяют снижение финансовых возможностей семьи и повышают градус внутрисемейного напряжения. Финансовый фактор прямо влияет на молодых людей, которые уже были трудоустроены до пандемии или занимались подработками, совмещенными с учебой. Можно провести немало параллелей между современной эпохой и 1990-ми гг., когда «рыночные» реформы ударили по молодежи, возникла острейшая проблема безработицы, молодые люди были вынуждены менять место жительства в поисках работы и жилья [4, с. 114]. В тот период нарушение статуса общественного здоровья молодых людей также привело к скачку количества суицидов. Кроме того, следует согласиться в данной связи с Е.А. Даниловой и Е.В. Щаниной: «это был готовый человеческий материал для формирования маргинальных слоев общества» [5, с. 114]. Сегодня наблюдается схожая ситуация: драматическое ухудшение материального положения негативно сказалось на социальном самоощущении молодежи, значительную долю молодых людей пандемия привела к грани бедности и даже нищеты. При этом достоверно доказано, что продолжительная безработица, занятость без социальных гарантий, низкооплачиваемый труд, труд не по специальности выступают основными факторами психологического и социального неблагополучия.

В целом вышеописанные проблемы – изолированность от общества сверстни-

ков, дистанционная учеба, нахождение в замкнутом и нередко – конфликтотенном – пространстве, снижение уровня финансового благополучия – привели к расслоению молодежной среды. Я.И. Гилинский говорит в данной связи о наличии двух социальных страт – (1) лица, включенные (*included*) в экономическую, политическую, культурную жизнь, и (2) лица, исключенные из нее (*excluded*) [2, с. 13]. Социально-экономическая нестабильность – важный девиантогенный фактор, приводящий к росту преступности, алкоголизации, наркотизма, проституции и, собственно, самоубийств.

В заключение следует рассмотреть вопрос о прогнозировании динамики суицидальных проявлений в молодежной среде. Если проследить динамику количества самоубийств и их попыток в молодежной среде, можно отметить парадоксальный тренд: с началом пандемии резкого скачка смертности в результате суицида и госпитализации в результате его попыток не наблюдалось. Более того, «произошло в известной мере парадоксальное снижение количества случаев завершённых суицидов» [7, с. 11]. Возможно, здесь имела место следующая общемировая тенденция: уровень суицидов снижается во время войн и национальных бедствий за счет своеобразного «эффекта мобилизации», укрепляющего социальную связанность. Возможно, в периоды крупномасштабных общественных потрясений возрастает субъективная ценность жизни. Данный эффект является ведущим антисуицидальным фактором. При этом, после первого из спадов в темпах распространения пандемии все же был отмечен скачок в количествах самоубийств среди молодежи. З.И. Кекелидзе с соавт. говорит, что такая ситуация, скорее всего, представляет собой один из вариантов посттравматического стрессового расстройства. Следуя данной логике, можно ожидать «острый подъём суицидальности по окончании эпидемического события» [7, с. 12].

С другой стороны, в западной науке распространена несколько иная точ-

ка зрения, согласно которой в течение двух после завершения длительных общестрановых катастроф наблюдается рост общественного здоровья и сокращение числа самоубийств среди молодежи («эффект медового месяца» – *honeymoon effect*) [15, с. 7] и последующий возврат к прежнему уровню суицидов на третий год. К примеру, после землетрясения и цунами 2011 г. в Японии уровень самоубийств снизился в течение двух лет сразу после катастрофы, но превысил уровень до катастрофы за третий год. В любом случае, негативный эффект, оказываемый пандемией на социальное и психологическое благополучие молодежи, колоссален, и даже если он будет отложенным по времени, его отголоски мы будем ощущать еще долго.

Таким образом, подростки и молодые люди, находясь в условиях самоизоляции, ощутили на себе ее негативный побочный эффект, выраженный в невозможности полноценной социализации и снижении финансового благополучия, что, в свою очередь, еще более «исключает» молодого человека из общества. Таким образом, общенациональная проблема суицидов и суицидальных настроений в молодежной среде, существовавшая и до пандемии, обострилась по ходу ее развития. По нашему мнению, вряд ли возможно максимально точно и достоверно оценить и измерить масштабы влияния распространения коронавируса на общественное здоровье молодых людей, но, тем не менее, даже попытки выполнения подобной аналитической оценки имеют важное значение. Проблема, рассматриваемая нами в статье, имеет множество граней – социальных, психологических, экономических, медицинских и, безусловно, заслуживает более подробного рассмотрения, особенно по наступлении трехлетнего периода после завершения пандемийных событий, когда ожидается рост суицидов и повышение антивитаальных настроений в молодежной среде.

Литература

1. Ардашев, Р.Г. Иррациональные основы суицидального поведения мо-

- лодежи / Р.Г. Ардашев // Социология. – 2022. – № 3. – С. 39–46.
2. Гишинский, Я.И. Девиантология пост-модерна / Я.И. Гишинский // Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2 (1). – С. 10–16.
 3. Гуреев, С. А. К вопросу о смертности подростков в зарубежных странах / С.А. Гуреев, Р.Н. Мингазов, Э.Н. Мингазова // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. – 2022. – № 1–2. – С. 16–25.
 4. Давыдов, С.Г. Социальное самочувствие и настроения российской молодежи в 1990-е годы / С.Г. Давыдов, Е.В. Бабаева // Современная научная мысль. – 2022. – № 3. – С. 113–122.
 5. Данилова, Е.А. Воздействие виртуального пространства на социализацию молодежи / Е.А. Данилова, Е.В. Щанина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 22–25.
 6. Демография // Федеральная служба государственной статистики. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. – Дата доступа: 26.09.2022.
 7. Кекелидзе, З.И. Суициды в период пандемической самоизоляции / З.И. Кекелидзе, Б.С. Положий, Е.О. Бойко и др. // Российский психиатрический журнал. – 2020. – № 3. – С. 4–13.
 8. Ковшова, О.С. Психоземotionalный стресс у лиц молодого возраста в условиях COVID-19 / О.С. Ковшова, Д.Д. Лыгина // Ученые записки университета Лесгафта. – 2021. – № 7 (197). – С. 438–444.
 9. Коханая, О.Е. Цифровые медиа как фактор, провоцирующий девиантное поведение несовершеннолетних / О.Е. Коханая // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2022. – № 1. С. – 30–38.
 10. Лещенко, Я.А. Здоровье молодежи в контексте кризиса культуры / Я.А. Лещенко, А.А. Лисовцов // ОЗ. – 2022. – № 2. – С. 14–28.
 11. Рахматуллина, А.А. Суицид в молодежной среде / А.А. Рахматуллина // Вестник науки. – 2022. – № 4 (49). – С. 152–158.
 12. Результаты исследования «Смертность российских подростков от самоубийств» // United Nations in Russian Federation – 2022. [Electronic source]. – Mode of access: <http://www.unrussia.ru/en/node/2727>. – Date of access: 26.09.2022.
 13. Ростовская, Т.К. Одиночество в условиях пандемии: страновой обзор / Т.К. Ростовская, А. Д.О. Сулейманлы, В.А. Гневашева, Д.П. Толмачев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2022. – № 22(1). – С. 17–22.
 14. Садыков, Р.М. Суицид среди молодежи как социальная проблема в современной России / Р.М. Садыков, Н.Л. Большакова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 9. – С. 37–43.
 15. Goto, R. Reasons and trends in youth's suicide rates during the COVID-19 pandemic / R. Goto, Y. Okubo, N. Skokauskas // The Lancet Regional Health – Western Pacific – 2022. – Vol 27. – С. 1–10.
 16. Suicide worldwide in 2019: global health estimates // World Health Organization; – 2021. [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789240026643>. – Date of access: 26.09.2022.

YOUTH SUICIDE DURING PANDEMIC SELF-ISOLATION

Chagin V.S.

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to the interconnection between the pandemic social restrictions and suicidal behavior of young people and adolescents. It is noted that the pandemic should be considered as a suicidal phenomenon, especially among the youth. Adolescents and young people were forced to find themselves in a confined space, for the first time in their lives they faced a weakening of social ties, with systematic stress. Self-isolation has led to the problem

of a decrease in vitality and, accordingly, to an increase in suicide attempts and an increase in cases of completed suicides. The types of suicidal social spheres are considered: (1) family environment; (2) external social environment; (3) academic environment, (4) internal mental environment; (5) socio-economic environment. The COVID-19 pandemic has led to increased contact with family members, which has often been painful for young people. This problem has been aggravated by the introduction of the mass practice of distance learning, excessive network communication and financial problems.

Keywords: pandemic, coronavirus, self-isolation, youth, youth environment, suicide, suicidal behavior, public health.

References

1. Ardashev, R.G. Irrational foundations of suicidal behavior of youth / R.G. Ardashev // *Sociology*. – 2022. – No. 3. – S. 39–46.
2. Gilinsky, Ya.I. Postmodern deviantology / Ya.I. Gilinsky // *Russian deviantological journal*. – 2022. – No. 2 (1). – P. 10–16.
3. Gureev, S.A. On the issue of adolescent mortality in foreign countries / S.A. Gureev, R.N. Mingazov, E.N. Mingazova // *Bulletin of the N.A. Semashko National Research Institute of Public Health*. – 2022. – No. 1–2. – S. 16–25.
4. Davydov, S.G. Social well-being and moods of Russian youth in the 1990s / S.G. Davydov, E.V. Babaeva // *Modern scientific thought*. – 2022. – Number 3. – S. 113–122.
5. Danilova, E.A. The impact of virtual space on the socialization of youth / E.A. Danilova, E.V. Shchanina // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. – 2022. – No. 6. – S. 22–25.
6. *Demography* // Federal State Statistics Service. – 2022. [Electronic resource]. – Access mode: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. – Access date: 09/26/2022.
7. Kekelidze, Z.I. Suicides during pandemic self-isolation / Z.I. Kekelidze, B.S. Polozhiy, E.O. Boyko et al. // *Russian Psychiatric Journal*. – 2020. – No. 3. – P. 4–13.
8. Kovshova, O.S. Psycho-emotional stress in young people under the conditions of COVID-19 / O.S. Kovshova, D.D. Lygina // *Scientific notes of the University of Lesgaft*. – 2021. – No. 7 (197). – S. 438–444.
9. Kokhanaya, O.E. Digital media as a factor provoking deviant behavior of minors / O.E. Kokhanaya // *Scientific works of the Moscow University for the Humanities*. – 2022. – No. 1. S. – 30–38.
10. Leshchenko, Ya.A. Youth health in the context of the crisis of culture / Ya.A. Leshchenko, AA Lisovtsov // *OZ*. – 2022. – No. 2. – S. 14–28.
11. Rakhmatullina, A.A. Suicide in the youth environment / A.A. Rakhmatulina // *Bulletin of Science*. – 2022. – No. 4 (49). – S. 152–158.
12. The results of the study “Mortality of Russian teenagers from suicide” // *United Nations in Russian Federation* – 2022. [Electronic source]. – Mode of access: <http://www.unrussia.ru/en/node/2727>. – Date of access: 09/26/2022.
13. Rostovskaya, T.K. Loneliness in a pandemic: a country review / T.K. Rostovskaya, A. D.O. Suleymanly, V.A. Gnevasheva, D.P. Tolmachev // *Bulletin of the Saratov University. New series. Series Sociology. Political science*. – 2022. – No. 22(1). – S. 17–22.
14. Sadykov, R.M. Suicide among youth as a social problem in modern Russia / R.M. Sadykov, N.L. Bolshakova // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. – 2019. – No. 9. – S. 37–43.
15. Goto, R. Reasons and trends in youth's suicide rates during the COVID-19 pandemic / R. Goto, Y. Okubo, N. Skokauskas // *The Lancet Regional Health – Western Pacific* – 2022. – Vol 27. – P. 1–10.
16. Suicide worldwide in 2019: global health estimates // *World Health Organization*; – 2021. [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.who.int/publications-detail-redirect/9789240026643>. – Date of access: 09/26/2022.

Влияние подходов Иммануила Канта к осознанию сущности семейно-брачных отношений на русскую православную философию

Некрытая Оксана Николаевна,

старший преподаватель, Владивостокский филиал
Дальневосточный юридический институт МВД
России
E-mail: ksanak1012@mail.ru.

В статье исследуются подходы Иммануила Канта к осознанию сущности семейно-брачных отношений и влияние его взглядов на русскую православную философию. Представлена интерпретация трансцендентального идеализма И. Канта его суждений о человеке как о существе духовном способном нравственному самосовершенствованию, интересен взгляд ученого и на супружество, как представление о юридическом договоре. Его патриархальная позиция о мужчине как о главе и добытчике семьи, женщина, по его мнению, не является личностью и не обладает гражданской самостоятельностью. Кант отличал любовь (моральную любовь) от полового влечения и ставил дружбу неизмеримо выше любви между мужчиной и женщиной, так как подлинная дружба помогает людям яснее видеть свой нравственный долг. Эти взгляды делали его учение популярным и среди православных философов-теистов.

Ключевые слова: духовно-академическая философия, брак, трансцендентальный метод, идеал, нравственная личность.

Всестороннее и глубокое гуманитарное образование представителей духовно-академического теизма предполагало их знакомство с трудами видных западноевропейских философов, что отмечается практически всеми исследователями русской православной философии. Среди целого ряда исследователей бытует единое мнение о сильном влиянии на православных философов-теистов идей Г.В. Лейбница, Х. Вольфа, И. Канта, Ф.В. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.Г. Якоби и др., которые могли приниматься либо подвергаться критике, но в любом случае находили свое отражение в их «смысло-жизненных» поисках.

Поскольку системное осмысление института семьи проводилось академиками преимущественно с нравственно-этических позиций, интерес представляет обращение православных философов к кантовской метафизике нравственности и нравственного воспитания.

Что касается философского осмысления идей нравственности, то здесь, по меткому замечанию А.Ф. Кирилловича, И. Кант доставил «для христианской философии немало услуг, особенно в борьбе с другими противохристианскими учениями» [5, с. 398]. Иллюстрацией к приведённой цитате может послужить работа представителя казанского теизма А. Лозового «Проблема нравственного воспитания у Гюйо (изложение и философско-богословская оценка)» [2]. Автор, опираясь на трансцендентальный метод Канта, подвергает критике социальную «философию жизни» Ж.-М. Гюйо [3] в части позитивистских представлений о формировании нравственности и морали. «... мы можем сказать вместе с Кантом, что разум непосредственно и сам по себе, независимо от каких-либо мотивов, определяет волю, а это и значит, что чистый раз-

ум является практическим: сознавать известный образ поведения разумным и желать его осуществления – одно и то же...» [7, л. 90–91]. «... Абсолютный идеал нравственного совершенства не может быть конкретно выражен в терминах опыта и эмпирически никогда не может быть вполне осуществлён. Вся наша нравственная жизнь, все нравственное развитие отдельного человека и всего человечества предполагает такой абсолютный идеал, без него жизнь была бы лишена всякого смысла... Идея осуществления «Я» путём достижения идеального духовного состояния упирается в вечность и бесконечность... Последний этап на этом длинном пути мы должны мыслить как соединение индивидуального «Я» с «Я» универсальным, т.е. как слияние человека с Божеством» [9, л. 94–96].

Влияние этического учения Канта на философов из духовных академий обнаруживается в ходе критики последними нравственно-религиозной концепции В.С. Соловьева. Эта критика была в значительной степени основана на кантовских положениях о категорическом императиве, что мы можем видеть, в частности, в работе Н. Протопопова «Основы морали и религии по В.С. Соловьеву перед судом христианского учения» (1900 г.) [7, л. 44–47]. Кантовские суждения о человеке как о существе эмпирическом и духовном, одновременно способном к нравственному самосовершенствованию; его метод нравственного воспитания; его представления о целях семейного воспитания; опора на религию в формировании нравственной личности; о Кант оправдывал неравноправие мужчин и женщин тем, что «в еще не цивилизованном состоянии превосходство всегда на стороне мужчины... Он опирается на право более сильного – быть в доме повелителем»; «в грубом естественном состоянии», а женщина, согласно Канту – это всего лишь «домашнее животное» или «предмет владения» [4]. Для Канта женщина не является личностью как гражданин и не обладает гражданской самостоятельностью.

Мужчина имеет право владеть женщиной, так же как и собственностью, землей, хозяйством, хотя «повиновение жены проистекает из ее свободной воли. Патриархальная позиция в определении гендерных статусов супругов, безусловно, импонировали православным философам, находя отражение трудах социально-философской и этической направленности.

Вместе с тем, представления великого мыслителя о супружестве, как о юридическом договоре, отражающем свободу воли и разума индивида, попытка вывести брачно-семейные отношения в светское поле [6], явно расходились с представлениями православных философов-академистов о браке как о «религиозно-метафизическом» таинстве. Но Кант отличал любовь (моральную любовь) от полового влечения, говоря о том, что человек, уподобляясь в удовлетворении своих животных инстинктов неразумному существу, тем самым унижает себя. В семье философ ценил дружбу, видя в ней средство к нравственному взаимному обогащению, так как подлинная дружба помогает людям яснее видеть свой нравственный долг. Кант ставил дружбу неизмеримо выше любви между мужчиной и женщиной, ибо в любви, по его мнению, сознание нравственного долга заглушается и подавляется эгоистическими склонностями, не возвышающими, а унижающими человеческое достоинство. [4, с. 589]. Эти взгляды делали его учение популярным и среди православных философств.

Трансцендентальный идеализм И. Канта наложил серьезный отпечаток на православную теистическую философию [1, с. 10–11; 2; 187]. Существует достаточное количество трудов представителей духовно-академического тейзма, которые рассматривают различные аспекты о семье и браке кёнигсбергского профессора. Профессор-теист С.А. Соллертинский считал, что «всякое философское исследование нынешнего времени так или иначе должно считаться с И. Кантом» [8, с. 226].

Литература

1. Антипова, В.В. О роли нравственного учения Канта в русской духовно-академической философии / В.В. Антипова // Вопросы образования и науки: сборник науч. трудов по мат-лам междунар. науч.-практ. конференции. – Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. – С. 10–11.
2. Гилева, В.В. Влияние немецкого философского идеализма XVIII – начала XIX веков на русский духовно-академический теизм: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Гилева Виктория Валериевна. – Владивосток, 2009. – 171 с.
3. Желудева, Е.В. Социально-философские воззрения Ж.-М. Гюйо (историко-философский анализ): дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Желудева Елена Вадимовна. – М., 2007. – 168 с.
4. Кант И. Метафизика нравов / Сочинения в 6 тт. М., 1969. Т. 6. С. 554
5. Кириллович, А.Ф. Учение Канта об оправдании: [Изложение и] разбор / А.Ф. Кириллович // Богословский вестник. – 1894. – № 3. – С. 397–422.
6. Лозовой, А. Проблема нравственного воспитания у Гюйо (изложение и философско-богословская оценка). (канд. соч.) / А. Лозовой. – Казань, 1911. – 212 л. // НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 939.
7. Протопопов, Н. Основы морали и религии по В.С. Соловьеву перед судом христианского учения (канд. соч.) / Н. Протопопов. – Казань, 1900. – 227 л. // НА РТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1482.
8. Соллертинский, С.А. Научно-дидактическая постановка вопроса о религиозном обучении / С.А. Соллертинский // Христианское чтение. – 1883. – № 7–8. – С. 226–245.
9. Судаков, А.К. Общение лиц: Кантова теория брачного права в плену языческой антропологии / А.К. Судаков // Кантовский сборник. – 2013. – № 3 (45). – С. 33–49.

THE INFLUENCE OF IMMANUEL KANT'S APPROACHES TO UNDERSTANDING THE ESSENCE OF FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS ON RUSSIAN ORTHODOX PHILOSOPHY

Nekritaya O.N.

Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the approaches of Immanuel Kant to understanding the essence of family and marriage relations and the influence of his views on Russian Orthodox philosophy. The interpretation of I. Kant's transcendental idealism of his judgments about a person as a spiritual being capable of moral self-improvement is presented, the scientist's view of marriage as an idea of a legal contract is also interesting. His patriarchal position is about a man as the head and breadwinner of the family, a woman, in his opinion, is not a person and does not have civil independence. Kant distinguished love (moral love) from sexual desire and placed friendship immeasurably higher than love between a man and a woman, since true friendship helps people to see their moral duty more clearly. These views made his teaching popular among Orthodox theist philosophers.

Keywords: spiritual and academic philosophy, marriage, transcendental method, ideal, moral personality.

References

1. Antipova, V.V. On the role of Kant's moral teaching in Russian spiritual and academic philosophy / V.V. Antipova // Questions of education and science: a collection of scientific works on materials of the international scientific-practical conferences. – Tambov: Ucom Consulting Company LLC, 2017. – P. 10–11.
2. Gileva, V.V. The Influence of German Philosophical Idealism of the 18th – Early 19th Centuries on Russian Spiritual and Academic Theism: Diss. ... cand. philosophy Sciences: 09.00.13 / Gileva Victoria Valerievna. – Vladivostok, 2009. – 171 p.
3. Zheludeva E.V. Social and philosophical views of J.-M. Guyot (historical and philosophical analysis): diss. ... cand. philosophy Sciences: 09.00.03 / Zheludeva Elena Vadimovna. – M., 2007. – 168 p.
4. Kant I. Metaphysics of morals / Works in 6 vols. M., 1969. T.6. S. 554

5. Kirillovich, A.F. Kant's doctrine of justification: [Explanation and] analysis / A.F. Kirillovich // Theological Bulletin. – 1894. – No. 3. – S. 397–422.
6. Lozovoy, A. The problem of moral education in Guyot (exposition and philosophical and theological assessment). (candidate op.) / A. Lozovoy. – Kazan, 1911. – 212 sheets. // ON RT. – F. 10. – Op. 2. – D. 939.
7. Protopopov, N. Fundamentals of morality and religion according to V.S. Solovyov before the court of Christian doctrine (candidate of works) / N. Protopopov. – Kazan, 1900. – 227 sheets. // ON RT. – F. 10. – Op. 2. – D. 1482.
8. Sollertinsky, S.A. Scientific and didactic formulation of the question of religious education / S.A. Sollertinsky // Christian reading. – 1883. – No. 7–8. – S. 226–245.
9. Sudakov, A.K. Communication of persons: Kant's theory of marriage law in the captivity of pagan anthropology / A.K. Sudakov // Kant's collection. – 2013. – No. 3 (45). – P. 33–49.

Философский анализ целей Б. Рассела при построении программы логицизма

Олейник Полина Ивановна,

кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета

E-mail: polina-grigorenko@mail.ru

В статье проводится анализ целей Рассела при построении программы логицизма. Рассматриваются две цели: опровержение философско-математических взглядов И. Канта и установление природы математического знания. Устанавливается взаимосвязь этих мотивов. Анализируется интерпретация А. Краала, согласно которой целью логицизма Б. Рассела было показать, что математические предложения обладают полной общностью, в силу которой их истинность не зависит от пространства и времени. При такой интерпретации некоторые пункты традиционной критики логицизма могут быть показаны несостоятельными: демонстрируется, каким образом А. Краал опровергает устоявшееся мнение о том, что теорема Геделя подрывает основание логицизма. Также обсуждаются проблемы редукции математики к логике в логицизме и отсутствия адекватных определений базовых понятий логики. Предлагаются возможные пути решения этих проблем. Делается вывод о возможности использования и разработки некоторых идей логицизма Б. Рассела.

Ключевые слова: Б. Рассел, философия математики, логицизм, логика, полная общность, редукция математики к логике.

Попытка Б. Рассела, британского философа и логика, президента Аристотелевского сообщества, разработать и обосновать логицизм, одну из основных программ философии математики, сегодня вновь подвергается тщательным исследованиям. Актуальность проведения таких исследований обуславливается с одной стороны историко-философскими задачами, с другой – появлением новых программ философии математики, берущих за основу логицизм Рассела [10, 12]. Пересмотр логицизма приводит к новым результатам, которые мы рассмотрим в данной статье. Как отмечает К. Клемент, «Хотя сегодня не принято считать, что в “Принципах математики” удалось установить логицизм, я думаю, что все еще можно привести доводы в пользу того, что это удалось сделать» [10, p. 152].

Суть логического проекта, изложенного Расселом в «Принципах математики» (1903) [17], отражена в утверждении Рассела: «вся чистая математика имеет дело исключительно с понятиями, определяемыми в терминах очень небольшого числа фундаментальных логических понятий, и <...> все ее предложения выводимы из очень небольшого количества фундаментальных логических принципов» [17, p. xv]. Однако существуют разногласия относительно цели Рассела при построении логицизма. Что именно мотивировало логицизм Рассела? Согласно традиционной интерпретации, популяризируемой, например, Р. Карнапом [5], целью Рассела было рассеять неопределенность (или повысить определенность) математических истин. Х. Патнэм [15] (позже А. Масгрейв [13]) утверждали, что целью Рассела было показать, что математические истины имеют условную структуру «если – то». Согласно интерпретации, предложенной Э. Ирвином [8, 9], целью Рассела было обнаружить и в некоторой степени обосновать окончательные основы математических

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22–28–00126).

истин. П. Хилтон выделяет важную роль логицизма в опровержении идеализма [7]. Выделяются и другие цели Рассела. Анализ всех мотивов, приписываемых ему при построении логицизма, слишком объемнен и многозадачен, чтобы уместить его в данное исследование. Мы обратимся к антикантианскому мотиву, а также к мотиву установления природы математики. Далее мы рассмотрим их взаимосвязь и возможные последствия, к которым приведет такая интерпретация целей логицизма.

Критика Канта

Ранняя философия математики Рассела, представленная главным образом в диссертации «Об основах геометрии» [16], имеет идеалистическую основу и во многом опирается на Канта [1]. При построении программы логицизма Рассел во многом уходит от ранее поддерживаемых идей и критикует их. Многие исследователи полагают, что антикантианский мотив в логицизме является основным.

Рассел обращается к «новой науке» Пеано, символической логике, чтобы представить «окончательное и бесповоротное» опровержение кантовского взгляда на математику [17, § 4]. Рассел акцентирует стремление Канта рассматривать недедуктивные способы рассуждения как математически обоснованные: «Что существенно [во взгляде Канта на математику] с логической точки зрения, так это то, что априорные интуиции [пространства и времени] обеспечивают методы рассуждения и вывод, который формальная логика не допускает» [17, § 434]. Поскольку символическая логика Пеано предоставляет средства для осуществления логических доказательств, и поскольку, по мнению Рассела, такие доказательства могут быть даны, ее принятие служит – с точки зрения Рассела – устранению причины для обращения к кантовской интуиции.

И. Прусс [14], однако, отмечает, что Рассел полагает, что кантовская интуиция играет иную роль в обосновании аксиом геометрии: «[Даже] признавая рассуждения геометрии чисто формаль-

ными, кантианец может все еще утверждать, что априорная интуиция убеждает его, что определение трехмерного евклидова пространства единственное среди определений возможных пространств является определением существующего...» [17, § 434]. Таким образом, даже в случае опровержения рассуждений Канта о геометрии, его сторонники все равно могут настаивать на необходимости обращения к априорной интуиции при проверке геометрических аксиом. Сам Рассел отрицает такую роль априорной интуиции.

«Антикантианскую» мотивацию часто приписывают логицизму Рассела. Интересны замечания Прусса на этот счет. Он полагает, что Рассел действительно критиковал и опровергал математические рассуждения Канта, однако, это было не задачей собственно логицизма, а задачей его более широкой теоретической программы: «суть разногласий Рассела с Кантом относительно геометрии – это не спор об истинных основаниях нашего знания геометрии реального пространства, а скорее спор об истинных основаниях нашего знания условных выражений» [14, р. 271]. Можно привести в подтверждение этому и пассаж самого Рассела: «[Мнение о том, что априорная интуиция убеждает нас в том, что фактическое пространство трехмерно и евклидово], строго говоря, не имеет отношения к философии математики, поскольку математика безразлична к вопросу о том, существуют ли ее сущности» [17, § 434]. С точки зрения Рассела, задача сводится к вопросу о том, являются ли геометрические рассуждения чисто логическими. Следовательно, для того, чтобы опровергнуть взгляды Канта на природу геометрических рассуждений, достаточно просто сформулировать евклидову геометрию как строгую дедуктивную теорию: нет необходимости определять геометрические понятия в логических терминах, и поэтому логицизм не играет существенной роли в его опровержении математических рассуждений Канта. Однако, логицизм необходим для опровержения кантианского тезиса о том, что аксио-

мы арифметики основаны на интуиции времени. Как отмечает Рассел, мнение Канта о том, что исчисление имеет существенную связь со временем (или, по крайней мере, с пространством или временем), исходит из убеждения, что понятие непрерывной последовательности можно объяснить только ссылкой на непрерывное изменение в пространстве и времени. Новая математика с ее четким определением непрерывной последовательности делает такое обращение ненужным. Соответственно, логицизм также используется Расселом в более важном и широком опровержении «двух столпов кантовского здания», а именно доктрины о том, что рассуждения математики отличаются от рассуждений формальной логики, и идеи о том, что существуют противоречия в идеях пространства и времени.

Установление природы математики

Еще одна мотивация, часто приписываемая логицизму Рассела – стремление определить природу математики. Прунс обращается к этой задаче Рассела как к «мотиву логицизма Рассела, который выходит за рамки оппозиции Канту». Однако, как мы увидим, анализ этого мотива также тесно связан с критикой взглядов Канта на природу математики; кроме того, в этом вопросе логицизм противостоит также эмпиризму и психологизму (далее мы обратимся к другой интерпретации этих мотивов А. Краалом, которые рассматривает их во взаимосвязи).

Рассел пишет: «[Пока] все соглашались, что математика в некотором смысле истинна, философы спорили о том, что на самом деле означают математические утверждения: хотя что-то было истинным, ни один из двух людей не был согласен с тем, что именно было истинным, и, если что-то было известно, никто не знал, что именно было известно. Однако до тех пор, пока этот вопрос не разрешен, вряд ли можно сказать, что в математике можно получить какие-либо определенные и точные знания» [17, § 3].

Это высказывание можно проинтерпретировать как утверждение о том, что до тех пор, пока не будет создана

правильная теория о природе математического знания, такое знание не может быть ни определенным, ни точным. Однако, далее Рассел пишет: «Соответственно, идеалисты все больше склонны рассматривать всю математику как имеющую дело с простой видимостью, в то время как эмпирики считают, что все математическое является приближением к некоторой точной истине, о которой им нечего нам сказать. Такое положение вещей, следует признать, было совершенно неудовлетворительным» [17, § 3].

По мнению Рассела, существующие теории природы математики несовместимы с определенностью и точностью математического знания, вследствие чего, пока эти теории остаются непровергнутыми, наша позиция, исходящая из здравого смысла о том, что у нас есть определенные и точные математические знания, будет неоправданной. Такое прочтение подтверждается замечанием, сделанным Расселом в его лекции 1911 года «Аналитический реализм»: «Ни идеализм, ни эмпиризм не обеспечивают теорию знания, согласующуюся с фактами» [20, р. 136–137]. Под фактами Рассел подразумевает, во-первых, то, что математика истинна, и, во-вторых, что она дает совокупность точных и определенных знаний. Рассел утверждает, что эмпиризм и идеализм несовместимы с этими очевидными чертами математики: эмпиризм представляет угрозу точности математического знания, поскольку он предлагает рассматривать математику такой, как будто она существует только в пределах эмпирического наблюдения. Идеализм, с другой стороны, воспринимается как угроза достоверности математики. Под угрозой оказывается статус математических утверждений как вечных истин: «Может случиться, что завтра наша природа изменится настолько, что дважды два будет пять. Эта возможность, по видимому, никогда не приходила в голову [Канту], и все же она полностью разрушает определенность и универсальность, наличие которых он стремится доказать для арифметических предло-

жений» [18, р. 49]. В «Принципах» Рассел подчеркивает угрозу, которую кантианство представляет для истины математики: согласно Расселу, само объяснение Кантом априорности геометрии убеждает его в ложности тех же самых якобы априорных убеждений. Мы могли бы реконструировать рассуждения Рассела следующим образом: основанием Канта для того, чтобы считать наши знания о пространстве необходимыми – и поэтому априорными – является, по сути, неизбежность наших убеждений о пространстве. Причина, по которой эти убеждения неизбежны для Канта в понимании Рассела, заключается в том, что пространство на самом деле субъективно. Тем не менее, частью содержания этих убеждений является то, что они представляют пространство как объективное.

Рассел также критикует психологизм за искажение природы математики: «Философы обычно считали, что законы логики, лежащие в основе математики, являются законами мышления, законами, регулирующими работу нашего разума. Из-за этого мнения истинное достоинство разума очень сильно принижается: он перестает быть исследованием самой сути и неизменной сущности всех действительных и возможных вещей, становясь вместо этого исследованием чего-то более или менее человеческого и подверженного нашим ограничениям» [19, р. 55].

Таким образом, один из основных мотивов Рассела в «Принципах» состоит в том, чтобы дать первое адекватное описание природы математического знания, или, точнее, первое адекватное описание того, что известно, когда мы обладаем математическим знанием, – описание, которое должно объяснить особый характер, который мы приписываем математическому знанию.

Логицизм представлен в «Принципах» как наиболее адекватное объяснение характера наших математических знаний. При обосновании логицизма мы получаем релевантное объяснение того, как математика может быть совокупностью истинных, определенных и точных знаний (если, как полагает Рассел, ло-

гика обладает этими свойствами). Рассел полагает, что все конкурирующие теории о природе математики несовместимы с тем, что она обладает таким характером.

Основной вопрос логицизма Рассела

Интересен взгляд исследователя А. Краала на мотивы Рассела. Он выдвигает тезис о том, что настоящая цель Рассела состояла в том, «чтобы обосновать антикантианский тезис о том, что математические предложения обладают определенным видом полной общности (будет объяснено далее), в силу чего их истинность не зависит от пространства и времени» [11, р. 1494]. Краал полагает, что при построении логицизма Рассел преследовал две цели: позитивную: дать понимание природы утверждений, выражаемых истинными математическими предложениями; и отрицательную: опровергнуть тезис Канта о том, что математика зависит от интуиции пространства и времени.

Исследование Краала интересно тем, что он утверждает, что благодаря предлагаемой им интерпретации два распространенных возражения против логицизма Рассела, вытекающие из теоремы Геделя о неполноте и из нелогичного характера некоторых аксиом в «Principia Mathematica» [2, 3, 4], можно считать несостоятельными. Вместе с тем, он определяет две основные проблемы, с которыми сталкивается логицизм Рассела, если его рассматривать в свете интерпретации Краала, но предлагает решения этих проблем.

Краал выделяет «основной вопрос» логицизма Рассела. Рассел утверждает, что философы до сих пор не могли ответить на вопрос «что на самом деле означают математические предложения», но что теперь в качестве ответа они могут, «по крайней мере, предоставить редукцию всех предложений к определенным фундаментальным понятиям логики» [11, р. 1501]. Логицизм Рассела призван ответить на вопрос о том, что математические предложения «действительно означают». Краал полагает, что этот вопрос лежит в основе логицизма

Рассела. В таком случае «традиционное мнение о том, что логицизм Рассела касается только отношений переводимости и выводимости между математическими и логическими предложениями, ошибочно, поскольку логицизм Рассела касается не только отношений между математическими и логическими предложениями, но и отношений между этими предложениями и экстралингвистическими предложениями, которые эти предложения выражают» [11, p. 1502].

Рассел утверждает: «тот факт, что математика является символической логикой, является одним из величайших открытий нашего века» [17, § 4], то есть математические предложения и логические предложения тождественны. В таком случае, если Рассел, спрашивая «что на самом деле означают математические предложения», имеет в виду, какую природу имеют предложения, выраженные «истинными математическими предложениями», мы могли бы выразить основное утверждение логицизма Рассела таким образом: истинные математические предложения выражают логические предложения. Рассел разъясняет, что под «логическим» предложением он подразумевает предложение полной общности: «Символическая логика отличается [...] главным образом своей общностью» [17, p. 11]. Под полной общностью Рассел имеет в виду следующее: логические предложения (a) утверждают импликацию, (b) содержат (неограниченные) переменные и (c) не содержат никаких констант, кроме логических констант. Следовательно, утверждая, что истинные математические предложения выражают логические пропозиции, Рассел фактически говорит, что истинные математические предложения выражают пропозиции соответствующего вида полной общности.

Обратимся к негативной цели логицизма Рассела. Рассел утверждает, что философия до сих пор давала ошибочный ответ на вопрос, что означают математические предложения, поскольку она ввела «совершенно неуместное понятие разума», а именно кантианский взгляд на то, что математика зависит от инту-

иции пространства и времени: «кантианская философия [...] утверждала, что математические рассуждения не являются строго формальными, но всегда используют интуицию, то есть априорное знание пространства и времени. Благодаря прогрессу Символической логики [...] эта часть кантовской философии теперь способна к окончательному и бесповоротному опровержению» [17, p. 4]. Краал полагает, что предложенные выше положительные и отрицательные цели логицизма Рассела взаимосвязаны: «если можно показать, что математические предложения имеют соответствующий вид совершенно общей природы, то будет показано, что они независимы от пространства и времени» [11, p. 1505]. Идея здесь заключается в том, что все, что зависит от пространства и времени, не является полностью общим, или, наоборот, что все, что является полностью общим, не зависит от пространства и времени. Дело в том, что изложенный выше вид полной общности включает в себя количественную оценку любых видов вещей вообще. Соответственно, если переменные этих значений принимают «любые значения» (т.е. имеют неограниченный диапазон), то эти значения не ограничены объектами в пространстве и времени и поэтому не зависят от интуиции пространства и времени. Таким образом, тезис Рассела о совершенной общей природе математических предложений подрывает кантианскую точку зрения.

Опровержение возражений против логицизма

Приведенная выше интерпретация логицизма Рассела позволяет показать, что два серьезных возражения против логицизма Рассела не столь разрушительны, как это часто утверждается. Согласно первому возражению, логицизм Рассела опровергается теоремой Геделя о неполноте, согласно которой ни одна непротиворечивая дедуктивная система математики не является такой, чтобы каждая математическая истина могла быть выведена из ее аксиом. Однако, Краал отмечает, что если основное

утверждение логицизма Рассела – это утверждение о том, что истинные математические предложения выражают предложения определенного рода полной общности, которая влечет за собой независимость от пространства и времени, тогда теорема Геделя не опровергает логицизм Рассела. Теорема Геделя приводит только к такому результату, что нельзя утверждать, что дедуктивная система математики в «Принципах» Рассела может показать, что все математические утверждения истинны. Однако это не подрывает логицизм Рассела как таковой, поскольку это не подрывает утверждение о том, что математические предложения обладают своего рода полной общностью, которая влечет за собой независимость от пространства и времени. Соответственно, теорема Геделя показывает только то, что логический тезис не может быть полностью подтвержден с помощью дедуктивной системы, подобной той, что содержится в «Principia». «И это означает только то, что защита логицизма Расселом не является окончательной, а не то, что сам логицизм и его метод порочен» [11, р. 1507].

Согласно второму возражению, адресуемому логицизму Рассела, он несостоятелен, поскольку логицизм сводит математику не к логике, а к логике плюс совокупность нелогических аксиом (таких как аксиомы сводимости, выбора, и бесконечности). Это второе возражение также не может опровергнуть логицизм Рассела: во-первых, возражение предполагает, что логицизм Рассела заключается в сводимости математики к логике. Краал же демонстрирует, что основное утверждение логицизма Рассела заключается в том, что математика и логика тождественны. Сведение математики к логике служит для Рассела средством подтверждения логического тезиса, но не является основным тезисом логицизма. Во-вторых, если некоторые из аксиом, используемых Расселом в «Принципах», окажутся нелогичными, это только покажет, что конкретная попытка Рассела в «Принципах» реализовать сведение математики к логике не совсем успешна, а не то, что сама

редукция не может быть реализована. Таким образом, мы видим, что настоящее возражение в большинстве случаев указывает на недостаток в попытке установить логицизм, но не подрывает логицистский тезис как таковой.

Еще одной проблемой, остро стоящей при такой интерпретации логицизма, является адекватность условий логичности (с ней также связан феномен ложных математических предложений). В качестве решения Краал предлагает пересмотр условий логичности, приведенных в «Принципах», в соответствии с принципами, позже предложенными самим Расселом.

В теории Рассела предлагаются следующие условия логичности высказываний: (а) утверждение импликаций, (б) содержание (неограниченных) переменных и (с) отсутствие нелогических констант. Эти условия не кажутся ни достаточными, ни необходимыми. Существуют предложения, удовлетворяющие этим условиям (например, $\forall x$ (если Px , то Qx)), которые не кажутся логичными и наоборот, другие предложения не удовлетворяют все условия, вместе с тем, кажутся логичными (например, $\forall x$ (Px или не- Px)). Недоопределенность базовых понятий в работах Рассела отмечается также Грифффином: «Для человека, который придавал такое большое значение логическому предпрятию и потратил так много времени, пытаясь доказать истинность логицизма, Рассел не очень четко объяснил, что он подразумевал под «логикой»» [6, р. 117]. В период с 1903 по 1913 год Расселом написано множество работ по логике, однако, в работах отсутствуют объяснения того, почему логические примитивы являются логическими примитивами; каким условиям должна удовлетворять пропозиция, если она должна считаться пропозицией логики. В связи с этим некоторые исследователи полагают, что проблема демаркации никогда не беспокоила Рассела. Эта точка зрения кажется сомнительной: Рассел разрабатывал новую логику, к которой можно было бы свести математику, и вряд ли он мог не знать о вопросах, касающихся логического статуса

новых оснований. Действительно, в отдельных случаях, например, по поводу Аксиомы Бесконечности, он был обеспокоен, были ли ее основания действительно логичными. Другие исследователи признают, что Рассел знал об этой проблеме, но у него не было достаточно сформированного мнения по этому вопросу. Однако, в 1903 году у Рассела было вполне определенное представление о том, что такое логика, хотя к тому времени, когда он начал публиковать ее в «Принципах», он все больше осознавал ее трудности, в том числе его собственный классовый парадокс. Парадокс, как выразился Рассел, «затрагивает самые основы рассуждений» [17, р. 528]: это повлияло на саму природу логики, потому что показало, что интуитивный и естественный взгляд на логику, который ранее принимал Рассел, был несостоятельным. Сам Рассел, по видимому, осознавал проблематичность сформулированных им условий и после написания «Принципов математики» вновь обращался к поиску адекватных условий логичности. Во Введении к переизданию «Принципов» в 1937 году, он формулирует условия логичности высказываний следующим образом: (а) имеет полную общность в том смысле, что в нем не упоминается какая-либо конкретная вещь или качество, и (b) истинно в силу своей формы [17, р. xii]. Пересмотренные условия не включают условие утверждения импликации, соответственно, можно отнести многие кажущиеся логичными предложения (как вышеупомянутое $\forall x (Px \text{ или } \neg Px)$ к классу логических предложений. Добавление условия «быть истинным в силу формы», позволяет исключить кажущиеся нелогичными предложения (как вышеупомянутое $\forall x (\text{если } Px, \text{ то } Qx)$) из класса логических предложений на основании того, что они не могут быть истинными в силу формы. По мнению Краала пересмотр такого фундаментального понятия, как условие логичности, не угрожает фундаментальному тезису логицизма о тождестве математики и логики. Таким образом, представляется, что эта проблема может быть решена при условии

предоставления соответствующих пересмотренных условий логичности.

Выводы

Идеи, выдвинутые Краалом, приводят к интересным результатам. Предложенная интерпретация целей логицизма Рассела демонстрирует возможность обращения к логицизму Рассела и использования его идей. Пересмотр условий логичности позволяет более точно определить базовые понятия. Рассмотрение редукции математики к логике как инструмента, а не конечной цели логицизма, делает возможным использование этого метода (при его усовершенствовании), при этом сохраняя основную идею логицизма. Однако, стоит отметить, что Краал при проведении анализа целей логицизма обращается лишь к нескольким выбранным им цитатам Рассела. Основываясь на них, он аргументирует отсутствие у Рассела других мотивов (что важно для выводов исследования Краала), приписываемых ему разными исследователями. Несмотря на то, что эти цитаты достаточно показательны и обращение к ним обосновано, такой анализ нельзя считать полным и завершенным. Вместе с тем, высказанные тезисы открывают новые пути развития логицизма Рассела, которые могут быть использованы при построении современных программ философии математики (в первую очередь речь идет о тех сторонах неологицизма, которые принимают попытку реабилитировать логицизм Рассела). Предложенные решения проблем, с которым сталкивается логицизм, не устраняют заявленные проблемы, однако, ослабляют их категоричность и негативные последствия для программы. Таким образом, вывод Краала о том, что состоятельность логицизма Рассела пока остается открытым вопросом, имеет достаточное основание.

Литература

1. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1999. 655 с.
2. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I / А. Уайтхед,

- Б. Рассел: пер. с англ., под. ред. Г.П. Ярового, Ю.Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. 722 с.
3. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. II / А. Уайтхед, Б. Рассел: пер. с англ., под. ред. Г.П. Ярового, Ю.Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 738 с.
 4. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. III / А. Уайтхед, Б. Рассел: пер. с англ., под. ред. Г.П. Ярового, Ю.Н. Радаева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. 448 с.
 5. Carnap R. The Logicist Foundations of Mathematics // *Philosophy of mathematics* / ed. By E. Putnam., G.J. Massey, P. Benacerraf, H. Putnam. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1964. Pp. 31–41.
 6. Griffin N. Russell on the Nature of Logic (1903–1913) // *Synthese*. 1980. Vol. 45. № 1. Bertrand Russell's Early Philosophy, Part I. Pp. 117–188.
 7. Hylton P. Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1990. xv + 420 p.
 8. Irvine A. Epistemic logicism and Russell's regressive method // *Philosophical Studies*. 1989. № 55. Pp. 303–327.
 9. Irvine A., Godwyn M. Bertrand Russell's logicism // *The Cambridge companion to Bertrand Russell* Cambridge. Cambridge University Press, 2003. Pp. 171–201.
 10. Klement K. Neo-logicism and Russell's logicism // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Studies*. 2012. № 32 (127). Pp. 127–152.
 11. Kraal A. The aim of Russell's early logicism: a reinterpretation // *Synthese*. 2014. Vol. 191. № 7. Pp. 1493–1510.
 12. Linsky B., Zalta E. What is Neologicism? // *The Bulletin of Symbolic Logic*. 2006. № 121. Pp. 60–99.
 13. Musgrave A. Logicism revisited // *British Journal for the Philosophy of Science*. 1977. № 28. Pp. 99–127.
 14. Proops I. Russell's Reasons for Logicism // *Journal of the History of Philosophy*. 2006. № 44 (2). Pp. 267–292.
 15. Putnam H. (1975). The thesis that mathematics is logic // *Mathematics, matter and method*. London: Cambridge University Press, 1975. Pp. 12–42.
 16. Russell B. An Essay on the Foundations of Geometry. Create Space Independent Publishing Platform, 2018. 286 p.
 17. Russel B. The principles of mathematics (2nd ed.). London: George Allen & Unwin Ltd, 1937. 534 p.
 18. Russell B. The Problems of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1986. 192 p.
 19. The Collected Papers of Bertrand Russell. Volume 3. Toward the «Principles of Mathematics» 1900–02 / ed. by G.H. Moore. London: Routledge, 1992. 968 p.
 20. The Collected Papers of Bertrand Russell. Volume 6. Logical and Philosophical Papers 1909–13 / ed. by John G. Slater, B. Frohmann. London: Routledge, 1992. 648 p.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE GOALS OF B. RUSSELL IN THE CONSTRUCTION OF A PROGRAM OF LOGICISM¹

Oleinik P.I.

National Research Tomsk State University

New research on the philosophy of mathematics shows the actuality of the revision of B. Russell's ideas. The article analyzes Russell's aims in constructing a program of logicism. Two motivations are considered: the critique of philosophical and mathematical views of I. Kant and the establishment a correct theory of the nature of mathematical knowledge The interrelation of these motives is established. The interpretation of A. Kraal is analyzed, according to which the aim of B. Russell's logicism is to show that mathematical propositions have a certain sort of complete generality which entails that their truth is independent of space and time. Under this interpretation, some points of the traditional criticism of logicism can be shown to be untenable: it is demonstrated how A. Kraal refutes the well-established opinion that Godel's theorem undermines the foundation of logicism. The problems of reducing mathematics to logic in logicism and the absence of adequate definitions of the basic concepts of logic are also

¹ The work is supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF № 22–28–00126.

discussed. Possible ways of solving these problems are suggested. The conclusion is made about the possibility of using and developing some of the ideas of B. Russell's logicism.

Keywords: B. Russell, philosophy of mathematics, logicism, logic, complete generality, reduction of mathematics to logic.

References

1. Kant I. Critique of Pure Reason / Trans. from German N.O. Losskiy. Moscow Publ. Nauka, 1999. 655 p. (in Russian).
2. Russel B., Whitehead A. Principia Mathematica. In 3 vols. Vol. I / Trans., ed. G.P. Yarovoy, Yu.N. Radaev. Samara: Samara University Press, 2005. 722 p. (in Russian).
3. Russel B., Whitehead A. Principia Mathematica. In 3 vols. Vol. II / Trans., ed. G.P. Yarovoy, Yu.N. Radaev. Samara: Samara University Press, 2006. 738 p. (in Russian).
4. Russel B., Whitehead A. Principia Mathematica. In 3 vols. Vol. III / Trans., ed. G.P. Yarovoy, Yu.N. Radaev. Samara: Samara University Press, 2006. 448 p. (in Russian).
5. Carnap R. The Logicist Foundations of Mathematics // Philosophy of mathematics / ed. By E. Putnam., G.J. Massey, P. Benacerraf, H. Putnam. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1964. Pp. 31–41.
6. Griffin N. Russell on the Nature of Logic (1903–1913) // Synthese. 1980. Vol. 45. № 1. Bertrand Russell's Early Philosophy, Part I. Pp. 117–188.
7. Hylton P. Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1990. xv + 420 p.
8. Irvine A. Epistemic logicism and Russell's regressive method // Philosophical Studies. 1989. № 55. Pp. 303–327.
9. Irvine A., Godwyn M. Bertrand Russell's logicism // The Cambridge companion to Bertrand Russell Cambridge. Cambridge University Press, 2003. Pp. 171–201.
10. Klement K. Neo-logicism and Russell's logicism // Russell: The Journal of Bertrand Russell Studies. 2012. № 32 (127). Pp. 127–152.
11. Kraal A. The aim of Russell's early logicism: a reinterpretation // Synthese. 2014. Vol. 191. № 7. Pp. 1493–1510.
12. Linsky B., Zalta E. What is Neologicism? // The Bulletin of Symbolic Logic. 2006. № 121. Pp. 60–99.
13. Musgrave A. Logicism revisited // British Journal for the Philosophy of Science. 1977. № 28. Pp. 99–127.
14. Proops I. Russell's Reasons for Logicism // Journal of the History of Philosophy. 2006. № 44 (2). Pp. 267–292.
15. Putnam H. (1975). The thesis that mathematics is logic // Mathematics, matter and method. London: Cambridge University Press, 1975. Pp. 12–42.
16. Russell B. An Essay on the Foundations of Geometry. Create Space Independent Publishing Platform, 2018. 286 p.
17. Russel B. The principles of mathematics (2nd ed.). London: George Allen & Unwin Ltd, 1937. 534 p.
18. Russell B. The Problems of Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1986. 192 p.
19. The Collected Papers of Bertrand Russell. Volume 3. Toward the «Principles of Mathematics» 1900–02 / ed. by G.H. Moore. London: Routledge, 1992. 968 p.
20. The Collected Papers of Bertrand Russell. Volume 6. Logical and Philosophical Papers 1909–13 / ed. by John G. Slater, B. Frohmann. London: Routledge, 1992. 648 p.

Исторический процесс в христианской философии Августина Блаженного и Николая Бердяева

Цао Цзяци,

аспирант, кафедра христианства и принципов
религиоведения, Пекинский университет
E-mail: 844027301@qq.com

Философия истории Августина, возникшая после крушения античного мира и падения Римской империи, описывает всемирную историю с точки зрения христианской морали как противопоставление «града Божьего» и «града Земного». В свою очередь философия истории Николая Бердяева является следствием оценки катастрофических исторических событий конца XIX – начала XX веков и посвящена поискам смысла истории, тому, как она началась и чем закончится, включая свободу и историю, время и историю, позитивные эсхатологические идеи и т.д. При этом несмотря на то, что религиозные теории, изложенные в трудах обоих философов, были описаны в рамках абсолютно разных этапов развития человеческой цивилизации, они, тем не менее обнаруживают достаточно много точек соприкосновения. В то же время можно утверждать, что появление названных христианских теорий привело к диаметрально противоположным результатам. Если концепция «двух градов» Августина способствовала укреплению и развитию христианства в мире, то новаторская философия истории Бердяева подорвала устои традиционной западной христианской мысли, предложив нам совершенно иной уникальный взгляд на религию и ее роль в историческом процессе. В настоящей статье предполагается провести сравнительный анализ ключевых положений христианской философии Августина Блаженного и Николая Бердяева применительно к историческому процессу, установить и описать черты сходства и различия обеих теорий и доказать, что несмотря на отдаленность по времени и разный социально-политический контекст оба философа придерживались во многом схожих позиций в вопросах веры и ее влияния на трансформацию мироустройства.

Ключевые слова: религиозная философия, философия истории, «два града», эсхатология, исторический процесс.

24 августа 410 года нашей эры готские племена под предводительством короля Алариха вторглись в Рим, три дня разграбляли его, а затем подожгли. Этот инцидент поднял волну негодования по всей империи. Приверженцы политеизма посчитали эти события следствием предательства римлян по отношению к древним богам и их обращения в христианство и обвинили принявших крещение в произошедшей трагедии. Вследствие этого по ранее укреплявшемуся на территории империи христианству был нанесен серьезный удар, а число язычников, напротив, заметно возросло. Именно на этом историческом фоне Августин написал свой главный трактат, получивший название «О граде Божьем». Важно, что в нем философ стремился не столько развеять сомнения язычников, сколько найти возможность оправдать христианство и доказать, что вера в единого бога является истинной.

Как один из самых известных богословов в истории западного христианства, Августин (354–430) занимает важное место в христианской философии. Он описывает историю мира как извечное противостояние «двух градов» – «града Божьего» и «града Земного», рассматривает происхождение, развитие и конец обоих градов, историю человечества в изложении христианства и греко-римской истории, отмечает основные вехи исторического процесса от сотворения мира до признания Бога человечеством, опирающегося на веру и меняющегося из-за совершаемого людьми предательства и искушения.

Философия истории Бердяева, со своей стороны, является продуктом кризиса эпохальности. Она возникла в результате изучения катастрофических событий конца XIX – начала XX века (Первая мировая война, большевистская революция), выпавших на долю русского народа. Согласно Бердяеву, философия истории, собственно, и возникает

в моменты катастроф и коренных перемен в истории, поскольку именно они стимулируют размышления об историческом процессе [1]. Иными словами, исследователи обращаются к философии истории, когда хотят понять смысл социально-политических процессов и событий, происходящих на определенном этапе развития человечества.

Эта мысль подтверждает важность философии истории Августина не только для Средних веков, но и для будущих поколений. С точки зрения Бердяева это объясняется тем, что теория Августина возникла в результате одного из самых глобальных изменений в истории – падения Рима, ставшего символом крушения античного мира как такового [2].

Николай Бердяев (6 марта 1874–23 марта 1948) был одним из самых знаменитых русских мыслителей первой половины XX века, признававшихся современниками «русским Гегелем XX века» и «одним из величайших философов и пророков своего времени». Он утверждал, что кризис эпохальности проистекает из объективации, а корень объективации – зло. Сам он полагал, что он живет в такое время, когда была достигнута предельная концентрация зла, когда страдали невинные, а виновные господствовали. Противостоять злу истории и оправдать бессилие Бога перед лицом зла, указать на происхождение зла, на причину и миссию сотворения мира, на замысел и устройство Бога относительно мира, то есть смысл истории – вот задача философии истории Бердяева.

Как представители христианских теософов Востока и Запада, Августин и Бердяев сформулировали свои взгляды на историю и исторический процесс в период резких перемен с опорой на религиозные ценности. В результате, изложенные в их трудах идеи имеют как черты сходства, так и различия, не выходящие, однако, за рамки христианской догматики.

Августин считал, что, хотя на земле живет большое количество различных этнических групп, с различными ритуалами и обычаями, а также множе-

ством языков и непохожим друг на друга устройством быта, абсолютно все человеческие существа могут быть разделены на две обширные группы. В соответствии с Библией их можно назвать «двумя градами». Первый из них – это град людей, которые живут по плоти (по человеку). Второй – град людей, которые живут по духовности (по Богу). Жителям одного из них предназначено вечно царствовать с Богом, а другого – подвергнуться вечному наказанию дьяволом [3].

Оба града отличаются по своему составу. Согласно Августину, их происхождение проистекает из разделения ангелов на добрых и злых. Добрые ангелы являются основоположниками «Града Божьего». В то же время «два града» на протяжении веков населяются не только добрыми и злыми ангелами, но и всем людским родом. Таким образом в каждом граде сосуществуют ангелы и люди с той лишь разницей, что в одном ангелы и люди добры и богобоязненны, а в другом злы и богохульны [4].

Часть «Града Божьего», состоящая из людей, является гостем на земле, в то время как другая часть, состоящая из ангелов, останется в вечности, так как бессмертна на небесах. Люди, населяющие оба града «создаются» по-разному. Жители «земного града» через рождение, а жители «града Божьего» – через возрождение. Это значит, что жители «земного града» рождаются с греховной природой. Жители же «града Божьего» рождены по благодати, свободны от греха и обращены к природе.

Природа двух градов по Августину также различается. Два града созданы двумя родами любви: земной – любовью к себе, дошедшей до презрения к Богу; небесный – любовью к Богу, дошедшей до презрения к себе [5]. «Град Земной» принадлежит тем, кто живет по человеческим стандартам, служит ложной божественности, презирает истинную божественность, следует за руководством людей или демонов, чрезвычайно надменен и надуваается от неуважения, увеличиваясь в гротескное высокомерие. «Град Божий» принадлежит

тем духовным жителям, которые живут по Божьим стандартам, жителям благочестивым и смиренным, которые любят своих ближних, как Бога, как они любят самих себя.

«Град Земной» прославляет себя, а град Божий прославляет Господа. Первый стремится к славе среди людей, а величайшая слава «града Божьего» – это Бог. В граде Земном монархи стремятся править всеми народами, а в граде Божьем люди любят друг друга. В граде Земном граждане управляли собой с высокомерием и превозносили себя своей мудростью. В граде Божьем нет мудрости без благочестия. Люди верно служат Богу благочестием, надеясь быть со святыми и даже ангелами.

Согласно Бердяеву, земная история человека проистекает из свободы зла, отдаляющим его от Бога. Он утверждает, что небесная история – это глубокая внутренняя духовная жизнь человека, раскрывающаяся через его судьбу. Судьба и история человека на земле заранее выбраны и установлены в царстве Небесном. Следовательно, небесная история – это «истинная метафизическая основа истории» [6]. В ней содержится не только источник истории, но и конечное возвращение к ней.

Бердяев утверждает, что проведение четкой границы между небесной и земной историей, между историей и метафизикой несовместимо с «реальной жизнью». В этом смысле Бердяев соглашается с утверждением Шеллинга о том, что самая ранняя история человечества содержится в библейской мифологии, поскольку в ту давнюю эпоху не существовало четкой границы между небесной и земной историей, и поэтому библейские мифы говорили не только о судьбе небесной, но и о судьбе земной истории человечества. То есть небесная и земная судьба человека, согласно Бердяеву, имеет внутреннее тождество [7].

Помимо этого, Бердяев утверждает, что Христос, Богочеловек, строит мост, по которому Бог общается с людским миром. Иисус Христос, как совершенный человек и совершенный Бог, как совершенное единство, доносит откровения

Божьи человеку и откровения человека Богу. Он является средоточием рождения Бога в человеке и человека в Боге, и поэтому, как Сын Божий и Сын Человеческий, стоит в центре и небесной, и земной истории, выступая связующим звеном этих двух судеб. Вне Его непостижима связь между миром и Богом, непостижим и источник истории, драматической, трагической судьбы ее. Через Христа метафизическое и историческое перестают быть разделенными, становятся соединенными и отождествленными. Само метафизическое делается историческим и само историческое делается метафизическим; небесная история делается земной историей, земная история постигается, как момент небесной истории [8].

Очевидно, что в представлении Августина в земном мире «два града» смешаны. Следовательно, только на Страшном суде можно будет определить, к какому граду принадлежал человек. Это значит, что для Августина разделение двух градов и их противостояние сохраняется на всех этапах исторического процесса, вне зависимости от его пространственно-временных характеристик. Взгляд Бердяева на дуализм земного и небесного при этом совершенно иной. Он не видит четкой границы между небесной и земной историей. Для него они едины благодаря Христу, находящемуся в центре вселенских событий, связывающему судьбы Бога и человека подобно духовному мосту.

Рассмотрев особенности теорий Августина и Бердяева, касающиеся основных характеристик дихотомии земного и небесного в историческом процессе, следует обратиться к тому, что оба философа подразумевают под термином «происхождение истории». Как отмечалось ранее, Августин считал, что два града возникли в результате разделения ангелов на добрых и злых. Все, что создал Бог, было хорошим по своей природе, но Бог дал разумным существам способность свободно выбирать [9]. Когда Бог создал ангелов, он сделал их светлыми, и хотя все они обладают доброй природой, они делают разный выбор: до-

брые ангелы полагаются на Бога и остаются с тем добром, которое является общим для всего сущего (то есть с самим Богом), держась за вечность, истину и любовь Бога; в то время как злые ангелы, чья воля тошшла от доброго света, превозносят собственные магические силы и считают себя источником собственного добра, отделяют себя от Бога, падают в себя и отворачиваются от Бога. Добрые ангелы полны святой любви к Богу, злые же высокомерны настолько, что любят только свои собственные тщеславные имена. Обе группы ангелов пребывают в постоянном противостоянии друг с другом: первые по природе добры и правы в своих волях, вторые, напротив, порочны в своих волях, хотя и добры по природе.

Среди людей, созданных Богом в первую очередь, были спрятаны семена двух групп и двух градов всего человеческого рода. После рождения человечества некоторые его представители были наказаны вместе со злыми ангелами, другие же были вознаграждены вместе с ангелами добрыми.

Оба града в человечестве произошли от прародителя людского рода Адама, и оба были отражены в нем. Прародитель Адам, который первоначально жил в Эдемском саду, первое время придерживался божьего пути. В Эдемском саду его тело и дух жили в согласии с Богом. Однако в духовном раю первому человеку не хватало света Божьей мудрости, поэтому он поддался искушению злого ангела. В материальном раю злой ангел выбрал змею в качестве своего языка и коварно привлек Адама на сторону порока [10].

Несмотря на то, что послушание Божьим заповедям является путем к духовной жизни, первый человек, действуя по своей собственной свободной воле, вопреки воле Бога обращается к разврату, отворачивается от Бога, совершает первородный грех и, как следствие, начинает земную жизнь. В зависимости от того, верит ли индивид в Бога или нет, существует различие между жизнью в соответствии с самими людьми и жизнью в соответствии с Богом среди

людей. Люди, которые живут согласно Богу, призваны Божьей благодатью искупить свои грехи и стать праведными. Они благочестиво верят в Бога и присоединяются к святым ангелам посредством Святого Духа. Обреченные мертвецы и бессмертные ангелы объединяются, чтобы вместе образовать град Божий, одни из которых все еще находятся под земной опекой, а другие уже покинули ее после смерти, оказавшись в тайном месте обретения души.

Широко известно, что в основании исторической метафизики Бердяева лежит понятие свободы. Философ полагает, что предпосылки исторической метафизики состоят в том, что человек есть народ Божий, которому уготована трагическая судьба. Процесс развития и разращения воплощен во всех человеческих существах. Причина этому кроется в том, что когда-то он наслаждался изначальной неограниченной свободой, которая и составляет основу и источник человеческой судьбы. По мнению Бердяева, причина всего этого заключается в том, что сама по себе свобода способна различить добро и зло. История мира не может начаться со свободы добра. Именно из-за свободы зла, которая отделена от источника Божьей жизни, формируются основания исторического процесса, а сам продолжает существовать.

В соответствии с философией Бердяева начало истории и происхождение зла синхронизированы. Для него весь мир и исторический процесс произошли от свободы зла, выступающей еще одной предпосылкой исторической метафизики. В дополнение к этому свобода зла, лежащая в основе исторического развития, иррациональна. Зло приходит из небытия. Свобода – это ключ к пониманию зла. Она делает возможными и добро, и зло. Иррациональная, темная свобода для Бердяева – это отправная точка в объяснении начала и развития истории [11].

Непосредственный процесс творения объясняется Бердяевым следующим образом: Бог желает преодолеть возможность зла в свободе небытия и жаждет, чтобы его свет озарил тьму свободы не-

бытия, чтобы она перестала быть в хаосе, а обрела смысл и истину. Свобода небытия отвечает на это стремление Бога формально и принимает идею Бога лишь напоказ. Формальный союз Бога и свободы небытия создает исходное состояние человеческого мира, то есть человеческий мир является совместным продуктом Бога и свободы [12]. Первоначальная судьба человека связана со свободой. Человек изначально обладает свободой, и это приводит к его падению.

В исторической реальности современного мира судьба человека опускается и деградирует в сторону внутренней природы. Результатом этого опускания и деградации является то, что человек отделяется от божественного происхождения жизни и свободы, и таким образом свобода становится чем-то внутренне необходимым и частичным. Судьба человека – это судьба человека, погрязшего в стихийно-природное, судьба детей мира, а не народа Божьего. В соответствии с этим человек живет не только в мире божественной свободы, но и в стихийно-природном мире, в котором он предается и разделяет свою судьбу. В этом мире он связан по рукам и ногам и под воздействием различных факторов становится узколобым, забыв о своем высшем происхождении и участии в высшей духовной жизни [13].

Подводя итог изучению отношения Августина и Бердяева к происхождению истории, заметим, что в целом их взгляды по этому вопросу совпадают. Они оба считают, что начало истории связано со свободой добра и зла. Тем не менее, Августин считает, что история начинается с разделения ангелов на добрых и злых, в то время как, согласно Бердяеву, история возникает из свободы зла. Так или иначе оба философа сходятся во мнении, что, именно зло привело человечество к тому, что оно стало действовать по собственной направленной к злым поступкам воле, отдалению от Бога и, в результате, к падению.

Так как в предыдущих абзацах было достаточно подробно рассмотрено начало истории и исторического процесса, следует пояснить и то, каким образом

Августином и Бердяевым трактуется их конец. Итак, в соответствии с учением средневекового богослова, град Божий и град дьявольский (земной) достигнут своего конца во время суда, который будет вершить над живыми и мертвыми Христос, Сын Божий. Более того, Августин приводит совершенно конкретную последовательность событий, которые произойдут на Страшном суде: приход Илии Тишбита, обращение евреев к вере, гонения антихриста, суд Христа, воскресение мертвых, отделение добрых людей от злых, мировой пожар и появление нового неба и земли.

Согласно Августину, существует две смерти, первая из которых – смерть души и тела, поскольку человек наказан Богом за грехи первого человека. Вторая – это смерть злой души на Страшном суде. Следовательно, добрые люди не переживают вторую смерть после первой [14]. Поскольку Августин утверждает, что душа может умереть дважды, соответственно, существует и два воскресения. Первое из них – воскресение души, воскресение веры, завершаемое крещением, в котором верующие в Бога выходят из своего безбожия, оправдываются и воскресают от смерти, чтобы им не пришлось идти во вторую смерть. Второе воскресение – это воскресение плоти, где злые тоже воскреснут и, пройдя через Страшный суд, будут либо обречены на вторую смерть, либо обретут вечную жизнь.

В конце времен Христос придет с небес, чтобы судить живых и мертвых, и тогда два града будут разделены, так же, как и населяющие их добрые и злые люди. После Страшного суда добро и зло окончательно размежуются благодаря тому, что будут обнажены их различия. В результате злые отправятся нести вечное наказание, а праведные – вести вечную жизнь.

Жители Земного града будут сожжены вечным огнем, в наказание душа и будут тело отделены от Бога, а плоть больше не сможет разлагаться. Тело будет испытывать боль, происходящую от мучений души. При этом, хотя она и будет невыносимой, однако, убить че-

ловека эта боль не сможет. Таким образом человек станет вечно страдать от огня и не воскреснет впоследствии. Цель Бога при наказании людей состоит в том, чтобы заставить их почувствовать боль и в муках раскаяться в своих грехах. В свою очередь, дьявол, поскольку он решил пасть еще в момент создания, не нуждается в том, чтобы его судили так же, как святых ангелов. Дьявол обречен на вечное наказание.

В отличие от града земного град Божий будет наполнен вечным счастьем и вечным поклонением. Ангелы не умирают и не воскресают, так как Бог наделил их бессмертной духовностью, когда сотворил их. Бог освободит жителей Града Божьего от власти тьмы, они смогут перейти в Царство Христа и присоединятся к ангелам, обладая той же духовностью и разделяя их святость в Граде Божьем. Тела людей станут бессмертными. Бог превратит людей в богов, потому что они не отворачивались от Бога, а присутствовали в нем. Люди же станут служить Богу с еще большим благоговением и верой. Воскресение, таким образом, будет не только физическим, но и духовным. Ведь Бог сделал душу и тело более совершенными и приблизил человека к Себе. В этот момент свободная воля больше не подвержена злу, она свободна от ограничений греха, так как в Граде Божьем грех перестанет существовать. Бог – это высшее благо, однако, только жители Града Божьего могут им наслаждаться.

Перефразируя вышесказанное можно утверждать, что отношение Августина к концу истории отражает постулаты традиционного христианства, в котором праведники попадают на небеса и получают вечную жизнь, а неправедные попадают в ад и подвергаются вечному наказанию. Очевидно, что такого рода эсхатология утверждает, что Бог – хозяин, а человек – раб. Конец истории полностью зависит от Божьего суда над миром и человеком, а люди могут лишь пассивно ждать, терпя унижения и повинуюсь нынешнему миру.

Бердяев, как представитель православной мысли, не разделял эту пози-

цию. Он не просто преобразовал западноевропейскую христианскую эсхатологию, но и создал совершенно новый вид эсхатологии, основанной на православной религиозной традиции.

Русский философ отрицает доктрину исторического прогресса. Для Бердяева история вообще не прогрессирует. В объективированном времени, в разделенном времени не может быть идеального будущего. Нет никаких оснований утверждать, что будущее должно быть лучше прошлого или настоящего. Это значит, что философия истории может быть только эсхатологической, а история имеет смысл лишь тогда, когда она должна закончиться.

Бердяев утверждает, что нынешний мир – это мир падший. Человек должен приложить все усилия, чтобы положить ему конец и приветствовать духовное царство в активном созидании этого мира. Путь к духовному царству – это путь к концу истории, путь надежды на Бога и на другую сторону, процесс непрерывного трансцендирования. Тем не менее Бердяев отвергает негативное понимание эсхатологии, присущее библейской традиции. Он настаивает на позитивной эсхатологии, утверждая, что миссия эсхатологии состоит в том, чтобы изменить мир. Согласно Бердяеву, конец истории – это наступление духовного царства и уход от объективированного мира, требующие от человека неимоверных усилий.

В традиционном христианском сознании ад и рай – это разные судьбы, которые ожидают злых и добрых людей на Страшном суде. Злые попадают в ад и страдают, а добрые попадают на небеса и получают Божью благосклонность. Ад и рай, о которых говорил Бердяев, полностью отличаются от традиционных концепций. По мнению Бердяева, никакого ада не существует. Причем как с точки зрения духовной жизни человека, так и с точки зрения Бога. Ад у Бердяева не является наказанием для злых, как и рай не является наградой для добрых. Ни то, ни другое не является объективным бытием вне нас. Они лишь указывают на состояние духовной

жизни человека. Поэтому создание небесной красоты и обретение небесного опыта требуется не в далеком будущем, а в реальности нашей жизнедеятельности. Все перечисленное требует от человека активной деятельности, направленной на то, чтобы творчески реализоваться [15].

Адаптация Бердяевым традиционного христианского взгляда на конец истории является важной составляющей нового христианского сознания. Главное отличие установленного им нового взгляда на конец истории от традиционного состоит в том, что он констатирует субъективность человека, связывает конец истории с сущностной силой индивида и утверждает, что конец истории не является результатом пассивного ожидания, а зависит от творческой активности каждого человека.

Немаловажное значение для Бердяева имеет и вопрос о времени. Он считает, что конец истории подразумевает полную победу экзистенциального времени над историческим. Хотя взгляды Бердяева на конец истории полны дискурсивного мистицизма, многие его идеи весьма интересны и полемичны как для философов, так и для богословов.

Подытоживая, отметим, что христианское видение истории сходится к центральному факту: приходу Христа. Время перед пришествием Мессии предусматривает приготовление и ожидание. У Августина христиане видят в истории воспитание человека Богом, но также и трагедию ограничения человеком спасительной воли Высшего Существа.

Между тем, в ожидании Страшного Суда у людей есть смысл и цель в жизни: установление Царства Божия. Принцип духовной свободы, неизвестный античному миру, отчасти объясняет исключительную историчность и динамизм христианского учения. В то время как греки утверждали необходимость добра, христиане видели в свободе цель и торжество высшего божественного разума. Николай Бердяев рассматривает историю как результат историко-божественного акта драмы отчуждения от божества, драмы первородного гре-

ха, которая также является драмой свободы.

Христианство невозможно понять без истории, в то же время история в каком-то смысле непонятна без христианства. Ничто из происходящего не является случайностью. Люди и народы в равной степени являются инструментами, которые Бог использует для осуществления своих провиденциальных планов. Вся человеческая деятельность включена в тот непрерывный процесс, который принято называть историей. Ни эволюция, ни прогресс, ни повторение не могут сами по себе объяснить ход истории. Свободная человеческая деятельность есть двигатель истории. Человеческую деятельность можно проследить в ее процессе. Именно в этом и заключается миссия истории. В этом процессе обнаруживается незримое присутствие Бога.

Истинная история, следовательно, неотделима от истории христианства. Изменения, исторические колебания представляют собой альтернативы принятия и отторжения божественного, которое нисходит к нам и внедряется в нас. История – это поиск следов Бога.

Августин излагает всю историю мира в виде рассказа о «двух градах», повествуя о происхождении, развитии и конце обоих из них. Однако представления Августина о рае и аде, так же, как и его мысли относительно хода исторического процесса и эсхатологии представляют собой ортодоксальное богословие, характерное для западного христианства, в котором история – это предопределенный линейный процесс [16]. Ведь в тот момент, когда Бог создал первых людей и их мир, им было суждено прийти к концу. При таком взгляде на историю град Божий и град Земной противопоставляются и разделяются после Страшного суда, что является ортодоксальным, негативным взглядом на конец истории [17].

Русские богословы, представленные Бердяевым, придерживались противоположного мнения, отвергая абсолютное противопоставление неба и земли и считая, что небесная и земная история смешаны. Этот вид позитивной эсхато-

логии в основном выражается в победе над смертью, избавлении от страданий ада и др. Такого рода эсхатологическая духовная структура находила отражение не только в трудах русских богословов и философов, но и в произведениях русских писателей, таких как Гоголь, Достоевский и Толстой [18].

Более того, идея предопределения также отражена в представлении Августина о двух градах, где Бог предопределяет, что одни люди получают спасение и вечную жизнь, а другие – вечное наказание. Бог – хозяин, а человек – раб. Конец истории полностью зависит от Божьего суда над миром и человеком, а человек является пассивным и неспособным выйти из-под контроля дьявола или Бога. Единственное, что он может сделать, это ждать окончательного суда Бога над ним.

В активной эсхатологии Бердяева содержится гуманистический взгляд на Бога, отвергающий представление о нем как о могущественном, всесильном и властном праотце. Бердяев подчеркивает активную роль человека в процессе осуществления «конца». Приближение конца – это не только функция Бога, но и творческий акт человека. Таким образом, позитивная эсхатология Бердяева указывает на важную роль человеческой инициативы и творчества в процессе реализации «эсхатона», который на самом деле является предельной реализацией человеческой свободы и индивидуальности [19].

Примечательно, что Бердяев тяготел не только к активной эсхатологии, но и к активному существованию, предполагавшему свободу и творчество под эгидой этой эсхатологии, а также анализ смысла человеческой духовности и существования в контексте русской национальной психики в целом.

Завершая разговор об особенностях восприятия исторического процесса в философии Августина и Бердяева, вновь отметим, что оба подхода стали следствием серьезных исторических перемен и даже катастрофических событий. В первом случае речь шла о падении Римской империи, во втором

о внутренних и внешних противоречиях, разрывавших российское государство на рубеже XIX–XX веков. Таким образом оба философских подхода сложились в моменты кризиса и соответствовали социально-политическим реалиям своего времени. По этим причинам идеи Августина и Бердяева, не утратившие актуальности и в настоящем, оказались весьма востребованы современниками, поскольку не только разрешали духовные дилеммы людей соответствующей эпохи, но и обеспечивали им необходимую духовную поддержку, становясь своеобразным нравственным ориентиром.

Литература

1. Лян Цю. Исследование мысли Бердяева о философии истории. Магистерская диссертация. Хэйлунцзянский университет. – 2008. С. 20.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. 1969. Париж. – Copyright YMCA-PRESS. С. 7.
3. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. Книга пятнадцатая. Глава I. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/15_1
4. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. Книга двенадцатая. Глава I. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/15_1
5. Блаженный Аврелий Августин. О граде Божьем. Книга четырнадцатая. Глава XXVII. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/15_1
6. Бердяев Н.А. Смысл истории. 1969. Париж. – Copyright YMCA-PRESS. С. 55.
7. Бердяев Н.А. Смысл истории. 1969. Париж. – Copyright YMCA-PRESS. С. 54.
8. Бердяев Н.А. Смысл истории. 1969. Париж. – Copyright YMCA-PRESS. С. 73.
9. Ся Дунци. Град Божий и град Земной: дихотомия в мысли Августина // Современная философия. 2005. С. 3.
10. Чжу Цзяньхун. Два града Августина – фокусируясь на граде Божьем. 2016 // Теоретика. № 512. С. 52.

11. Бердяев Н.А. *Смысл истории*. 1969. Париж. – Copyright YMCA-PRESS. С. 39–40, 48.
12. Чжан Гуйна. *Свобода, Бог-Человек, История – предварительное исследование метафизики истории Бердяева* // *Русские исследования*. № 5. 2008. С. 91.
13. Бердяев Н.А. *Смысл истории*. 1969. Париж. – Copyright YMCA-PRESS. С. 133–140.
14. Ван Хэ. *Исследование мысли Августина о двух градах*, 2016, С. 33.
15. Чэнь Хун. *Эсхатологические взгляды Бердяева и его гуманистическое богословие* // *Русские исследования*. № 2. 2006. С. 90–95.
16. Аткинс Э. М. и Додаро Р. Дж. (2001). *Введение в философию Августина* // *Политические сочинения*. – Изд-во Кембриджского университета, xi–xxvii.
17. Фицджеральд А. Д. (1999). *Августин сквозь века: энциклопедия*. Гранд-Рапидс: Эрдманс.
18. Безлепкин Н.И. *От историософии к философии истории: эволюция взглядов на историю в отечественной философской мысли* // *Управленческое консультирование*. 2017. No 8. С. 119–132.
19. Хамидулин А.М. *Философия истории Н.А. Бердяева: Экзистенциальный конец истории, или апокалипсис интериоризированный* // *Logos et Praxis*. 2020. Vol. 19. No. 1/35, С. 35–42.

HISTORICAL PROCESS IN THE CHRISTIAN PHILOSOPHY OF AUGUSTINE OF HIPPO AND NIKOLAY BERDYAEV

Caо Jiaqi
Peking university

Augustine's philosophy of history, which arose after the collapse of the ancient world and the fall of the Roman Empire, describes world history from the point of view of Christian morality as a contrast between the «City of God» and the «Earthly City». In turn, Nikolai Berdyaev's philosophy of history is a consequence of the assessment of the catastrophic historical events occurred in the late XIX – early XX centuries and is dedicated to the search for the meaning of history, how it began and how it will end, includ-

ing freedom and history, time and history, positive eschatological ideas, etc. At the same time, even though the religious theories set forth in the works of both philosophers were described within the framework of completely different stages in the development of human civilization, they nonetheless reveal quite a lot of points of contact. At the same time, it can be argued that the appearance of these Christian theories led to diametrically opposite results. If the concept of «Two Cities» of Augustine contributed to the strengthening and development of Christianity in the world, then Berdyaev's innovative philosophy of history undermined the foundations of traditional Western Christian thought, offering us a completely different and unique view of religion and its role in the historical process. This article intends to conduct a comparative analysis of the key provisions of St. Augustine and Nikolai Berdyaev Christian philosophy in relation to the historical process, establish and describe the similarities and differences between both theories and prove that, despite the remoteness in time and different sociopolitical context, both philosophers adhered to similar positions in matters of faith and its influence on the world order transformation.

Keywords: religious philosophy, philosophy of history, «two cities», eschatology, historical process.

References

1. Liang Qiu. *A study of Berdyaev's thought on the philosophy of history*. Master's dissertation. Heilongjiang University. – 2008. P. 20.
2. Berdyaev N.A. *The meaning of history*. 1969. Paris. – Copyright YMCA-PRESS. P. 7.
3. Blessed Aurelius Augustine. *About the city of God*. Book fifteen. Chapter I. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/15_1
4. Blessed Aurelius Augustine. *About the city of God*. Book twelve. Chapter I. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/15_1
5. Blessed Aurelius Augustine. *About the city of God*. Book fourteen. Chapter XXVII. https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/15_1
6. Berdyaev N.A. *The meaning of history*. 1969. Paris. – Copyright YMCA-PRESS. P. 55.
7. Berdyaev N.A. *The meaning of history*. 1969. Paris. – Copyright YMCA-PRESS. P. 54.

8. Berdyaev N.A. The meaning of history. 1969. Paris. – Copyright YMCA-PRESS. P. 73.
9. Xia Dongqi. The city of God and the city of the Earth: a dichotomy in the thought of Augustine // Modern Philosophy. 2005. P. 3.
10. Zhu Jianhong. Two cities of Augustine – focusing on the city of God. 2016 // Theory. No. 512. P. 52.
11. Berdyaev N.A. The meaning of history. 1969. Paris. – Copyright YMCA-PRESS. pp. 39–40, 48.
12. Zhang Guina. Freedom, God-Man, History – a preliminary study of the metaphysics of Berdyaev's history // Russian Studies. No. 5. 2008. P. 91.
13. Berdyaev N.A. The meaning of history. 1969. Paris. – Copyright YMCA-PRESS. pp. 133–140.
14. Wang He. Study of Augustine's Thought on the Two Cities, 2016, P. 33.
15. Chen Hong. Eschatological views of Berdyaev and his humanistic theology // Russian Studies. No. 2. 2006. pp. 90–95.
16. Atkins E. M. & Dodaro R.J. (2001). Introduction en Augustine // Political Writings, Cambridge University Press, xi-xxvii.
17. Fitzgerald A.D. (1999). Augustine Through the Ages: An Encyclopedia. Grand Rapids: Eerdmans.
18. Bezlepkin N.I. From historiosophy to the philosophy of history: the evolution of views on history in domestic philosophical thought // Management Consulting. 2017. No 8. P. 119–132.
19. Khamidulin A.M. Philosophy of history N.A. Berdyaev: Existential end of history, or interiorized apocalypse // Logos et Praxis. 2020 Vol. 19. No. 1/35, pp. 35–42.

Наблюдение как вмешательство в ход событий в контексте теории Т. Юнга

Политова Елизавета Дмитриевна,
E-mail: appmindpowercom@gmail.com

Сознание человека – категория, которая сегодня стала объектом междисциплинарных научных изысканий, изучаемым в зоне парадигмального стыка между гуманитарными и точными науками. Важную роль в исследовании вопросов сущности и функционирования сознания сыграл физический опыт Т. Юнга (1803 г.), который раскрывает взаимосвязь между сознанием и реальностью через наблюдение. Теория Т. Юнга не относит наблюдение к средствам постижения, а рассматривает его как самоценный феномен, который способен оказывать влияние на реальную действительность. В статье были рассмотрены проявления эффекта наблюдателя, а также ряд смежных категорий – эффект Хоторна, общество наблюдения, принцип участия, антропный принцип и др. Проанализированы основные векторы в дискуссиях о существовании объективной реальности. Выявлено, что сегодня наблюдатель обретает новые ресурсы и возможности, что меняет его статус с пассивного наблюдателя до наблюдателя-творца, который активно вмешивается в ход событий.

Ключевые слова: наблюдатель, эффект наблюдателя, сознание, когниция, монстратив, нарратив, субъективная реальность.

Современные исследователи все чаще обращаются к вопросам о сущности и функционировании человеческого сознания. Сознание можно понимать в качестве высшего уровня развития психики, функцией которого является познание окружающего мира и самого себя, наряду с рецепцией и воспроизведением различных чувственных и умственных образов. Точные науки склонны определять сознание как продукт работы сложной материи мозга, обеспечивающий контакт человека с окружающим миром.

Далеко не все аспекты сознания объяснены и исследованы в научном ключе, что, в свою очередь, объясняется чрезвычайной сложностью данной категории. До сих пор ученые не могут обосновать такие парадоксальные, на первый взгляд, результаты работы сознания, как дежа вю, интуиция, озарение, вдохновение и многие другие. Безусловно, связь между сознанием и реальной действительностью заслуживает более глубинного рассмотрения. При этом попытки рассматривать сознание исходя из строгих рамок одной конкретной научной дисциплины, как правило, сталкиваются со множеством ограничений, накладываемых, прежде всего, методологией и постулатами, применяемыми в ней.

Данное противоречие привело к тому, что сознание стало объектом междисциплинарных научных изысканий и, более того, стало изучаться в зоне парадигмального стыка между гуманитарными и точными науками. С.Е. Ревунов с соавт. указывают, что весьма перспективным представляются разработки, выполняемые в рамках философии, социологии и психологии, а также дисциплин, «обслуживающих» системы искусственного интеллекта. Кроме того, авторы говорят о том, что все чаще данные дисциплины прибегают к инструментарию квантовой физики и смежных дисциплин, причиной чего выступает «не-

постижимость такой головоломки, как сознание человека» [7, с. 14].

В контексте современной нам постнеклассической реальности происходит интенсификация интеграционных процессов в познании окружающего мира, что, в свою очередь, приводит к «конвергенции наук, созданию метатеорий и междисциплинарных связей» [4, с. 52]. Социология, психология и философия также не являются исключением: «человекоориентированные» научные отрасли все чаще приобретают естественно-научную или метафизическую тональность. Многие исследователи обращаются, в частности, к методологическому инструментарию квантовой механики и обнаруживают общие закономерности, присущие как психике человека – его внутренней Вселенной, так и окружающей реальности – Вселенной внешней. Р.М. Нагдян в данной связи говорит о том, что ученые должны стремиться к достижению трансцендентального идеала рациональности, понимаемого им как «способность рассуждать о реальности вне пространства феноменов классической физики и классической психологии» [4, с. 52].

Современная наука, как указывают В.Ф. Петренко и А.П. Супрун, «спешит к освоению нового» и по этой причине «не успевает переосмыслить свои старые аксиомы, на которых возводятся новые теории» [5, с. 101].

Одной из подобных теорий, незаслуженно оставленных на периферии научного знания, является теория, представленная Т. Юнгом. Данная теория раскрывает взаимосвязь между сознанием и реальностью через концепцию наблюдения. В социологии, психологии и философском знании наблюдение интерпретируется в качестве направленного, систематического, непосредственного визуального контакта и рецепции с последующей фиксацией отмеченных фактов, обстоятельств, закономерностей, ситуаций [6, с. 151].

Наблюдение представляет собой весьма важную категорию в методологии науки, являясь, при этом одним из наиболее распространенных методов сбора первичных эмпирических данных.

Тем не менее, теория Т. Юнга не относит наблюдение к средствам постижения, а рассматривает его как самоценный феномен, который способен оказывать влияние на реальную действительность.

Многие исследователи, разрабатывающие вопросы методологии наблюдения, указывают на то, что его ключевой специфичной чертой является то, что наблюдатель изучает окружающую реальность, к которой также он принадлежит, от которой непосредственно зависит и на которую влияет [6, с. 164]. Дефектом (либо особенностью) наблюдения является свойственный ему аутоморфизм – интерпретация наблюдаемого в преломлении призмы собственного Я, коннотативная окрашенность человеческой рецепции и когниции, колоссальное влияние на результаты наблюдения опыта и личности самого наблюдателя.

Таким образом, опыт Т. Юнга, констатирующий влияние наблюдателя на наблюдаемое, проведенный изначально в рамках физической науки, был заимствован наукой гуманитарной и интерпретирован ей – в той или иной степени метафорически или буквально. Обратимся к описанию его сущности.

Опыт Т. Юнга, проведенный в 1803 г. и именуемый также «двухщелевой опыт с интерферометром Юнга», был, подобно аналогичным опытам его современников, направлен на изучение феноменов интерференции и дифракции света, косвенно подтверждавших постулаты волновой теории света.

С начала XVI в. философы и ученые предпринимали множество попыток понять сущность и природу светового излучения, а также алгоритм его распространения. К примеру, И. Ньютон, в результате серии экспериментов, пришел к выводу о невозможности волновой природы света и заключил, что свет есть совокупность частиц (прототип корпускулярной теории света). Т. Юнг, в свою очередь, оппонировал взглядам И. Ньютона и настаивал на волновой характере света. Для доказательства своей точки зрения исследователь провел эксперимент, в ходе которого на ширму с двумя параллельными прорезями был направлен свето-

вой монохроматический пучок. Далее ширма подсвечивается проекционным экраном, на котором отображается ряд интерференционных полос. Подобный результат позволил в некотором роде опровергнуть корпускулярную теорию и продвинул научное сообщество в разработке доминирующей сегодня корпускулярно-волновой теории. Тем не менее, ключевым, по нашему мнению, результатом эксперимента явился тот импульс, который был задан им в изучении взаимосвязи направленного сознания (наблюдения) и материи.

Эксперимент, как отмечено выше, отобразил волновую природу света. Впоследствии современные исследователи неоднократно повторяли данный эксперимент, меняя одно или несколько из его условий. Важнейшим этапом стала попытка подвергнуть прохождению аналогичной траектории не света, а электронов. Согласно результатам данного опыта, сам факт наблюдения искажал результат эксперимента: проекционный экран отображал не интерференцию, как ранее, а полосы – что свойственно корпускулярной материи. Без наблюдения же результат опыта повторял то, что было описано самим Т. Юнгом.

Механизм эффекта наблюдателя до сих пор достоверно не установлен [1, с. 52]. Подобное открытие исследователи склонны объяснять двумя диаметрально противоположными способами. Во-первых, «мистический подход» к интерпретации результатов опыта подразумевает то, что характеристики электронов в частности и материи – в целом изменяются от наличия или отсутствия наблюдателя. Во-вторых, «строго научный» подход постулирует, что искажение результатов опыта есть, по сути, технический дефект самого опыта, связанный с положением датчика, установленного в целях наблюдения. Большой интерес, безусловно, представляет собой первый из вышеобозначенных подходов, ведь он породил множество дискуссий об управлении материей сознанием. Несмотря на то, что было приведено достаточно много доказательств в пользу второго из подходов, опровергающего

влияние наблюдения на формирование реальности, именно «мистический» подход стал основой для разработки теорий, мнений, положений о том, что есть материя, какова ее связь с сознанием и можно ли конструировать окружающий мир исключительно умственными или эмоциональными ресурсами. Именно в этом, по нашему мнению, и заключается истинная ценность опыта Т. Юнга – по крайней мере, для гуманитарных областей научного знания.

Таким образом, световой опыт Т. Юнга способствовал доказанию того, что не все феномены являются обусловленными причинно-следственной связью и приоткрыл завесу над метафизическим пониманием сущности происходящего. Отметим, что далеко не все ученые-физики опровергли вышеописанный «эффект наблюдателя», приняв при этом попытки его научного (т.е. чисто физического) обоснования. В частности, в рамках реляционной теории квантовой механики (основоположником которой принято считать К. Ровелли) принято считать, что двухщелевой опыт показывает результат взаимодействия наблюдателя (в контексте данного эксперимента – измерительного устройства) и наблюдаемого объекта. Фотон, «наблюдающий» перемещение электрона, фиксирует информацию о положении электрона, и подобная информация о пути следования электрона взаимодействует с самим электроном. Именно таким образом и можно продемонстрировать то, каким образом наблюдение влияет на действительность.

Таким образом, эффект наблюдателя – категория, которая из физики перешла в ряд иных научных сфер, где она обобщенно понимается как постулат о том, что наблюдение за явлением меняет свойства данного явления. В обиходном сознании человек отдает себе отчет в том, что объект не меняется в зависимости от того, смотрят ли на него. Однако, для науки данный тезис отнюдь не является неопровержимым.

Мера и способ, которым наблюдатель определяет развитие ситуации и параметры наблюдаемого исследуются

не только в фундаментальных научных изысканиях, но и в чисто прикладных дисциплинах. К примеру, в менеджменте, психологии, социологии. Тем не менее, нельзя не отметить, что зачастую эффект наблюдателя являет собой не что иное как продукт некорректного применения измерительных приборов или поведения самого исследователя. Следовательно, подобный эффект наблюдателя исчезнет сразу же после устранения «помех наблюдения».

В социологии эффект наблюдателя, конечно, выражается наиболее отчетливо. Одной из его разновидностей является так называемый «эффект Хоторна»¹, который предполагает, что лица, находящиеся под наблюдением, будут вести себя иначе, нежели без него [9]. Проявления эффекта Хоторна оказались настолько важны для поведения людей, что позволили сконструировать новую парадигму менеджмента и управления кадрами. В рамках новых доктрин человеческих отношений и бизнес-коммуникаций лежит именно эффект Хоторна: залогом эффективности деятельности сотрудника и компании является их наблюдаемость – в рамках межличностных отношений, иерархических и горизонтальных структур управления, методологий непрерывного контроля и проч.

В более заметных масштабах эффект наблюдателя проявляется в концепции так называемого «общества наблюдения»², интерпретируемой, как правило, в негативном ключе. Индикаторами современного общества наблюдения являются программы лояльности в торговле, использование cookies интернет-пользователей, удостоверения личности и биометрия, плановые медицинские осмотры, сеть систем видеонаблюдения, глобальные СМИ. По сущности, каждый шаг, предпринятый современным человеком, зафиксирован, проанализирован и, вполне возможно, скорректирован. По нашему мнению, сегодня мы можем наблюдать эффект, противоположный эффекту наблюдателя: усиление позиций наблюдателя и его чрезмерное

вмешательство в реальность порождают обратное действие (назовем его «эффект игнорирования наблюдателя»), когда поведение людей уже не меняется в существенной мере под наблюдением, так как наблюдение стало неотъемлемой частью их объективной реальности, следовательно, наблюдаемому легче его игнорировать.

Эксперимент, проведенный Т. Юнгом, и иные схожие эксперименты актуализировали также вопросы о том, что, собственно, есть действительность и существует ли она. Сомнения в априорном существовании объективной реальности выражают не только философы, но и сами физики. К примеру, в одной из новейших публикаций отмечается, что объективная реальность, которая не предполагает наблюдателя, невозможна в принципе; даже на микроуровне – на уровне атомов и частиц – факты являются субъективными – наблюдаемыми [10]. С одной стороны, человек догадывается о том, что реальность существует и вне сознания, но с другой – ни один человек не видел данную реальность вне собственного сознания: нельзя наблюдать не наблюдая. Следовательно, реальность может существовать исключительно «в глазах наблюдателя» (данные тезисы, помимо прочего, согласуются с известным опытом Шредингера).

Кроме того, эффект наблюдателя коррелирует с провозглашенным сегодня принципом участия, согласно которому Вселенная, лишённая наблюдателя, не имеет статус реальной. Если оперировать терминологическим аппаратом физической науки, можно передать данную мысль следующим образом: «наблюдатель осуществляет редукцию квантового состояния, переводящего множество возможных состояний в одно реальное» [4, с. 56]. Известнейший физик современной эпохи Н. Бор именует данный принцип «антропным», акцентируя центральную роль человека как сущности, обладающей сознанием, в построении мира: мир, с его точки зрения, устроен специально для наблюдателя, а мир без наблюдателя – лишь вероятность. Из-

¹ Hawthorne Effect.

² Surveillance Society.

вестно еще одно высказывание исследователя в отношении данной проблемы: «Квантового мира не существует. Есть только его абстрактное квантовомеханическое описание» [цит. по 4, с. 56].

Если принять в качестве аксиоматического тот факт, что реальности без сознания не существует, можно прийти к выводу о том, что именно сознание представляет собой инструмент, конструирующий реальность. Как и в эксперименте Т. Юнга, сознание определяет ход событий, формирует эти события и изменяет их. Если реальности нет, то есть только то, что показывается (*монстратив/monstratio*) и то, о чем повествуется (*нарратив/narratio*) [2, с. 84]. Данный тезис, в свою очередь, стирает границу между фикцией и объективностью.

Нельзя сказать, что все это является новацией современной фазы развития научного познания; Е.В. Козлов, к примеру, в качестве примера указывает на культуру Древнего Египта, где было принято обозначать данную границу между объективным и субъективным (тем, что наблюдалось, рассказывалось, показывалось). Графемы, обозначающие имена собственные, в древнеегипетском письме специальным образом обрамлялись – таким образом авторы древних текстов дифференцировали то, что существовало объективно и то, что было наблюдаемым [2, с. 85].

Выше в статье мы уже привели примеры индикаторов эффекта наблюдателя, существующих в современной культуре. Следует также отметить, что сегодня наблюдатель обретает новые ресурсы и возможности, что меняет его статус с пассивного наблюдателя до наблюдателя-творца. Наблюдая, человек вмешивается в наблюдаемое и корректирует его в нужном ему векторе. Е.В. Козлов называет подобного активного наблюдателя эмансипированным реципиентом: он получил возможность и право вмешиваться в ход протекания процессов [2, с. 87] (особенно отчетливо это проявляется в массовой культуре, когда журналисты электронных СМИ, блогеры-миллионники, стейкхолдеры масс-медиа, политики, обще-

ственные деятели ежедневно конструируют новую реальность).

При этом, как справедливо пишет К. Фрумкин, в самом наблюдателе заключено два компонента: наблюдатель наблюдающий и наблюдатель наблюдаемый, т.е. наблюдатель наблюдает самого себя. Только в таком единстве наблюдатель способен изменять окружающие его события и обстоятельства. Исследователь, кроме того, говорит о том, что душа, вышедшая «из кожаной ризы», есть сам наблюдатель, но именно его телесная оболочка позволяет ему интерпретировать наблюдаемое и конструировать его впоследствии [8, с. 57], а без компонента наблюдаемого в самом наблюдателе он вынужден, по В.В. Набокову, «не делать никаких выводов – только глазеть» [3, с. 345].

Вышеизложенное также позволяет прийти к выводу о том, что изменения действительности, наблюдаемые наблюдателем, могут происходить как вокруг него, так и в нем самом [Петренко, с. 106]. Соответственно, рефлексия (в психологии) есть не что иное как наблюдение, обращенное внутрь наблюдателя, которое, за счет вышеотмеченного эффекта наблюдателя, позволяет изменить эту внутреннюю реальность.

Таким образом, психологи, физики, социологи, философы и многие другие исследователи пришли к осознанию того, что сутью большинства их исследований является интеграция знания различных научных дисциплин. Отсутствие междисциплинарности порождает фрагментированность научного познания и не может привести к осязаемым результатам. Подобная междисциплинарность отчетливо проявляется в рассмотрении так называемого эффекта наблюдателя. На основе опыта, проведенного Т. Юнгом в самом начале XIX в., современные исследователи разрабатывают всевозможные теории о том, как связаны между собой сознание и материя, наблюдатель и наблюдаемое. Трансцендентальный характер подобных исследований указывает на то, что центральное место в данных теориях должна занимать метафизика. Понять, что есть

наблюдаемое, что есть вымышленное, а что – реальное все сложнее, что порождает новые возможности в изучении эффекта наблюдателя. Граница между *res cogitans* и *res extensa*, можно сказать, практически исчезла, как и реальность «сама по себе», соответственно, имеет смысл только то, что наблюдает человек и то, что он конструирует в процессе такого наблюдения.

Литература

1. Коваленко, В. Ф. К вопросу об эффекте наблюдателя в квантовой физике / В.Ф. Коваленко // Биомедицинская инженерия и электроника. – 2019. – № 2(23). – С. 51–57.
2. Козлов, Е.В. Проблема границы фикции / Е.В. Козлов // Международный журнал исследований культуры. – 2012. – № 3(8). – С. 84–88.
3. Набоков, В.В. Собр. соч.: В 4 т. / В.В. Набоков. – М., 1990. – Т. 2.
4. Нагдян, Р.М. Состояния сознания, проблема наблюдателя, познание (или о единстве трансцендентальной психологии, физики и философии) / Р.М. Нагдян // Теоретичні дослідження у психології. – 2021. – № 3. – С. 51–91.
5. Петренко, В.Ф. Ментальная карта сознания и представление физической реальности в пространстве-времени / В.Ф. Петренко, А.П. Супрун // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 4. – С. 101–109.
6. Петров, Э.П. Метод наблюдения в социологическом исследовании. (Глава 1, Глава 2) / Э.П. Петров // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. – М.: Наука, 1990. – С. 150–189.
7. Ревунов, С.Е. Проблема связи сознания наблюдателя и квантовомеханического описания физической реальности / С.Е. Ревунов, С.И. Кузнецов, О.М. Бархатова, Е.А. Ревунова // Вестник Мининского университета. – 2019. – № 7. – С. 3–14.
8. Фрумкин, К. Позиция наблюдателя. Отстраненное созерцание и его культурные функции. – Киев: Ника-Центр, 2003. – 226 с.

9. McCambridge, J. Systematic review of the Hawthorne effect: New concepts are needed to study research participation effects / J. McCambridge, J. Witton, D.R. Elbourne // Journal of Clinical Epidemiology. – 2014. – #67(3). – С. 267–277.
10. Fedrizzi, A. Experimental test of local observer independence / A. Fedrizzi, M. Ringbauer, C. Branciard, D. Kundys, P. Barrow // SCIENCE ADVANCES. – 2019. – Vol 5, Issue 9. – P. 90–99.

OBSERVATION AS INTERVENTION IN THE COURSE OF EVENTS WITHIN THE CONTEXT OF T. JUNG'S THEORY

Politova E.D.

Human consciousness is a category that today has become the object of interdisciplinary scientific research, studied in the zone of the paradigm junction between the humanities and the exact sciences. An important role in the study of the issues of the essence and functioning of consciousness was played by the physical experiment performed by T. Jung (1803), which reveals the relationship between consciousness and reality through observation. T. Jung's theory does not attribute observation to the means of comprehension, but considers it as a valuable phenomenon in itself, which is capable of influencing reality. The article examined the manifestations of the observer effect, as well as a number of related categories – the Hawthorne effect, the observation society, the principle of participation, the anthropic principle, etc. The main vectors in discussions about the existence of objective reality were analyzed. It was revealed that today the observer acquires new resources and opportunities, which changes his status from a passive observer to an observer-creator who actively intervenes in the course of events.

Keywords: observer, observer effect, consciousness, cognition, monstrative, narrative, subjective reality.

References

1. Kovalenko, V.F. On the question of the observer effect in quantum physics / V.F. Kovalenko // Biomedical Engineering and Electronics. – 2019. – No. 2 (23). – S. 51–57.
2. Kozlov, E.V. The problem of the border of fiction / E.V. Kozlov // International Journal of Cultural Studies. – 2012. – No. 3 (8). – S. 84–88.

3. Nabokov, V.V. *Sobr. cit.: In 4 volumes / V.V. Nabokov.* – М., 1990. – Т. 2.
4. Nagdyan, R.M. States of consciousness, the problem of the observer, cognition (or about the unity of transcendental psychology, physics and philosophy) / R.M. Nagdyan // *Theoretical research in psychology.* – 2021. – No. 3. – P. 51–91.
5. Petrenko, VF Mental map of consciousness and representation of physical reality in space-time / VF Petrenko, AP Suprun // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin.* – 2019. – No. 4. – S. 101–109.
6. Petrov, E.P. Method of observation in sociological research. (Chapter 1, Chapter 2) / EP Petrov // *Methods of collecting information in sociological research. Book. 2.* – М.: Nauka, 1990. – S. 150–189.
7. Revunov, S. E., Kuznetsov S.I., Barkhatova O.M., Revunova E.A. The problem of the connection between the observer's consciousness and the quantum mechanical description of physical reality // *Bulletin of the Minin University.* – 2019. – No. 7. – P. 3–14.
8. Frumkin, K. Position of the observer. Detached contemplation and its cultural functions. – Kyiv: Nika-Center, 2003. – 226 p.
9. McCambridge, J. Systematic review of the Hawthorne effect: New concepts are needed to study research participation effects / J. McCambridge, J. Witton, D.R. Elbourne // *Journal of Clinical Epidemiology.* – 2014. – #67(3). – C. 267–277.
10. Fedrizzi, A. Experimental test of local observer independence / A. Fedrizzi, M. Ringbauer, C. Branciard, D. Kundys, P. Barrow // *SCIENCE ADVANCES.* – 2019. – Vol 5, Issue 9. – P. 90–99.

Фактор темпоральной координации в системе intersубъективности индивидов во включающем обществе

Дзюба Любовь Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
E-mail: Dzuba017@mail.ru

Рассматривается темпоральная координация как отражение комплексного переживания индивидом с ограниченными возможностями субъективного времени в специальной социальной группе. Показывается, что феноменологическое рассмотрение темпоральной координации в мире повседневности включающего общества представляет своеобразную интерпретацию индивидами собственного индивидуального бытия. Демонстрируется, что концепт темпоральной координации выступает в качестве индивидуально-сущностной характеристики индивидуального сознания в соотнесении с коллективным сознанием людей с ограниченными возможностями. Выявляются ситуации, отражающие различные этапы формирования группы людей с ограниченными возможностями, в которых темпоральная координация основана на деятельностно-ситуативных и мотивационно-психологических аспектах субъективного времени. Показывается, что темпоральная координация трансформируется в собственно-ментальное переживание субъективного времени, демонстрирующее индивидуально-ментальные образы индивида с ограниченными возможностями и его внутренний опыт как этапы индексации и оценки в индивидуальном сознании всего комплекса переживаний социальных процессов и событий. Отмечается, что субъективное время является базовым компонентом формирования системы чувственно-ментальных образов, индивидуально определенных смыслов и значений повседневного сознания индивидов.

Ключевые слова: субъективное время, темпоральная координация, intersубъективность, включающее общество, индивидуальное сознание, ограниченные возможности (ОВ).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00515 (<https://rscf.ru/project/22-28-00515/>) в Ростовском государственном экономическом университете, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение. В современной философской и социологической литературе появились работы, направленные на систематическое изучение различных аспектов формирования и функционирования инклюзивного общества. На приоритетные роли выходит исследования, касающиеся теоретико-концептуальных проблем становления общества инклюзии. В этой связи значимость приобретает выявление особенностей структурно-содержательной сферы субъективного времени индивида с ограниченными возможностями. Одной из таких особенностей является темпоральная координация как отражение комплексного переживания индивидом с ОВ интенциональности субъективного времени в специальной социальной группе.

Основная часть. Феноменологическое рассмотрение темпоральной координации в мире повседневности включающего общества представляет своеобразную интерпретацию индивидами с ограниченными возможностями собственного индивидуального бытия. Темпоральная координация отражает специфику комплексного переживания индивидом с ОВ интенциональности субъективного времени в специальной социальной группе. Концепт темпоральной координации выступает в качестве индивидуально-сущностной характеристики индивидуального сознания в соотнесении с коллективным сознанием людей с ограниченными возможностями. При этом темпоральная координация основана на деятельностно-ситуативных и мотивационно-психологических аспектах субъективного времени, что характерно для различных этапов формирования группы людей с ОВ.

Формирование структурно-содержательной сферы субъективного времени индивида с ограниченными возможностями предполагает синтез

ментально-темпоральной координации и интенционально-темпоральной координации. Интенционально-темпоральная координация коррелирует со сферой переживания индивидом с ОВ своего индивидуального существования во включающем социуме. Обозначение ментально-темпоральной координации приоритетно касается исследования индивидуально-уникальной формы своеобразного чувственного переноса комплекса переживаний налично-индивидуальной бытийности человека с ОВ в сферу его субъективного времени. Поэтому, темпоральная координация трансформируется в собственно-ментальное переживание субъективного времени, демонстрирующее индивидуально-ментальные образы индивида с ОВ и его внутренний опыт, как этапы индексации и оценки в индивидуальном сознании всего комплекса переживаний социальных процессов и событий.

В подобных ситуациях индивид воспринимает комплексы таких процессов и событий посредством проживания и переживания темпорально-упорядоченного развития включающего общества. Характеристики внутренне-определенной темпоральности индивида соотносятся с преобразованиями в самой структуре социума с позиции темпоральной координации. Подобные трансформации включающего общества связаны с его нестабильностью, что, впрочем, активизирует проективно-мыслительную рациональную деятельность людей с ОВ. Механизмы и направленность целерациональной деятельности дают возможность определения реальных перспектив совершенствования жизнедеятельности и условий существования индивидов с ОВ в специальной социальной группе. При этом осуществляется адаптация индивида к комплексу взаимосвязей и взаимодействий во включающем обществе. Отметим, что темпоральная координация соотносится с интересубъективностью, причем интересубъективность вызывает реальный исследовательский интерес относительно рассмотрения дискурсивно-диалоговых аспектов ценностной и рациональной субъективности человека.

Именно субъективное время определяет стратегии (иногда – альтернативные) моделирования и конструирования рациональных и ценностных аспектов жизнедеятельности индивида с ограниченными возможностями. Субъективное время является базовым компонентом формирования системы чувственно-ментальных образов, индивидуально определенных смыслов и значений повседневного сознания индивидов с ОВ. Сценарии становления особых групп людей с ограниченными возможностями достаточно многообразны. Между тем, интенсивность такого становления значительно возрастает в периодах социальных трансформаций, в которых индивиды с ОВ поднимаются на новые уровни индивидуального и социального бытия в контексте темпоральной координации и внутреннего опыта человека. В этой связи корреляция темпоральной координации и интересубъективности реализуется в длительном «вживании» индивида с ограниченными возможностями в пространство специальной социальной группы. Отметим, что человек с ОВ весьма сложно и неоднозначно воспринимает и отражает повседневность общества включающего, что затрудняет аккумуляцию его правил поведения и стереотипов.

В русле современной литературы правомерно выделить несколько направлений представления включающего социума с позиции сочетания феноменологии и социальной прагматики. Например, представители феноменолого-деятельностной позиции выступают за проведение радикальной коррекции в отношении традиционного социума к человеку с ограниченными возможностями, особенно в сегментах социально-темпоральной адаптации и профессионального образования. Концепция социально-ориентированного действия определила базисные основания теории инклюзивного общества Р. Сли [16].

Используя основные идеи темпоральной координации как формы проявления субъективного времени, Р. Сли предложил модель социального поведения, позволяющую идентифицировать

людей с ОВ без обращения к специфике их профессионально-ориентированной деятельности, чтобы избежать проявления какой-либо социальной дискриминации по отношению к ним. Основные понятия предложенной модели – это «нарушение», отражающее комплекс негативных социально-психологических, психических или физиологических параметров индивидов с ОВ, и «неспособность» – выступающая как социальная индукция, показывающая отношение индивида с ОВ ко всему спектру жизнедеятельности обычных людей в социуме. Во включающем социуме отсутствует конфликт, связанный с содержательным наполнением этих понятий. Работа в этом направлении подразумевает выход на особенности представления индивидуального бытия с позиции темпоральной координации.

Однако Р. Сли только обозначил подобную проблему, что достаточно осложнило рассмотрение смысловых и оценочных моментов «вхождения» человека в специальную группу индивидов с ограниченными возможностями. Идеи Р. Сли в современной философской литературе трансформировались в обсуждение вопросов корреляции профессионально-интегрированного социума с социумом включающим. Профессионально-ориентированный социум является своеобразным результатом синтеза и ассимиляции коммуникационно-профессиональных связей и взаимозависимостей традиционного и включающего общества.

В концепции темпоральной координации Дж. Холла внимание акцентируется на ряде противоречивых моментов, характеризующих корреляцию профессиональных ценностей традиционного общества и людей с ограниченными возможностями [15]. В целом, поддерживая попытки полного вовлечения индивидов с ограниченными возможностями в систему образования социума, Дж. Холл справедливо обращает внимание на возможность частичной потери человеком с ОВ некоторых собственных уникально-профессиональных ценностей. Подобная ситуация возникает тогда, когда про-

исходит процесс темпорального «вживания» индивида в образовательную среду социума. При этом он утверждает, что профессиональные ценности локальной культуры людей с ограниченными возможностями получают вектор позитивного развития в условиях, когда человек с ОВ осваивает профессиональное образование вместе с другими людьми. Конечно, существует определенная опасность, что индивиды с ОВ могут получить ощущение дискомфорта или дискриминации, однако преодоление подобных негативных ситуаций во многом определяется общей стратегией отношения государства к людям с ограниченными возможностями и инвалидам.

Заключение. Использование темпоральной координации позволяет определить область дискурсивно-диалоговых моментов взаимодействия индивидов. Комплексная интерпретация темпоральной координации связана с индивидуально-психологическими параметрами жизнедеятельности людей в мире повседневности включающего общества. В рамках темпоральной координации реализуется переход от интересующихся взаимодействий в обществе инклюзии к непосредственному социальному партнерству индивидов с ограниченными возможностями.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Москва, Россия: Акад. Проект, 2009. 538 с.
4. Научные исследования: информация, анализ, прогноз // Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И.,

- Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
5. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3–2. С. 315–318.
 6. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
 7. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 86–90.
 8. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–25. С. 5730–5733.
 9. Попов В.В., Щеглов Б.С., Степанищев С.А. Особенности корреляции социального времени и социального действия // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–4. С. 868–871.
 10. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог. 2007. 124 с.
 11. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // Философия права. 2015. № 1 (68). С. 25–29.
 12. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 7–8 (15–16). С. 39–45.
 13. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373–375.
 14. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.
 15. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? // Journal of Disability Policy Studies. 2016. № 13 (3). P. 144–152.
 16. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda // International Studies in Sociology of Education. 2016. № 18 (2). P. 99–116.

THE FACTOR OF TEMPORAL COORDINATION IN THE SYSTEM OF INTERSUBJECTIVITY OF INDIVIDUALS IN AN INCLUSIVE SOCIETY

Dzyuba L.M.

Rostov State Economic University (RINH)

Temporal coordination is considered as a reflection of the complex experience of an individual with limited possibilities of subjective time in a special social group. It is shown that the phenomenological consideration of temporal coordination in the world of everyday life of an inclusive society is a kind of interpretation by individuals of their own individual existence. It is demonstrated that the concept of temporal coordination acts as an individual essential characteristic of individual consciousness in relation to the collective consciousness of people with disabilities. Situations are identified that reflect various stages of the formation of a group of people with disabilities, in which temporal coordination is based on the activity-situational and motivational-psychological aspects of subjective time. It is shown that temporal coordination is transformed into a self-mental experience of subjective time, demonstrating individual mental images of an individual with disabilities and his inner experience as stages of indexing and evaluating in the individual consciousness the entire complex of experiences of social processes and events. It is postulated that the mechanisms and direction of purposeful rational activity make it possible to determine the real prospects for improving the life and living conditions of individu-

als with disabilities in a special social group. It is noted that subjective time is the basic component of the formation of a system of sensory-mental images, individually defined meanings and meanings of the everyday consciousness of individuals.

Keywords: subjective time, temporal coordination, intersubjectivity, including society, individual consciousness, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // *Fundamental research*. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// *Inclusive Education: Continuity and Continuity*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
3. Husserl E. Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Moscow, Russia: Acad. Project, 2009. 538 p.
4. Scientific research: information, analysis, forecast // Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
5. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
6. Popov V.V., Muzyka O.A., Dziuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of human subjective reality // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). pp. 419–421.
7. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science// *Philosophy of Law*. 2012. No. 5 (54). pp. 86–90.
8. Popov V.V., Agafonova T.P. Specifics of the temporality of the legal consciousness of a social subject // *Fundamental Research*. 2015. No. 2–25. pp. 5730–5733.
9. Popov V.V., Shcheglov B.S., Stepanishev S.A. Features of the correlation of social time and social action // *Fundamental research*. 2015. No. 2–4. pp. 868–871.
10. Popov V.V., Samoilova I.N., Shcheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. *Taganrog*. 2007. 124 p.
11. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // *Philosophy of Law*. 2015. No. 1 (68). pp. 25–29.
12. Popov V.V., Chalenko M.V. Specifics of transitional states of modern Russian society//*Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia – 2011 – No. 7–8 (15–16) – P. 39–45*.
13. Popov V.V., Muzyka O.A., Maksimova S.I. Alternative studies in the context of social development // *Eurasian legal journal*. 2017. No. 4 (107). pp. 373–375.
14. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / *Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph*. M.: MGPPU, 2013. S. 25–38.
15. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? // *Journal of Disability Policy Studies*. 2016. No. 13 (3). R. 144–152.
16. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda // *International Studies in Sociology of Education*. 2016. No. 18 (2). R. 99–116.

Особенности корреляции интересубъективности и темпоральной координации в контексте субъективного времени индивидов во включающем обществе

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» – Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
E-mail: vitl_2002@list.ru

и кроме того – как социальный институт, оказывающий влияние на трансформационные процессы включающего социума.

Ключевые слова: интересубъективность, темпоральная координация, включающее общество, мир повседневности, интенциональность, ограниченные возможности (ОВ).

Рассматривается проблематика, связанная с рассмотрением специфики проявления форм интересубъективности как базовой характеристики субъективного времени индивидов с ограниченными возможностями. Показывается, что теоретической основой феноменологического подхода к исследованию субъективного времени индивида выступают категории «интерсубъективность» и «мир повседневности». Демонстрируется, что в рамках интересубъективности осуществляются преобразования и изменения, определяющие базовые установки и темпоральную интенциональность индивидов с ОВ в повседневности включающего общества. Постулируется, что темпоральная координация позволяет индивиду адекватно представить и признать налично-собственный опыт других индивидов в направлении конструирования совместно-коллективного опыта специальной группы людей с ОВ. Отмечается, что темпоральная координация является одним из значимых проявлений интересубъективности, синхронизирующим жизнедеятельность индивидов во включающем обществе. Показывается, что в повседневном мире специальной социальной группы посредством темпоральной координации осуществляется переход от интересубъективности к реальному взаимодействию индивидов в сфере коллективного бытия общества включающего. Исследуются ситуации, в которых приоритетом культуры включающего общества выступает культура специальной социальной группы индивидов с ограниченными возможностями. Сущность и специфика подобных ситуаций связывается с конструированием социальных групп, ассимилирующих культурные стереотипы и традиции людей, представляющих различные социальные и социально-профессиональные группы. Культурные стереотипы повседневной реальности проявляются как регуляторы поля интересубъективности группы людей с ОВ,

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515 (<https://rscf.ru/project/22-28-00515/>) в Ростовском государственном экономическом университете, в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение. В современных философских и педагогических исследованиях достаточно интенсивно разрабатывается проблематика, касающаяся теоретических аспектов формирования включающего общества, что отражается в появлении фундаментальных работ, направленных на конструирование систематических представлений об обществе инклюзии. Поэтому особую значимость приобретают вопросы концептуально-семантического характера. Одним из подсобных вопросов является рассмотрение специфики проявления форм intersубъективности как базовой характеристики субъективного времени индивидов с ограниченными возможностями (ОВ).

Основная часть. В рамках современной социальной философии институализируются разнообразные подходы к изучению социальных процессов и феноменов. При этом теоретической основой феноменологического подхода к исследованию субъективного времени индивида выступают категории «intersубъективность» и «мир повседневности». Intersубъективность рассматривается в широком контексте конституирования познающим субъектом других субъектов как сознательных объектов посредством интенциональности, используя внутренний опыт интерпретации и осмысления человеком собственного индивидуального бытия.

Каждый индивид с ограниченными возможностями зависит от повседневного intersубъективного мира. В рамках intersубъективности осуществляются преобразования и изменения, определяющие базовые установки и темпоральную интенциональность индивидов с ОВ в повседневности включающего общества. Причем intersубъективность становится зависимой от ценностей и установок мира повседневности. Отметим, что мир повседневности включающего общества отличается преданным характером, то есть индивид с ограниченными возможностями, находясь в социальном пространстве собственной жизнедеятельности, воспринимает ценности, смыслы и нормы имманентно присущие его индивидуально-повседневной реаль-

ности. Значимым параметром повседневного мира выступает его целостность. Любое деструктивное изменение целостности (внутренние противоречия, разрушающие мир повседневности) обычно воспринимается индивидом с ОВ весьма болезненно. Сама нормативность человеческой «повседневной-домашней» индивидуальной реальности аккумулирует опыт истории многих поколений.

Концепт intersубъективности дает возможность представить включающее общество как определенный вид сообщества (специальную социальную группу) с позиции истолкования мира повседневности. Данный концепт инициирует использование идеи темпоральной координации в контексте исследования сферы субъективного времени человека с ограниченными возможностями. Темпоральная координация позволяет индивиду адекватно представить и признать налично-собственный опыт других индивидов в направлении конструирования совместно-коллективного опыта специальной группы людей с ОВ. Поэтому, темпоральная координация является одним из значимых проявлений intersубъективности, синхронизирующим жизнедеятельность индивидов во включающем обществе. При этом усложнение коммуникационных связей и взаимодействий в социальной группе увеличивает количество «режимов» темпоральной координации. Комплексная координация оптимизирует функционирование социальной группы индивидов с ОВ, хотя в современной реальности человек вовлечен в различные сообщества и поэтому правомерно выделить разнообразные ритмы и темпоральные горизонты его скоординированной жизнедеятельности.

Достаточно значимые в теоретико-методологическом плане идеи, касающиеся социально-прагматического и феноменологического-конструктивного подходов к механизмам проявления субъективного времени индивидов во включающем обществе, продемонстрировал Д. Йенкенсон [15]. Приоритетом выступает культура специальной социальной

группы индивидов с ОВ, которая в русле интересубъективности реального взаимодействия в группе постоянно испытывает определенное дискриминационное воздействие со стороны традиционной культуры. Отметим, что с позиции темпоральной координации культура представляется инструментом определенного социально-профессионального доминирования, способствующего формированию сегмента «Я-Другой» и отражающего идеи профессиональной иерархии в специальных и традиционных социальных группах.

Сущность и специфика подобного подхода связана с конструированием общества включающего, в котором ассимилированы культурные стереотипы и традиции людей, представляющих различные социальные и социально-профессиональные группы. Культурные стереотипы повседневной реальности проявляются как регуляторы поля интересубъективности группы людей с ОВ, и кроме того – как социальный институт, оказывающий влияние на трансформационные процессы включающего социума. Данная теория Д. Йенкенсон демонстрирует ориентацию на возможный диалог в социальном пространстве группы людей с ОВ, что позволяет проводить локальные воздействия на политику государства в социально-профессиональной сфере через специальные социальные группы, основываясь на общественном мнении и традиционных ценностях. То есть, отмечается осознанная социально-ориентированная направленность деятельности государственной власти относительно механизмов функционирования и самого существования включающего социума. Конструктивизм подобной социально-прагматической концепции связан с тем, что понятия «ограниченные возможности», «инвалидность», «неспособность» и др. рассматриваются как следствие и результат становления общества включающего.

В концепции Г. Иттерстад интересубъективности во включающем обществе исследуется в контексте соотношения профессионального образования и приспособленного об-

разования как сегмента становления профессионально-ориентированного бытия индивида с ограниченными возможностями [5]. Методы профессионального образования конструируются в зависимости от форм и механизмов помощи людям с ОВ максимально безболезненно принять и усвоить базовые образовательные-традиционные ценности. Это способствует вовлечению индивидов с ОВ в поле социально-образовательного диалога, учитывая особенности темпорального переживания ими как собственной жизнедеятельности, так и реальной интересубъективности обычных людей в рамках темпоральной координации.

Подобный подход к инклюзивному обществу правомерно постулировать как социальную и педагогическую платформу политики и практики традиционного общества. Конечно, возникают определенные противоречия в интерпретации инклюзивной практики в образовательной сфере, что ведет к неоднозначному пониманию качества образования во включающем социуме. Отметим, что высокий уровень качества профессионально-ориентированного образования, до некоторой степени, нивелирует введение особых образовательных технологий для индивидов с ограниченными возможностями.

Феноменологическое использование основных параметров субъективного времени с позиции корреляции темпоральной координации и интересубъективности предполагает формирование своеобразного мира повседневности индивидов с ОВ. В повседневном мире специальной социальной группы посредством темпоральной координации осуществляется переход от интересубъективности к реальному взаимодействию индивидов в сфере коллективного бытия общества включающего. Подобный переход связан с постулированием уникальности конструктивно-избирательных особенностей и предпочтений мотивационно-рациональной деятельности в сознании индивида с акцентом на характеристику интенциональности темпоральной координации в чувственном опыте.

Заключение. Интерсубъективность является инструментально-прагматическим понятием феноменологических представлений о субъективном времени. Такое понятие значимо и достаточно полезно при рассмотрении различных коммуникационных аспектов социального партнерства внутри специальной группы индивидов с ограниченными возможностями. Выделение темпоральной координации как формы интерсубъективности предполагает изучение индивидуальных комплексов переживаний налично-уникальной бытийности людей с ОВ в пространстве субъективного времени.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Аверина Н.В., Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // *Философия права*. 2010. № 5 (42). С. 81–84.
3. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству // *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва: МГППУ, 2019. С. 16–20.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Москва, Россия: Акад. Проект, 2009. 538 с.
5. Иттерстад, Г. Инклюзия – что означает это понятие и с какими проблемами сталкивается норвежская школа, претворяя его в жизнь? // *Психологическая наука и образование*. 2015. № 3. С. 41–49.
6. Научные исследования: информация, анализ, прогноз // Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
7. Научные исследования: информация, анализ, прогноз // Кравчук П.Ф., Попов В.В., Лыгина Н.И., Копылов В.И., Кириков О.И., Коровин С.С., Рындак В.Г., Усенко Н.И., Лазарева В.А., Нохрина Н.Н., Семенченко И.В., Щеглов Б.С., Петрушенко С.А., Гриценко Н.В., Иванова Р.П., Корнажевская Л.А., Симонова Г.И., Скляров И.Ю., Соколова Е.Н., Ковелина Т.А. и др. Воронеж, 2003. Том 1. 322 с.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 4 (107). С. 419–421.
9. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 19–22.
10. Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н. Случайность в системе динамических категорий // *Философия права*. 2015. № 1 (68). С. 25–29.
11. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // *Социально-гуманитарный вестник Юга России*. 2011- № 7–8 (15–16)- С. 39–45.
12. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5743–5747.
13. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты // *Международный журнал экспериментального образования*. 2014. № 8–2. С. 42–46.
14. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические про-

блемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.

15. Jenkinson, J. Who Shall Decide? The Relevance of Theory and Research to Decision-making by People with an Intellectual Disability // *Disability, Handicap and Society*. 2016. № 8 (4). P. 361–375.

FEATURES OF CORRELATION OF INTERSUBJECTIVITY AND TEMPORAL COORDINATION IN THE CONTEXT OF SUBJECTIVE TIME OF INDIVIDUALS IN AN INCLUSIVE SOCIETY

Попов В.В.

Rostov State Economic University (RINH)

The issues related to the consideration of the specifics of the manifestation of forms of intersubjectivity as a basic characteristic of the subjective time of individuals with disabilities are considered. It is shown that the categories of “intersubjectivity” and “everyday world” are the theoretical basis of the phenomenological approach to the study of the subjective time of an individual. It is shown that within the framework of intersubjectivity, transformations and changes are carried out that determine the basic attitudes and temporal intentionality of individuals with disabilities in the everyday life of an inclusive society. It is postulated that temporal coordination allows an individual to adequately represent and recognize the actual-own experience of other individuals in the direction of constructing a joint-collective experience of a special group of people with disabilities. It is noted that temporal coordination is one of the significant manifestations of intersubjectivity, synchronizing the life of individuals in an inclusive society. It is shown that in the everyday world of a special social group, through temporal coordination, a transition is made from intersubjective interaction to a real social partnership of individuals in the sphere of collective existence of an inclusive society. Situations are investigated in which the priority of the culture of the inclusive society is the culture of a special social group of individuals with disabilities. The essence and specificity of such situations is associated with the construction of social groups that assimilate cultural stereotypes and traditions of people representing various social and socio-professional groups. Cultural stereotypes of everyday reality manifest themselves as regulators of the field of intersubjectivity of a group of people with disabili-

ties, and in addition – as a social institution that influences the transformation processes of the inclusive society.

Keywords: intersubjectivity, temporal coordination, including society, the world of everyday life, intentionality, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // *Fundamental research*. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Averina N.V., Popov V.V. The concept of the past in the context of the historical process // *Philosophy of Law*. 2010. No. 5 (42). pp. 81–84.
3. Vachkov I.V. Polysubject Approach to Inclusive Space// *Inclusive Education: Continuity and Continuity*. Moscow: MGPPU, 2019. P. 16–20.
4. Husserl E. Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy. Moscow, Russia: Acad. Project, 2009. 538 p.
5. Itterstad, G. Inclusion – what does this concept mean and what problems does the Norwegian school face in implementing it? // *Psychological science and education*. 2015. No. 3. S. 41–49.
6. Scientific research: information, analysis, forecast // Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
7. Scientific research: information, analysis, forecast // Kravchuk P.F., Popov V.V., Lygina N.I., Kopylov V.I., Kirikov O.I., Korovin S.S., Ryndak V.G., Usenko N.I., Lazareva V. .A., Nokhrina N.N., Semenchenko I.V., Shcheglov B.S., Petrushenko S.A., Gritsenko N.V., Ivanova R.P., Kornazhevskaya L.A., Simonova G.I. ., Sklyarov I. Yu., Sokolova E.N., Kovelina T.A. and others. Voronezh, 2003. Volume 1. 322 p.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context

- of human subjective reality // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). pp. 419–421.
9. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // Society: philosophy, history, culture. 2016. No. 11. S. 19–22.
 10. Popov V.V., Shcheglov B.S., Usatova Yu.N. Randomness in the system of dynamic categories // Philosophy of Law. 2015. No. 1 (68). pp. 25–29.
 11. Popov V.V., Chalenko M.V. Specifics of transitional states of modern Russian society // Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia – 2011 – No. 7–8 (15–16) – P. 39–45.
 12. Popov V.V., Timofeenko V.A. Methodological features of the transit period in the catch-up state // Fundamental research. 2015. No. 2–25. pp. 5743–5747.
 13. Popov V.V., Loitarenko M.V., Taranova V.A. Social Contradictions and Transitional Periods: Philosophical and Methodological Aspects // International Journal of Experimental Education. 2014. No. 8–2. pp. 42–46.
 14. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph. M.: MGPPU, 2013. S. 25–38.
 15. Jenkinson, J. Who Shall Decide? The Relevance of Theory and Research to Decision-making by People with an Intellectual Disability // Disability, Handicap and Society. 2016. No. 8 (4). P. 361–375.

Парадигмы символов и символических пространств в современных социальных практиках

Латышева Наталия Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента, Российский университет транспорта (МИИТ-РОАТ)
E-mail: nalat59@mail.ru

В статье раскрывается проблема парадигм символов в современных социальных практиках с учетом процессов глобализации, конфликтов, социальной нестабильности. «Эпоха перемен» накладывает свой отпечаток на очень многие существующие модулы людей, очень часто трансформируя их далеко не в лучшую сторону. Устоявшиеся формы бытия человека нашли отражение в определенной символическо-знаковой системе, чьи реалии особенно выразительно интерпретируются через коммуникационные структуры. Человеческие взаимодействия в самых разных ипостасях формируют «культурный скелет», образуя новые смыслы и транспортируя их посредством символов. Этот мир сплачивает людей в определенные общности, которые во многом интегрированы благодаря символическо-смысловым конструкциям и воспроизводятся через них.

В истории человечества сформировалось несколько парадигм символов. Крайними из них являются парадигма онтологического символа и парадигма меонического (пустого) символа. В первой парадигме символы играли роль консолидации социальных систем, обобщения духовного и социального опыта, они являлись проводниками к бытию и средствами выражения бытия. Во второй парадигме символы утрачивают свою онтологичность, становятся симулякрами и фейками, а в рамках социальных практик используются как средство разрушения, манипуляции. Запад в реализации своей модели глобализации использует вторую парадигму символа. Первая парадигма символа является элементом системы защиты против агрессии Запада, его технологий нестабильности и проекта глобализации.

Ключевые слова: символ, парадигмы символов, бытие, небытие, онтология, симулякр, фейк.

В философском категориальном арсенале есть два базовых понятия: бытие и небытие. Они образуют основу и проблемное поле онтологии как раздела в структуре философского знания. Бытие согласуется с понятийным рядом, в состав которого входят категории истина, жизнь, вечность, совершенство, единство, космос и т.п. Небытие также согласуется с аналогичным понятийным рядом: ложь, смерть, временность, деградация, распад, хаос и т.п. Эти понятийные ряды в конечном итоге образуют самостоятельные парадигмы мира, картины мира, сопрягаются с соответствующими фазами культурно-исторического развития народов, государств, цивилизаций. Эти понятийные ряды имеют свои символы. Первоначально данное понятие возникло в Древней Греции и выполняло функцию опознавательного знака и функцию соединения, сравнения: греческое «symbolon» семантически обозначает знак, опознавательную примету, а слово «symballo» – соединяю, сталкиваю, сравниваю). В Древней Греции символ «σύμβολοι» – это разломанный предмет, половинки которого хранились в доказательство заключенного союза участниками договора, соглашения. Роль символа мог выполнять разломанный предмет, часть которого при расставании оставляли при себе, а другую отдавали партнеру. Очень интересна и выразительна идея Мирового дерева у Топорова В.Н. в [7], который трактовал ее через проблему соотношения ритуала и мифа и отображение их в соответствующих космологических символах.

Мировое дерево (или «космическое» древо) является своеобразным символом мифопоэтического ряда, воплощающего универсальную концепцию мира. Этот символ нашел отражение в таких архетипических словосочетаниях как: «древо жизни», «древо центра», «небесное древо», «шаманское древо», «древо познания» и он воспроизводится через

изобразительное искусство, мифологию и светскую письменность, многих памятниках культуры. Можно сказать, что мировое дерево моделирует наш окружающий мир и факты этого мира, запечатлеваясь в символических рядах общечеловеческого сознания.

Символ постепенно превратился в свидетеля союза видимого и невидимого. Он стал свидетелем явленности бытия в сущем, в наличной реальности.

В современной философии символ – это понятие, которое фиксирует «способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать (в контексте социокультурных аксиологических шкал) идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия». [4, с. 919.]

С.А. Азаренко отмечает, что суть символа – сводить воедино, служа выражению глубинного содержания сводимых сторон одного через другого, что многосмысловая структура символа способствует полноте схватывания мира, а также активной внутренней работе воспринимающего». [1, с. 780.] Символ может выразить собою всю полноту как отдельной вещи, события, так и мира целиком. Таковы идеографические системы письменности, «в которых каждый знак выражает собой определенное понятие, конкретное или отвлеченное, но зависящее не от словесного обозначения данного графического образа, но от системы психологических ассоциаций, связывающих этот образ с определенной идеей». [9, с. 566. (С. 564–590)] Символ – концентрированное выражение мировоззрения, культуры, цивилизации.

Плотин противопоставлял знаковой системе алфавита целостную и неразложимую образность египетского иероглифа. Прокл указывает на несводимость смысла мифологической символики к логическому или моралистическому содержанию. В христианстве символ приобретает статус выражать невидимую и сокровенную сущность Бога, реалии сверхчувственного духовного мира и приобретает аналогичную функцию. Поэтому символ онтологичен. В свято-

теческой традиции и у исихастов сформировался символический реализм. [2, С. 240] Символический реализм сопрягается с внутренним очищением, «онтологическим катарсисом» ума и души. [2, С. 262]

Архимандрит Керн (Киприан) отмечал, что для сторонников символического реализма мир явлений, внешняя природа, самый человек являются прозрачной оболочкой иного мира, отражением иных непреходящих реальностей. [2, С. 326.] «За оболочкой вещей этого мира Ареопагитики видят иную действительность. Вещи суть отпечатки, иного мира. Небесное, божественное говорит с нами языком этих видимых символов». [2, С. 329.]

Схожее писал и русский философ В.С. Соловьев в 1895 году в своем стихотворении:

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Эта же тема изложена Платоном в мифе о пещере, а Ф.М. Достоевским показана в фантастическом рассказе «Сон смешного человека».

Символический язык Библии раскрывает смысловую структуру мира, трансцендентную сущность Бога и замысел божий о человека. Григорий Паламы символический реализм использовал для раскрытия состава человека, образа и подобия Божия в нем и практического осуществления теозиса – практического обожения человеческой природы во Христе. [2, С. 263–264]

Основная онтологическая характеристика символа – быть тем, что или кого он символизирует, т.е. выражает, представляет, показывает. [8, С. 50–51.] Символы – это лики бытия в феноменальном мире, факты действительности и событийности. Символ есть выражение опыта: духовного, метафизического, бытийного (т.е. онтологического). Онтологический символ есть откровение бы-

тия. Символы данного рода – окна в вечность.[8, С. 59–62.]

Исследуя творческое наследие Максима Исповедника Архимандрит Керн (Киприан) приводит слова: «...Тот, кто смотрит на каждое материальное явление нечувственным зрением, но рассматривает каждый из видимых символов духовными очами, тот научается скрытому в каждом из символов боготворящему логосу и в логосе находит Бога... Точно также тот, кто воспринимает природу видимого мира не одними только чувствами, но мудро и духовно, тот, исследуя в каждой твари ее логос, находит Бога, научаясь от созерцания предлежащего величия существ, Причине самих этих существ». [2, С. 331] В рамках данной традиции символического реализма находится и творчество Ф.М. Достоевского. «...Самая подходящая эстетическая категория для определения метода Достоевского – это символизм. Как сказал Толстой, Достоевский – это борьба. И действительно, сколько уже копий переломано на поле брани защитниками и противниками идеи реализма как творческого метода писателя. Как ни пытаемся определить специфику его творчества через поэтику реализма, а воз и ныне там, мы не можем понять его природу. Не попытаться ли нам сделать это иначе, оперируя бахтинским понятием карнавализации и герметизмом как отображением дуалистической идеи борьбы добра и зла. Карнавализация как важнейший элемент поэтики Достоевского восходит к символике фольклора, к народной христианской культуре, а герметизм – к дуалистической традиции и связанными с ней религиозной демонологией и апокалиптическими мотивами и символикой...» [3]

Символ носит диалогический характер и противостоит как «методологии чувствования», т.е. субъективизму, так и «методологии окончательного истолкования», т.е. объективизму. Символ предполагает связь видимого и невидимого, чувственного и сверхчувственного, физического и метафизического, своего и чужого. Символ – это способ архивации знания и опыта, мгновенной передачи сущностной информации.[7]

Но для этого человек должен обладать определенной символической грамотностью, владеть семантикой символа: если человек не понимает символики дорожных знаков, то его никто не выпустит на дорогу в качестве водителя, а если он на ней все же окажется каким-то образом, то станет источником угрозы жизни как своей, так и чужой. В этом отношении на ум приходит образ слуги Чичикова – Петрушки из поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», который «...Имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно всё равно, походжение ли влюблённого героя, просто букварь или молитвенник, – он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от неё не отказался. Ему нравилось не то, о чём читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чёрт знает что и значит». [5, С. 20.]

Однако уже в древности сформировался своеобразный меонический символизм: символы не выводили человека к подлинному бытию, а замыкали его в своеобразную ловушку дурной бесконечности неподлинного существования. Но за этими структурами, как правило находится чья-то воля, воля определенного манипулятора.

Такова, например, природа языческих культов с их символизацией матери-природы и её циклов и выйти за пределы этих циклов человека в рамках языческого миропонимания не способен: из земли ты вышел, в землю ты и вернешься. Дурная бесконечность язычества с его культом природы и локальных гениев места воплощается в образе бесконечной цикличности: весна, лето, осень, зима; родился – умер. Эта же тема представлена в образе «Трёх граций» античной культуры, за которой скрывается символически цикличность Луны и связанных с этой цикличностью процессов на земле. «Четвертая грация»/фаза луны невидима и незрима, но именно она и воплощает скрытую функцию земли и при-

роды – смерть и поглощениерожденного земель. Земля и культ природы амбивалентны, двойственны: жизнь и смерть кружатся в водовороте являя собой некую поврежденность всего мира, которая (поврежденность мира) в современной науке выращена Вторым законом термодинамики и процессами энтропии.

Эта цикличность представлена в образе колеса сансары в индуизме. И как бы не восторгались сторонники идеи перевоплощения, сансара – символ и выражение дурной бесконечности. Уже Будда отрицает саму идею перевоплощения, видя в ней, как практике, воспроизводства страдания человека и мира. Нирвана – это трансцендирование/выход из омута сансары – отрицательное решение в силу того, что и самый мир в буддийской оптике рассматривается как майя, иллюзия, сон и симуляция. Будда – это пробужденный ото сна. С пробуждения начинается первая часть фильма «Матрица», когда к главному герою обращаются через надпись на экране монитора: «Нео, проснись!». Символы меонического характера, наоборот, погружают человека в сон, в неподлинную реальность. А методологической основой этих практик является знаменитый тезис софистов о том, что всё субъективно и объективной реальности не существует. Именно в силу реализации данной установки в условиях постмодернизма расхожими стали фразы: «я так вижу», «как бы...» и им подобные.

Схожая практика формируется в эпоху Ренессанса, которая по своему характеру и лежащих в её основах практиках, является воплощением неоязычества и его циклических кругов. Ф. Ницше это коловращение назвал «Мифом о вечном возвращении». Й.П. Кулиану этот аспект отразил в своей работе «Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1984» [6] в которой показал власть мага как великого манипулятора. Маг и софист – это культурно-исторические и антропологические типы, которые воплощают свою власть посредством меонических символов, образов при помощи которых идет захват внимания, воли и сознания других людей.

Примером меонических символов в современном искусстве структуры типа бриколажей по принципу «Я тебя слепила из того, что было, а потом и полюбила...». Но наиболее ярким выражением меонического символического пространства является проект Метавселенной М. Цукерберга. Переселение в эту симулятивную реальность окончательно отрывает человека от реальности мира. Современный человек уже не восторгается вслед за И. Кантом звездным небом над своей, ибо целиком является погруженным в виртуальное пространство собственного гаджета.

Таким образом, современный человек как Витязь на распутье в картине Верещагина оказывается на перекрестке в выборе символических пространств: в одном открывается вечность подлинного бытия в Боге и любви с близкими своими; во втором – вечное забвение.

Литература

1. Азаренко С.А. Символ // Современный философский словарь. – Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, М., Мн, 1998
2. Архимандрит Керн (Киприан). Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. 526 с.
3. Бертран Альмерия Л. Символизм Достоевского. Литературоведческий журнал, 2007./ <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-dostoevskogo>
4. Всемирная энциклопедия: Философия. – М., Мн., 2001.
5. Гоголь Н.В. Мёртвые души // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 5: Мертвые души. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. –680 с.
6. Кулиану Й.П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1984. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. 592 с.
7. Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 448 с.
8. Флоренский П.А. Иконостас. – М.: 2001. – С. 50–51.

9. Флоренский П.А. Symbolarium // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 564–590.

PARADIGMS OF SYMBOLS AND SYMBOLIC SPACES IN MODERN SOCIAL PRACTICES

Latysheva N.A.

Russian University of Transport

This article reveals the problem of symbol paradigms in modern social practices, taking into account the processes of globalization, conflicts, social instability. The “era of change” leaves its mark on so many existing modes of people, very often transforming them far from for the better. The established forms of human existence are reflected in a certain symbolic-sign system, whose realities are especially expressively interpreted through communication structures. Human interactions in various forms form a “cultural skeleton”, forming new meanings and transposing them through symbols. This world unites people into certain communities, which are largely integrated thanks to symbolic and semantic constructions and are reproduced through them.

In the history of mankind, several paradigms of symbols have been formed. The extreme ones are the ontological symbol paradigm and the meonic (empty) symbol paradigm. In the first paradigm, symbols played the role of consolidating social systems, generalizing spiritual and social experience, they were guides to being and means of expressing being.

In the second paradigm, symbols lose their ontology, become simulacra and fakes, and are used as a means of destruction and manipu-

lation within the framework of social practices. The West, in implementing its model of globalization, uses the second paradigm of the symbol. The first paradigm of the symbol is an element of the system of protection against the aggression of the West, its technologies of instability and the project of globalization.

Keywords: symbol, symbol paradigms, being, non-being, ontology, simulacrum, fake.

References

1. Azarenka S.A. Symbol // Modern Philosophical Dictionary. – London, Frankfurt am Main, Paris, Luxembourg, M., Mn, 1998
2. Archimandrite Kern (Cyprian). Anthropology of St. Gregory Palamas. M.: Palomnik, 1996. 526 p.
3. Bertrand Almeria L. Symbolism of Dostoevsky. Literary journal, 2007./ <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-dostoevskogo>
4. World Encyclopedia: Philosophy. – M., Mn., 2001.
5. Gogol N.V. Dead souls // Gogol N.V. Complete collection of works and letters: in 17 vols. Vol. 5: Dead souls. – M.: Publishing house of the Moscow Patriarchate, 2009. –680 p.
6. Kulianu Y.P. Eros and Magic in the Renaissance. 1984. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2017. 592 p.
7. Toporov V.N. World Tree: Universal sign complexes. T. 1. – M.: Manuscript monuments of Ancient Russia, 2010. – 448 p.
8. Florensky P.A. Iconostasis. – M.: 2001. – S. 50–51.
9. Florensky P.A. Symbolarium // Florensky P.A. Works. In 4 volumes. T. 2. M.: Thought, 1996. S. 564–590.

Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы

Волков Юрий Григорьевич,

заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения ЮФУ, Южный федеральный университет, профессор Адыгейского государственного университета
E-mail: ugvolkov@sfnedu.ru

Курбатов Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский Социологический центр Российской Академии наук»
E-mail: kurbashy@list.ru

Ключевые слова: идентичность, идентификационные механизмы, самоидентичность, сложное общество, нелинейная социальная динамика, ролевой репертуар личности, гибридная идентичность, дискурсивные практики идентификации

В статье рассматриваются разные форматы концепта множественной идентичности, как единства разнообразия признаков с точки зрения различных концептуальных исследовательских подходов, при этом сам концепт множественной идентичности трактуется как формируемый на основе понятий, которые соответственно являются обобщением социальных практик механизмов идентификации в конкретных дисциплинарных исследованиях феномена множественной идентичности. Согласно этому концепт множественной идентичности трактуется как трансдисциплинарное метапонятие. Основными форматами феномена множественной идентичности являются изменение процесса идентификации в виде распада самоидентичности и формирования целостного образа своего собственного «Я» и перехода к децентрации субъекта в современном обществе со сложной социальной динамикой, в соответствии с чем, идентичность индивида является плюралистичной, перманентно трансформируемой, гибридной, не сводимой к одному ценностному основанию, производной от многих социокультурных практик, т.е. множественной. Объективными социальными основаниями множественной идентичности являются глобальная динамика развития социальной среды, в том числе глобальные миграционные процессы, развитие городской среды, являющейся социокультурной основой множественных идентификационных процессов, развитие информационного общества, в частности, развитие таких глобальных форм коммуникации и информационного взаимодействия, как социальные сети, расширение ролевого потенциала индивидов в множестве социокультурных практик.

Идентичность, будучи сложным, многозначным и многомерным понятием, в самом общем смысле представляет собой выражение самоопределения человеком своей самости, и образа самого себя, который индивид транслирует другим, и модели повседневного поведения, и способа существования. Оно формулируется и на индивидуальном, и на социальном уровне, а также является сложным по своей структуре и включает в себя много составляющих. Это связано с тем, что оно призвано отражать то, что индивид в обществе имеет много социальных связей и отношений. Сложилась различные конкретные достаточно многозначные дисциплинарные дискурсы относительно обоснования и изучения идентичности, в соответствии с чем идентичность индивида принято считать множественной. Свои коннотации понятие множественной идентичности умножает и углубляет благодаря конкретным дисциплинарным исследованиям в области психологии, социологии, культурологии других социальных и гуманитарных дисциплин.

Само понятие множественной идентичности, с точки зрения социально-психологического подхода, ввел Э. Эриксон, который в рамках теории эгопсихологии сформулировал понятие психосоциальной идентичности. Понятие идентичности выражалось в чувстве перманентной самостождественности, которое было основано на формировании личностью целостного образа своего собственного «Я». Этот образ является внутренне многозначным и неразрывно связан со всеми социальными связями и отношениями личности. Изменение этой целостности приводило на психическом уровне к утрате своей целостности и к раздвоению личности [1].

Развитие представлений о множественной идентичности осуществляется на основе конкретных дисциплинарных практик идентификации. Соответственно, в каждой дисциплинарной практике рассматриваются специфические множественные идентификационные механизмы, выражающиеся в анализе конкретной системы самоописаний и со-

циальной рефлексии, в характеристике самоопределений и самооценок, в выявлении самопрезентаций и самопредставлений, в изучении идентификационных дискурсов, в квалификации идентичности как нарратива и даже в представлении социальной сети как множественной идентификации.

Соответственно этому, в различных дисциплинарных исследованиях, формируются различные понятия множественной идентичности, имеющие достаточно разные смыслы. На наш взгляд, при генерализации понятия множественной идентичности, т.е. при рассмотрении данного концепта, возникает проблемное поле, в котором непростоми являются вопросы многозначности самого дискурса множественной идентичности, соотнесения дисциплинарных представлений о множественной идентичности, целостности индивидуального «Я» при подобной интерпретации идентичности, соотнесения различных подходов в трактовке множественной идентичности.

Исследования в области множественности идентичности продолжают, и они связаны не только с изучением вопроса о том, как описать или измерить принадлежность индивида к нескольким социальным группам и социальным общностям, охарактеризовать его социальное и гражданское состояние или место постоянного проживания и характер его ценностных ориентаций, что несомненно очень важно, но и с некоторыми вопросами, выходящими за пределы указанных параметрических черт. Учитывая обозначенные выше проблемы, эти исследования должны быть связаны и с вопросами, фундирующими сущность множественной идентичности индивида, а именно, с вопросами генерализации понятия множественной идентичности в соответствующем концептуальном проблемно-теоретическом дискурсе.

Концепт множественной идентичности формируется на основе понятий, которые соответственно являются обобщением дискурсивных практик идентификации в конкретных дисциплинарных исследованиях феномена множественной идентичности. Будучи метапоняти-

ем, концепт множественной идентичности, является трансдисциплинарным метапонятием. Соответственно, данный концепт проблематизируется множественностью конкретных дисциплинарных подходов, множественностью механизмов формирования идентичности, а также тем, что в современных социокультурных исследованиях множественная идентичность трактуется не как объект, а как процесс, в соответствие с чем исследуются проблемы противоречия между множественной, гибридной идентичностью и целостностью субъекта этого процесса, которая в реализации механизмов идентификации распадается на множественность фрагментарных процессов.

Указанные выше соображения говорят о том, что это требует прежде всего дискуссионного теоретического обсуждения, что на наш взгляд, является актуальной теоретической задачей.

В соответствии с этим, основной целью данной статьи является анализ разных форматов концепта множественной идентичности, как единства разнообразия признаков с точки зрения различных концептуальных исследовательских подходов.

Методологической основой статьи являются общетеоретические принципы системности, структурного функционализма, принципы феноменологии, принципы типологии, систематизации, определения и категоризации. Для экспликации целостности концепта множественной идентичности, базирующегося на основе соответствующих различных дисциплинарных понятий в разнообразных исследовательских подходах, применяется трансдисциплинарная методология, в соответствии с которой конкретные дисциплинарные и междисциплинарные методологические подходы, дающие локальные результаты в области социальной психологии, социологии, культурологии и социальной антропологии и других социальных и гуманитарных дисциплинах, проблематизируются и концептуализируются в концепте множественной идентичности в форме мета-понятия, обобщающего конкрет-

ные дисциплинарные экспликации этих понятий на новом уровне концептуального единства различных признаков множественной идентичности, выражающейся в индивидуально-личностных, социально-групповых и социально-массовых формах проявления.

Социокультурная среда, в которой существует индивид, особенно современная городская среда, как отметил еще У. Ханнерц, является гибридной или креолизированной. Индивид, населяющий указанную социальную среду, обладает соответственно гибридной или креолизированной идентичностью, в соответствии с чем имеет место объединение различных культурных практик и социальных норм, которые нельзя отнести исключительно к одному первоисточнику.

Такие исследователи городской среды, как Ж. Николаева и А. Троицкая, относительно идентичности подобного типа, называют дискурс гибридной или креолизированной идентичности своеобразным способом объяснения и осмысления социального пространства, социальной коммуникации и социального взаимодействия, а Х.Г. Тхапсагоев даже называет ее мерой современного социального бытия и навигатором индивидуального сознания индивида в социальном мире [2].

Согласно С. Гэйзер, множественная идентичность возникает в культурной городской среде как выражение взаимодействия различных культурных практик, обусловленных всеобщими процессами урбанизации. Свою роль в этом играет и глобализация, и такое ее проявление как превращение миграции в глобальный процесс. Так, множественная идентификация характерна для различных переселенцев, мигрантов, которые становятся бикультурными людьми, билингвами. В этом плане указанные выше глобальные процессы, а особенно городская среда дают широкое поле для формирования двойной и даже множественной идентичности, которые перекрывают традиционные сингулярные категоризации [3].

В различных дисциплинарных курсах идентичности речь идет об инди-

видуальности, целостности и единстве в самых разных контекстах, а именно, в этическом, этническом, историческом, антропологическом, социально-философском, социологическом и о разнovidностях идентичности индивидуальной и коллективной, национальной и гражданской, исторической, региональной, гендерной, сексуальной, культурной и т.п. Соответственно, в таких дискурсах идентичность трактуется как многозначная, многоплановая, многоуровневая, включающая в себя различные составляющие, элементы и слои.

Концепт множественной идентичности представляет собой объяснительную модель мира и человека в этом мире, характеризующую отношение к себе самому, к другим людям и к этому миру. Объективным основанием данного концепта является то, что каждый человек обладает самыми разными признаками, например, национальность и этничность, пол и возраст, род занятий и профессия, гражданское, политическая, социальная и даже сексуальная ориентация и т.д. Этот список можно продолжать и продолжать. Тем не менее, исследования в данной области продолжаются, и они связаны не только с изучением вопроса о том, как описать или измерить принадлежность индивида к нескольким социальным группам, охарактеризовать его социальное и гражданское состояние или место постоянного проживания, что несомненно очень важно, но и с некоторыми вопросами, выходящими за пределы указанных параметрических черт, например, с вопросами, фундирующими сущность множественности указанного индивида, множественности его социальных ролей материально-практического и информационного взаимодействия, множественности социальных проявлений его «Я» или даже множественности самого его «Я». А это задает проблему, которая требует прежде всего теоретического обсуждения.

Отечественные исследователи, в частности, А.А. Шевченко отмечают, что понимание множественной идентичности связано с легитимацией концепции множественной и реляционной иден-

тичности, а еще точнее, с концепцией децентрации субъекта [4]. В концептуальной ясности вопрос стоит очень просто: «Я» индивида, обладающего множественной идентичностью является целостным, единым или оно распадается на множество составляющих? В данном случае вопрос о природе множественной идентичности затрагивает проблемы философии и метафизики, а также вопросы социальной психологии и психологии личности.

Другой угол зрения на эту проблему, говорит о следующем: современный мир, как глобальный культурный контекст представляет собой процесс взаимовлияние различных культур, в соответствии с чем множественная идентичность есть по сути гибридная, в соответствии с чем, как пишут исследователи, такие как А.В. Багаева, М.А. Карелин, Дж. Баттилана, С. Дорадо, Дж. Питерсе и другие, квалифицируют как гибридную идентичность. По их мнению, это формирование новых идентификационных механизмов, основанных на формировании так называемого сложного общества, социальная динамика которого характеризуется нелинейностью и многофакторностью [5].

Экспликация концепта множественной идентичности в терминах гибридной идентичности задает целый пласт исследований, включающих в себя анализ взаимопроникновение культурных обычаев и социокультурных практик. С точки зрения психолого-лингвистического подхода механизмом идентификации становятся дискурсивные практики, позволяющие интерпретировать и переинтерпретировать события в рамках более успешной адаптации индивидов при встраивании людей в разные типы общностей: языковую, культурную, территориальную. Это, как пишет С.П. Толкачев, создает условия подвижных границ социальной гибридизации [6].

Следующий подход концептуально может быть обозначен как социально-стратификационный. На дисциплинарном социологическом уровне данный подход проявляется в характеристиках индивида, включенного в разные соци-

альные общности (социальные группы). Примером этого являются так называемые двухчасовые идентичности, трансгендерные идентичности, а также множественные национально-этнические и социально-гражданские идентичности. Это нашло свое отражение в работах таких исследователей, как Дж. Боденхаузен, С. Гайзер, И. Дунхан, С. Кэнг, К. Ольсон [7]. В сухом остатке особенность данного подхода такова: множественная идентичность индивида определяется тем, что индивид включается в две или несколько социальных групп, формируя свое «Я» базовыми ценностями указанных социальных групп.

Выделение указанного подхода не проясняет вопроса, который поставили еще Х. Тэйфель и Дж. Тюрнер в конце XX века о том, с базовыми ценностями какой группы (или групп) соотносится индивид, формируя свою множественную идентичность: с ценностями внешних групп или со своими внутренними ценностями [8].

В некотором отношении разрешение данной проблемы связано с так называемым дискурсивным подходом. Идентичность, как осознание индивидом своей принадлежности к той или иной социальной группе, системе ценностей или персональной позиции в рамках некоторого репертуара социально-личностных ролей и статусов, находит свое выражение в дискурсе как организации системы речи и речевого поведения, в котором указанные роли, статусы и позиции репрезентируются и проявляются. Идентичность репрезентируется в дискурсе, в речевом поведении, коммуникативных и лингвистических маркерах, репрезентирующих уже сформулированную индивидуальную идентичность.

В социуме формируются дискурсивные практики идентификации и соответствующие идентификационные механизмы, имеющие свои признаки и типы, одним из которых является так называемый нарративный тип идентификации. Как отмечают такие отечественные исследователи, как Л.В. Енина и О.С. Иссерс, направления исследования дискурсивной идентичности стремятся вы-

явить закономерности организации множественных идентификаций, связанных тематически с исследуемым концептом дискурса, и определить дискурсивные практики идентификации, конкурирующие за его «истинное» смысловое наполнение [9].

В различных дискурсах идентичности речь идет об индивидуальности, целостности и единства в самых разных контекстах, а именно, в этическом, этническом, историческом, антропологическом, социально-философском, социологическом и других, и о разновидностях, а именно, об идентичности индивидуальной и коллективной, национальной и гражданской, исторической, региональной, гендерной, сексуальной, культурной и т.п. Соответственно, в таких дискурсах идентичности трактуется как многозначная, многоплановая, многоуровневая, включающая в себя различные составляющие, элементы и слои.

Вместе с этим, в каждом отдельном дискурсе идентичности, самоотождествление индивида рассматривается через разнообразие дискурсивных контекстов, таких как коммуникативный контекст, личностный контекст, контекст категоризации членства в некотором сообществе или социуме в целом, контекст ценностных личностных, социальных и институциональных установок и других экспликаций, что позволяет квалифицировать идентичность как множественную, а сам дискурс идентичности как дискурс множественной идентичности. Дискурс множественной идентичности конструирует объяснительную модель мира, как объекта и квалифицирует того, формулирует свое отношение к этой модели мира.

И. Дунхам и К. Ольсон отмечают, что идентичность есть маркер, позволяющий описывать отношение к миру посредством его индивидуальной категоризации, а последняя играет важную фундаментальную роль в организации повседневного жизни индивида в характеристике тех или иных признаков себя самого. Социальная категоризация формируется как соотнесение указанных признаков с социальными системами ценностей [10].

Дискурс множественной идентичности конструирует объяснительную модель мира, как объекта и квалифицирует его, формулирует свое отношение к этой модели мира. Различные способы коммуникации, разговора или нарратива, как отмечает М. Везерел, вызывают у говорящих разные индивидуально-личностные и социально-групповые субъектные позиции. Индивиды, как пишет Б. Дэвидс, конструируются и реконструируются посредством различных дискурсивных практик, в которых они участвуют, в соответствии с чем такой подход к идентичности, по словам Р. Моле, дает представление о множественном и интерактивном характере социальной динамики, которые и принято называть множественной идентичностью [11].

В целом возникновение феномена множественной идентичности, как отмечает такой отечественный исследователь, как М.В. Тлостанова, связано с глобальными социальными процессами, в частности, с развитием информационного общества, с тем, что миграционные процессы глобализировались и стали во многом определять динамику социальной структуры принимающего общества, с развитием социальных сетей, и возникновением сетевой личности и виртуализации человеческого «Я». Все это характеризовало кризис идентичности, который выражался прежде всего в распаде нормы самотождественности [12].

Осмысление концепции социальной идентификации в меняющемся мире, в котором индивид играет множество социальных ролей выразилось в использовании методов социального конструктивизма, у истоков которых стояли Н. Лукман, П. Бергер и Э. Гоффман, в соответствии с чем социальную идентификацию стали трактовать как непрерывный процесс конструирования идентичности. В соответствии с чем идентичность стала трактоваться как конструкт, впрочем, конструктом считалась и социальная реальность [13]. Свой вклад в разрушение идентичности как целостной самотождественности внесли Дж. Лакан и К. Мак-

Кэйб, разработавшие концепцию децентрации субъекта и его реляционной субъективности. Его индивид фрагментарен, разорван и не равен самому себе. В концепции реляционная, децентрированная и ситуативная идентичность характеризуется не столько самоидентичностью, т.е. отношением к самому себе, сколько определяется через оппозицию «Я и Другой» [14].

Такой исследовательский подход, как отмечают Дж. Бурк, Т. Овенс, Р. Серп, П. Труатс и другие исследователи, окончательно порывает с идентичностью как с самоидентичностью и акцентирует внимание на том, как идентичность соотносится с другими идентичностями. Отсюда делается вывод о том, что идентичность сама по себе не может быть осмыслена в дискурсе без ее соотнесения (подтверждения) с другими идентичностями. А это делает дискурс идентичности многозначным и саму множественную идентичность наполняет новым смыслом [15].

Отказ от понимания идентичности как от некоторой неизменной и фиксированной внутренней сущности реализовался в концепции М. Фуко, согласно которому ранее существовавшее представление относительно идентичности, как самоопределения индивида (в том числе его самопредставления, самооценки, самопрезентации и самопредъявления) должно быть дополнено непрерывной коммуникацией, посредством чего конституируется культура и общество. Это является основанием нового понимания дискурса множественной идентичности [16].

Новое представление о множественной идентичности концептуализируется посредством понятия сложного общества, в которое такие исследователи как П. Турчин, Л. Грини и А. Коротаев характеризуют как множество различных пространств, имеющих сложную нелинейную социальную динамику. Именно на этих разнообразных пространствах осуществляется процесс идентификации индивида, обретающего свою идентичность, которая является, во-первых, множественной, во-вторых, неустойчи-

вой и нецелостной и, в-третьих, смешанной, т.е. гибридной [17].

Дискурс множественной идентичности дополняется еще и тем, что в процессе идентификации в сложном обществе индивид реализует множество личных и социальных статусов и играет множество личных и социальных ролей, где статус – это положение, которое он занимает в социуме, а роль – система действий, реализуемые индивидом, наделенным определенным статусом. Социально-статусные и социально-ролевые практики, как отмечают Л. Такса, Дж. Поуэлл и Л. Джасингхе, очень разнообразны, как правило гибридные и характеризуются множественностью [18].

Соответственно, каждый индивид в процессе идентификации, с учетом множества социальных статусов и социальных ролей имеет несколько (множество) измерений идентичности. Это дает новое представление о дискурсе множественной идентичности. М. Кастельс отмечает, что это не единственная характеристика множественной идентичности, поскольку ее множественность, если можно так сказать, умножается в силу того, что исполнение своего ролевого репертуара индивидом определяется существующими в социуме нормами и ценностями, установленными традициями, законами и институтами общества, в соответствии с чем та или иная идентичность может быть одобряемой или неодобряемой, позитивной или негативной, поверхностной или глубокой, фундаментальной или ситуативной [19].

К основным результатам можно отнести следующие положения:

– объективными основаниями множественной идентичности, как в индивидуальном, так и в социальном формате являются следующие:

а) кризис традиционной идентичности, в соответствии с чем осуществляется распад нормы самоидентичности и формирования целостного образа своего собственного «Я», что связано с процессом децентрации субъекта в современном обществе со сложной социальной динамикой, в соответствии с чем, идентичность индивида становится не-

устойчивой, гибридной, не сводимой к единственному ценностному основанию, производной от многих социокультурных практик;

б) динамика изменения социальной среды, в числе которой глобализация социальных процессов, в том числе и мировой миграции, влияющей на развитие социальной структуры общества, развитие информационного общества, в частности, развитие социальных сетей, и возникновение сетевой личности и виртуализации человеческого «Я», согласно чему социальная среда становится сложной, гибридной и креолизованной, включающей в себя множество социокультурных практик, в том числе и идентификационных, в которых основание идентификации невозможно свести к одному источнику и к одной базисной ценности;

в) глобальные процессы, а особенно развитие городской среды, являющейся социокультурной основой идентификационных процессов, дают широкое поле для формирования двойной и множественной идентичности, которые перекрывают традиционные сингулярные категоризации;

г) современное общество является многослойным, что нашло свое выражение в понятии сложного общества, в котором множественная идентичность индивида становится своеобразным способом объяснения и осмысления сложного и многоярусного социального пространства, информационного взаимодействия, социальной коммуникации и выступает навигатором индивидуального сознания в сложном социальном мире;

д) множественная идентичность индивида выражает множественность индивидуальных и социальных признаков человека и множественность социальных ролей в ролевом репертуаре современной личности в сложном обществе, в соответствии с чем возникают и развиваются множественные идентификационные механизмы, выражающиеся в системах самоописаний и социальной рефлексии, в характеристике самоопределений и самооценок, в выявлении самопрезентаций и самопредставлений;

е) множественная идентичность индивида обуславливается и на психолого-лингвистическом уровне, в соответствии с чем множественная гибридная идентичность проявляется в форме нарратива и дискурсивных идентификационных практик, на основе чего осуществляется более успешная адаптация индивидов при встраивании людей в разные типы общностей: языковую, культурную, территориальную, поскольку создаются более подвижные границы социальных общностей.

Экспликация концепта множественной идентичности в терминах гибридной идентичности открывает новые направления исследований множественной идентичности, а именно: анализ смешения культурных обычаев, языков, социальных практик и традиций различных социальных и этнических групп.

Литература

1. Эриксон, Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. – 244 С.
2. Hannerz, U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. New York: Columbia University Press. 1992. – 347 P.; Николаева, Ж., Троицкая, А. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства // Журнал пограничных исследований. 2020. № 5 (1). – С. 11–28.; Тхагалсоев, Х.Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. Спец. Выпуск. 2011. Будущее России: стратегия философского осмысления. – С. 12–17.
3. Gaither, S.E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. *Self & Identity, Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity*, 2018. № 17, – P. 443–454.
4. Шевченко, А.А. Дискурс идентичности: варианты трансформации // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2006. Том 4. Вып. 2. – С. 28–32.
5. Багаева А.В. Гибридная самоидентичность: итог совместимости несоединимого // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. – С. 31–34.; Карелин М.А. Теоретико-методологические основания гибридации поколенческого пространства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 6, № 1. – С. 36–39.; «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015. – 384 С.; Battilana, J., Dorado, S. Building sustainable hybrid organizations: The case of commercial microfinance organizations. *Academy of Management Journal*, 2010. 53(6). P. 1419–1440.; Marotta, V. Hybrid identities in a globalised world // Germov, J., Poole, M. (ed), *Public sociology: an introduction to Australian society*, Allen & Unwin, Crows Nest, N.S.W., 2011. – P. 188–204 // <http://hdl.handle.net/10536/DRO/DU:30049722> (Date of appeal – 15.01.2011).; Pieterse J.N. Globalization as Hybridization // *International Sociology*. 1994. Vol. 9, № 2. – P. 161–184.
6. Толкачев С.П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. – С. 177–182.
7. Dunham, Y., Olson, K.R. Beyond discrete categories: Studying multiracial, intersex, and transgender children will strengthen basic developmental science. *Journal of Cognition and Development*. 2016. № 17, – P. 642–665.; Gaither, S.E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. *Self & Identity // Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity*. 2018. № 17, – P. 443–454.; Kang, S.K., Bodenhausen, G.V. Multiple identities in social perception and interaction: Challenges and opportunities. *Annual Review of Psychology*, 2015. № 66, – P. 547–574.
8. Tajfel, H., Turner, J.C. An integrative theory of intergroup conflict // W.G. Austin & S. Worchel (Eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, California: Brooks/Cole. 1979. – P. 33–47.
9. Енина, Л.В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы

- дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6. – С. 159–166.; Иссерс, О.С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики: моногр. / отв. ред. О.С. Иссерс. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – С. 37–61.
10. Dunham, Y., Olson, K.R. Beyond discrete categories: Studying multiracial, intersex, and transgender children will strengthen basic developmental science. *Journal of Cognition and Development*, 2016. № 17, – P. 642–665.
 11. Wetherell, M. Debates in Discourse Research // M. Wetherell, S. Taylor, & S. Yates (Eds.), *Discourse Theory and Practice*. London: Sage Publication. 2001. – P. 380–399.; Davies, B. Positioning: The Discursive Production of Selves // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2007. № 20(1). – P. 43–63.; Mole, R. Discursive Identities/Identity Discourses and Political Power // *Discursive Constructions of Identity in European Politics*. 2007. – P. 1–21.
 12. Глостанова, М.В. Человек в современном мире: проблемы множественной идентичности // *Вопросы социальной теории*. 2010. Том IV. – С. 191–217.
 13. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 С.; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 С.
 14. Lacan, J. *Autres écrits*. London, 2001. – 605 P.; MacCabe C. *Theoretical Essays*. Manchester, 1985. – 152 P.
 15. Burke, P.J. (2003). Relationships among Multiple Identities. In: Burke, P.J., Owens, T.J., Serpe, R.T., Thoits, P.A. (eds) *Advances in Identity Theory and Research*. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-9188-1_14
 16. Foucault, M. *Confessions of the Flesh: History of Sexuality Volume IV*, translated by Robert Hurley, edited by Frédéric Gros – Penguin February 2021 (a translation of *Les Aveux de la chair*, Gallimard, 2018).
 17. *History and Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies* // Eds. P. Turchin, L. Grini, A. Korotayev, V.C. de Munck. Moscow, 2006. – 216 P.
 18. Taksa, L., Powell, G., Jayasinghe, L. Intersectionality, social identity theory, and explorations of hybridity: a critical review of diverse approaches to diversity. In R. Bendl, I. Bleijenbergh, E. Henttonen, & A.J. Mills (Eds.), *The Oxford handbook of diversity in organizations*. 2015. – P. 518–535. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199679805.013.19>
 19. Castells, M. *The Power of Identity*, 2nd ed., Blackwell Publishing, Malden, MA. 2004. – 537 P.

THE CONCEPT OF MULTIPLE IDENTITY: DIFFERENT RESEARCH APPROACHES

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I.

Southern Federal University Professor, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article discusses different formats of the concept of multiple identity, as a unity of the diversity of features from the point of view of various conceptual research approaches, while the concept of multiple identity itself is interpreted as being formed on the basis of concepts that, respectively, are a generalization of the social practices of identification mechanisms in specific disciplinary studies of the phenomenon of multiple identity. According to this, the concept of multiple identity is interpreted as a transdisciplinary meta-concept. The main formats of the phenomenon of multiple identity are the change in the identification process in the form of the disintegration of self-identity and the formation of a holistic image of one's own "I" and the transition to the decentration of the subject in a modern society with complex social dynamics, in accordance with which, the identity of the individual is pluralistic, permanently transformable, hybrid, not reducible to one value base, derived from many sociocultural practices, i.e. multiple. The objective social foundations of multiple identities are the global dynamics of the development of

the social environment, including global migration processes, the development of the urban environment, which is the sociocultural basis of multiple identification processes, the development of the information society, in particular, the development of such global forms of communication and information interaction as social networks, expansion of the role potential of individuals in a variety of sociocultural practices.

Keywords: identity, identification mechanisms, self-identity, complex society, non-linear social dynamics, role repertoire of personality, hybrid identity, discursive practices of identification

References

1. Erickson, E.G. Identity: youth and crisis. M., 1996. – 244 p.
2. Hannerz, U. Cultural Complexity: Studies in the Social Organization of Meaning. New York: Columbia University Press. 1992. – 347 R.; Nikolaeva, Zh., Troitskaya, A. Discourse on identity as a way of understanding urban space // Journal of Border Studies. 2020. No. 5 (1). – S. 11–28.; Tkhatapsoev, Kh.G. Identity as a Philosophical Category and Measure of Social Being // Philosophical Sciences. Specialist. Release. 2011. The future of Russia: a strategy for philosophical reflection. – P. 12–17.
3. Gaither, S.E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. Self & Identity, Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity, 2018. No. 17, – P. 443–454.
4. Shevchenko, A.A. Discourse of Identity: Variants of Transformation // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2006. Volume 4. Issue. 2. – S. 28–32.
5. Bagaeva A.V. Hybrid self-identity: the result of the compatibility of the incompatible // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. No. 10. – S. 31–34.; Karelin M.A. Theoretical and methodological foundations of generational space hybridization. Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2016. V. 6, No. 1. – S. 36–39.; “Hybrid wars” in the chaotic world of the XXI century / ed. P.A. Tsygankov. M., 2015. – 384 S.; Battilana, J., Dorado, S. Building sustainable hybrid organizations: The case of commercial micro-finance organizations. Academy of Management Journal, 2010. 53(6). R. 1419–1440.; Marotta, V. Hybrid identities in a globalized world // Germov, J., Poole, M. (ed), Public sociology: an introduction to Australian so-

- ciety, Allen & Unwin, Crows Nest, N.S.W., 2011. – P. 188–204 // <http://hdl.handle.net/10536/DRO/DU:30049722> (Date of appeal – 01/15/2011); Pieterse J.N. Globalization as Hybridization // International Sociology. 1994 Vol. 9, no. 2. – P. 161–184.
6. Tolkachev S.P. Problems of hybrid identity in modern multicultural literature // Knowledge. Understanding. Skill. 2013. No. 2. – S. 177–182.
7. Dunham, Y., Olson, K.R. Beyond discrete categories: Studying multiracial, intersex, and transgender children will strengthen basic developmental science. Journal of Cognition and Development. 2016. No. 17, – R. 642–665.; Gaither, S.E. Belonging to multiple groups: Pushing identity research beyond binary thinking. Self & Identity // Special Issue: New Directions in the Study of Self and Identity. 2018. No. 17, – R. 443–454.; Kang, S.K., Bodenhausen, G.V. Multiple identities in social perception and interaction: Challenges and opportunities. Annual Review of Psychology, 2015. No. 66, – P. 547–574.
8. Tajfel, H., Turner, J.C. An integrative theory of intergroup conflict // W.G. Austin & S. Worchel (Eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterey, California: Brooks/Cole. 1979. – R. 33–47.
9. Enina, L.V. Identity as a discursive concept and mechanisms of discursive identification // Political Linguistics. 2016. No. 6. – S. 159–166.; Issers, O.S. Discursive practice: to the definition of the concept // Modern speech communication: new discursive practices: monograph. / resp. ed. O.S. Issers. – Omsk: Om Publishing House. state un-ta, 2011. – S. 37–61.
10. Dunham, Y., Olson, K.R. Beyond discrete categories: Studying multiracial, intersex, and transgender children will strengthen basic developmental science. Journal of Cognition and Development, 2016. No. 17, – pp. 642–665.
11. Wetherell, M. Debates in Discourse Research // M. Wetherell, S. Taylor, & S. Yates (Eds.), Discourse Theory and Practice. London: Sage Publication. 2001. – P. 380–399.; Davies, B. Positioning: The Discursive Production of Selves // Journal for the Theory of Social Behavior. 2007. No. 20(1). – P. 43–63.; Mole, R. Discursive Identities/Identity Discourses and Political Power // Discursive Constructions of Identity in European Politics. 2007. – P. 1–21.

12. Tlostanova, M.V. Man in the modern world: problems of multiple identity // *Issues of social theory*. 2010. Volume IV. – P. 191–217.
13. Berger, P., Lukman, T. Social construction of reality. *Treatise on the sociology of knowledge*. – M.: "Medium", 1995. – 323 S.; Hoffman I. Presenting yourself to others in everyday life / Per. from English, and intro. article by A.D. Kovalev – M.: "KANONpress-C", "Kuchkovo field", 2000. – 304 S.
14. Lacan, J. *Autres écrits*. London, 2001. – 605 R.; MacCabe C. *Theoretical Essays*. Manchester, 1985. – 152 R.
15. Burke, P.J. (2003). Relationships among Multiple Identities. In: Burke, P.J., Owens, T.J., Serpe, R.T., Thoits, P.A. (eds) *Advances in Identity Theory and Research*. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-9188-1_14
16. Foucault, M. *Confessions of the Flesh: History of Sexuality Volume IV*, translated by Robert Hurley, edited by Frédéric Gros – Penguin February 2021 (a translation of *Les Aveux de la chair*, Gallimard, 2018).
17. *History and Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies* // Eds. P. Turchin, L. Grini, A. Korotayev, V.C. de Munch. Moscow, 2006. – 216 R.
18. Taksa, L., Powell, G., Jayasinghe, L. Intersectionality, social identity theory, and explorations of hybridity: a critical review of diverse approaches to diversity. In R. Bendl, I. Bleijenbergh, E. Henttonen, & A.J. Mills (Eds.), *The Oxford handbook of diversity in organizations*. 2015. – R. 518–535. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199679805.013.19>
19. Castells, M. *The Power of Identity*, 2nd ed., Blackwell Publishing, Malden, MA. 2004. – 537 R.

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Kalinich V.S.</i> Patriotic education as an element of socialization of modern youth	5
<i>Nevskaya T.A.</i> Party identity in the digital space: new challenges	14
<i>Zhang Siqi.</i> American Communication Theory in the Context of Social Relations in Modern Russia.....	20

EMPIRICAL STUDIES

<i>Ardashev R.G.</i> Criminal suicide in schools: social dimension	23
<i>Gritskikh N.V., Kononova O.N., Rybak N.S.</i> Features of the development of civil initiatives in the field of creative technologies	31
<i>Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V.</i> Expert assessment of the social space for the life of working youth	41
<i>Zubova O.G.</i> Digitalization and quality of life of the elderly in modern Russian society	55
<i>Turkova V.N.</i> Bribe as a social action (based on the system theory of T. Parsons).....	65
<i>Ustinova O.V.</i> Reproductive Attitudes in Contemporary Russian Society	72

ECONOMIC SOCIOLOGY

<i>Skudenkov V.A.</i> Economic claims in the context of mobilization.....	80
<i>Zhuravleva A.A.</i> Assessment of the development of small business institutions in Russia and China (based on a qualitative study).....	88

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Gavrilenko O.V.</i> Organizational culture and labor ethics in Soviet and Russian organizations: continuity and differences	98
<i>Siliveev I.M.</i> Expert communications of anti-crisis management	108
<i>Albakov I.U.</i> Directions for solving the problem of unemployment of university graduates: a sociological analysis.....	116
<i>Wang Beibei.</i> A Study of the Transformation of the Digital Society and the Modernization of Social Management	121

<i>Martynova E.V.</i> Implementation of the housing rights of orphans and children left without parental care	126
---	-----

<i>Mashanova A.S., Melnikova M.S.</i> Formation of the educational space for the implementation of inclusive educational practices: assessment of the readiness of the teaching staff of the university.....	135
<i>Osmolovskaya S.M.</i> Digital Sociology of Higher Education	143

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Chagin V.S.</i> Youth suicide during pandemic self-isolation	148
---	-----

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Nekritaya O.N.</i> The influence of Immanuel Kant's approaches to understanding the essence of family and marriage relations on Russian Orthodox philosophy.....	156
<i>Oleinik P.I.</i> Philosophical analysis of the goals of B. Russell in the construction of a program of logicism.....	160
<i>Cao Jiaqi.</i> Historical process in the Christian philosophy of Augustine of Hippo and Nikolay Berdyaev	169

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

<i>Politova E.D.</i> Observation as intervention in the course of events within the context of T. Jung's theory	179
<i>Dzyuba L.M.</i> The factor of temporal coordination in the system of intersubjectivity of individuals in an inclusive society	186
<i>Popov V.V.</i> Features of correlation of intersubjectivity and temporal coordination in the context of subjective time of individuals in an inclusive society.....	191
<i>Latysheva N.A.</i> Paradigms of Symbols and Symbolic Spaces in modern social practices	197

SCIENTIFIC LIFE

<i>Volkov Yu.G., Kurbatov V.I.</i> The concept of multiple identity: different research approaches	202
--	-----

